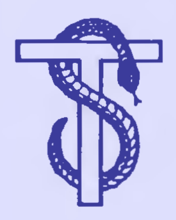
НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

Вестник Теософии

1992 №1

Satyat Nasti Paro Dharmah

Дорогие друзья!

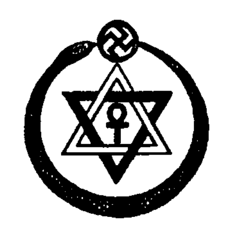
Ныне исполняется год со дня возобновления деятельности Российского Теософского Общества. Истоки Теософии в России теряются в глубокой древности. Они — в эзотерических знаниях народной традиции и в древнерусской книжности, в преданиях старины и исканиях любомудрия. Возникновение первых организаций русских теософов относится к 18—му столетию и связано с именами Н. Новикова, И. Лопухина, И. Тургенева. Российское Теософское Общество как таковое ведет свою историю от начала нашего века. И сегодня мы рады прилагать свои силы к восстановлению его добрых традиций. Одной из них является представляемый Вам главный печатный орган Общества, в возрождении которого мы видим одну из первейших своих задач.

Сейчас, когда сама жизнь, меняя свой облик, преподносит нам свой очередной урок, мы можем опереться лишь на незыблемые тысячелетние устои духовной культуры нашего народа и всего человечества, утверждающие великие основы бытия.

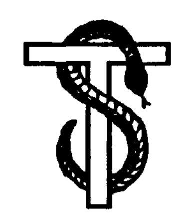
В программе журнала: Классическое наследие и новейшие разработки Теософии. Источники и материалы по сравнительному религиоведению, оккультизму и духовно—мистическим исканиям прошлого и настоящего. Естественнонаучные, парапсихологические и оккультные исследования в области скрытых сторон природы и человека. Художественная литература и поэзия.

Вы познакомитесь с неизвестными Вам произведениями Е. П. Блаватской, Н. К. и Е. И. Рерихов, Д. Кришнамутри, Фр. ла Дью, С. Вивекананды; получите возможность работы с книгами Гермеса и орфическими текстами, Упанишадами и апокрифическими Евангелиями, а также материалами славянских эзотерических традиций; войдете в удивительный мир духовно—мистической поэзии и прозы В. Ф. Одоевского, К. Е. Антаровой, В. И. Крыжановской, М. Волошина, Н. А. Клюева.

Постоянными читателями «Вестника Теософии» в первый период его жизни были А. Скрябин и М. Волошин, Л. Толстой и П. Успенский. До сей поры он остается необходимым источником для всех, желающих прикоснуться к основам сокровенного знания. И мы надеемся, что наш журнал вновь станет трибуной и глашатаем исканий человеческого духа — настольным чтением всех взыскующих Божественной Правды и Мудрости.

Российское
Теософское Общество

Вестник Теософии

№ 1

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1992

ИЗДАВАЛСЯ В 1908-1918 ГОДАХ

ВОЗРОЖДЕН С 1992 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Издательство «Сфера» Российского Теософского Общества
Москва, Трехгорный Вал 2, 49.

МАНИФЕСТ Российского Теософского Общества

Возрождая сегодня официальную деятельность Российского Теософского Общества, внутренняя работа которого по существу не прекращалась даже в самые тяжелые для духовной культуры годы, мы вновь торжественно провозглашаем свою верность трем основным устоям Теософии, пронесенным через тысячелетия многими поколениями духовных подвижников в самых разных частях света и данных современному человечеству нашей великой соотечественницей Еленой Петровной Блаватской:

«1. Принцип Братства Человечества есть одна из вечных истин, управляющих мировым прогрессом по линиям, которые отличают человеческую природу от животной.

2. Нет более плодовитого источника ненависти и борьбы, как религиозные несогласия. Если одна или другая сторона мнит себя единственным обладателем абсолютной истины, то она естественно начинает считать, что ее сосед находится в когтях заблуждения или «диавола». Но ни одна из сторон не владеет полной истиной, все они взаимно дополняют друг друга, так что полная истина может быть найдена лишь в синтезе всех религий, тогда истинное братство религий будет прочно установлено.

3. Исследовать сокровенные тайны природы под всевозможными видами и, главным образом, физические и духовные силы, скрытые в человеке.

Это и составляет, в широких чертах, три главные цели Теософского Общества.»

Эти принципы, как вечный огонь на алтаре Высшей Истины, сохранены в веках со времен, теряющихся в тумане древности, Кришной в «Бхагавадгите», Аммонием Сакасом и его учениками, императором Акбаром, Шри Рамакришной.., а в России — блестящей плеядой русских теософов от Новикова, Лопухина и Тургенева до Блаватской, Толстого, Клюева, Рериха и других выдающихся сынов нашего отечества.

В наши дни глобальных перемен, дающих нам надежду на лучшее будущее, но связанных и с целым рядом негативных явлений, отбрасывающих нас назад, мы считаем своим долгом вновь поднять знамена братства человечества и единства его духовной культуры. В дни, когда национальное возрождение то и дело принимает извращенные националистические формы, когда религиозный ренессанс сопровождается нетерпимостью и фанатизмом, а устремления к познанию и творческому освоению тайн природы и человеческого духа зачастую приводят к вульгарной мистике, черной магии и суеверию, мы считаем необходимым всемерное проведение в жизнь основ

Теософии.

Обращаясь к основным положениям Российского Теософского Общества 1908–18 годов мы вновь говорим:

«Теософскому Обществу в России предстоит ответственная и радостная миссия объединить в одном глубоком русле многие разрозненные духовные движения, чтобы совместно с ними, всюду пробуждая духовное сознание, повести строительство обновленной жизни по светлым линиям теософского и научно–религиозного синтеза.

Среди тяжелых переживаний настоящей исторической минуты, угнетающего всех пессимизма и неверия, среди страшных психических эпидемий и всевозможных нервных заболеваний, Теософское движение должно влить свою целительную, чистую силу в исстрадавшийся, расшатанный организм современного общества, вернуть человеку веру в себя и в будущее, осветить смысл настоящих скорбных переживаний и вдохнуть в него силу все преодолеть, чтобы воскреснуть к новой жизни и идти к зачинающейся заре благословенного Нового Дня».

Говоря о духовном возрождении отечества, мы ставим своей задачей достижение всеобъемлющего синтеза отечественной духовной культуры, корни которой уходят в глубины языческой и пантеистической древности; ствол зиждется на прочной основе христианского православия со множеством направлений и толков, олицетворенного в образах русских святых и в первую очередь Преподобного Сергия Радонежского и всей плеяды его учеников и последователей, а также мощном пласте преемственности народной культуры; крона же расцветает творчеством Соловьева и Флоренского, Клюева и Волошина, Блаватской и Рерихов, Циолковского и Скрябина, и всего пантеона отечественной литературы, искусства, науки и философии. Особое внимание должно быть уделено традиционной народной культуре, сохранившей до наших дней, живую преемственность в передаче самых сокровенных знаний о природе и человеке.

Припадая к живому ключу тысячелетней мудрости нашего народа, мы вновь должны вспомнить об одном из краеугольных ее камней — Беловодии. Святая вера в оплот Красоты, Правды и Святости на Земле в далеких горах на Востоке, объединяющая в разных именах и названиях все народы Евразии, веками манила поломников и искателей высшей истине к Гималаям и Тибету, скрывающим обитель святых старцев. Сегодня мы должны внять крику души «посвященного от народа» поэта Николая Клюева:

«Загноили мы землю родительскую, кровями искупленную, от Соловков по потайных храмов индийских праведными, алчущими правды лапоточками измеренную!

Где ты, золотая тропиночка, — ось жизни народв русского, крепкая адамантовая верея, застава Святогорова?»

По этой тропе «с Соловков на Тибет», тайну которой хранили поколения дворян–теософов и кержаков–крестьян, прошли сотни искателей. Ее чаял Владимир Соловьев, когда писал:

Иль, ослабев, умру с тоски и горя я
Судьбе в укор
Иль путь найду в Тибета плоскогория
Чрез Куку–Нор.

Обозримая история русских хождений за мудростью беловодских старцев начинается для нас с паломничества монаха Сергия в 10 веке с

посольством от князя Владимира. Но все, имевшие счастье приобщиться к обители Мудрости, свято хранили тайну до срока. Первым посланцем Братства человечеству стала Елена Петровна Блаватская, открывшая миру окно к великим знаниям и высокой духовности святогорной обители, и отмкнувшая дверь следующим вестникам, в числе которых среди наших соотечественников мы видим светлые образы Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов.

Залогом справедливости наших устремлений мы видим вечные устои духа нашего народа, являющиеся органической частью духовной культуры всего мира. Ибо устои эти провозглашают братское единство человечества, звучащее везде и во всем и наиболее ярко выраженное в словах Достоевского о всемирной отзывчивости русской души. Религиозно-духовный синтез столь же неотъемлем от русского народного самосознания. Наиболее ярко этот синтез звучит в творчестве, наверное, самого народного из русских поэтов — Николая Клюева, пишущего о «русской светелке, где все разноверья и толки»:

Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,
Как жилы стучатся в телесный покой.
Впусти их раздумьем — и въявь обретешь
Ковригу Вселенной и Месячный Нож —
Нарушай ломтей, и Мирская душа
Из мякиша выйдет, крылами шурша.
Таинственный ужин разделите вы...

К познанию же законов духа нас устремляет сияющий в веках опыт русской святости в образах подвижников нашей земли от мудрецов Арконы до монастырей Сергия Радонежского и носителей теософских традиций нашего времени, а также уходящие корнями в седую старину богатейшие оккультные знания народной культуры.

Организационно восстанавливая наше общество мы видим своей первой задачей возрождение его добрых традиций просвещения, милосердия и братской общинности. Необходимо возродить к новой жизни широкую издательскую деятельность Общества, лекционные и семинарские циклы, группы духовного общения, библиотеки, традиции научных исследований и т.д. Мы считаем своим долгом приложить усилия к восстановлению мистериальной роли искусства, как знаменосца Красоты. Той Красоты, осознание которой спасет мир. Столь же необходимой мы видим и работу, направленную к осознанию человечеством психической энергии, того великого Агни, познание и правильное овладение которым необходимо для устроения жизни на подлинно духовных началах. Мы надеемся, что это именно те идеи, которые могут сегодня сплотить все силы нашего общества, устремленные на деле к Общему Благу и поиску Истины.

Обращаясь к наследию Российского Теософского Общества, мы повторяем:

«Совет Российского Теософского Общества питает глубокую уверенность, что Теософии действительно предстоит сказать в России новое слово и помочь стране выйти из переживаемой эпохи с более ясным, сознательным отношением как к личной, так и общественной деятельности на благо всех. Тогда, и только тогда разум и сердце сольются в познании Вечного, Прекрасного и Святого...»

Москва
8 января 1991 г.

Е. П. Блаватская

Золотые Ступени

Воззри на Истину перед тобой:

Чистая жизнь,

Свободное сознание,

Светлое сердце,

Пытливый разум,

Открытость духовного восприятия,

Братское чувство ко всем окружающим,

Готовность дать и принять совет и указание,

Верность чувству долга перед Учителем,

Ревностное следование заветам ПРАВДЫ, раз мы определились в своей убежденности и вере, что Учитель обладает ею,

Мужественное претерпение личной несправедливости,

Смелое провозглашение принципов,

Горячая защита ближнего от несправедливых нападок,

Взор, постоянно устремленный на идеал человеческого развития и совершенства, данный Сокровенной Наукой, —

Такова Золотая Лестница, ступенями которой ученик может взойти к Храму Божественной Мудрости.

Перевод с английского Д. Попова

Е. П. Блаватская

Что такое Теософия?

Этот вопрос задается столь часто, и превратные толкования распространяются столь широко, что со стороны редактора журнала, посвященного выражению идей мировой Теософии, было бы непростительной ошибкой издать первый номер без статьи, направленной на установление полного взаимопонимания с читателями. Но наш заголовок содержит два вопроса: что такое Теософское общество и что такое теософ. На оба будет дан ответ. Согласно лексикографии, термин *Теософия* состоит из двух греческих слов: «Теос» — Бог и «софия» — мудрость. До этого момента все верно. Но последующее объяснение очень далеко от того, чтобы прояснить идею Теософии. Вебстер довольно оригинально определяет ее так:

«Поддержание общения с Богом и высшими духами и сознательное достижение сверхчеловеческого знания путем *физических процессов*, как добивались того через теургические действа некоторые древние платонисты, или *химическими процессами* — немецкие философы огня.»

Это довольно легкомысленное и, мягко говоря, неуважительное объяснение. То, что мр. Вебстер связывает такие имена, как Аммоний Сакс, Плотин, Ямвлих, Порфирий, Прокл, с подобной идеей, показывает либо сознательное искажение, либо незнание им философии и побуждений великих гениев Александрийской Школы. Относить намерение развить свои психологические, духовные чувства посредством «физических процессов» к тем, кого как современники, так и потомки называли — «Теодидактои» — Богом ученые, — значит говорить о них как о материалистах. Что же касается последнего камня, брошенного в философов огня, то он отскакивает от них и попадает в наших знаменитейших современных ученых, в уста которых «Review James Martineau» вкладывает следующее бахвальство: «Материя — вот все, что нам нужно; дайте нам атомы, и мы объясним всю вселенную.»

Вауган предлагает гораздо лучшее, более философское определение. Он говорит:

«Теософ — это тот, кто дает вам теорию Бога или действий Бога, который не давал откровений, но вдыхал себя в свои основы.»

Таким образом, каждый мыслитель и философ, в особенности же каждый основатель новой религии, философской школы или секты, уже был теософом. Следовательно, теософия и теософы существовали с той самой поры, когда первый проблеск нарождающейся мысли заставил человека искать средство выражения своего собственного, независимого мнения.

Несмотря на то, что христианские писатели исчисляют развитие эклек—

тической теософской системы с начала третьего века христианской эры, теософы существовали и до нее. Диоген Лаэртский прослеживает существование теософии от эпохи династии Птолемеев и называет ее основателем египетского иерофанта Пот-Амона. Это коптское имя, и означает оно священника Бога Амона — Бога Мудрости. История же показывает возрождение ее Аммонием Саксом, основателем Неоплатонистской Школы. Он и его ученики называли себя «Филалетиане» — поклонники истины. В народе же за их метод интерпретации всех священных легенд, символических мифов и тайн посредством аналогии или соответствия так, что события, произошедшие во внешнем мире воспринимались как выражающие действия и впечатления человеческой души, их называли «Апологистами». Целью Аммония Сакса было примирение всех сект, людей и наций под одной верой — верой в Высшего Предвечного, Непознаваемую и Невыразимую Силу, правящую во вселенной незыблемыми вечными законами. Он хотел показать, что основная система теософии первоначально во всех странах была в своих фундаментальных положениях единой; он хотел убедить человечество отложить споры и распри и объединиться в мыслях и намерениях, подобно детям одной общей матери; хотел очистить древние религии от шлака субъективного элемента, *объединяя и объясняя их на основе чисто философских принципов*. Следовательно, наряду со всеми философами Греции, в Эклектической Теософской Школе изучались также и буддизм, и ведантизм, и магизм или зороастризм. Отсюда и проявление среди александрийских теософов таких, характерных преимущественно для буддистов и индусов, особенностей, как почитание родителей и пожилых людей, братская любовь ко всему человечеству, сострадание даже к бессловесным животным. Он все время старался установить систему моральной дисциплины, которая вызвала бы у людей стремление жить по законам своих стран, возвысить, пробудить их разум созерцанием и изучением Абсолютной Истины; главной его целью для того, чтобы достучаться до сердец всех людей, было, как он верил, извлечение из различных религиозных учений, как из многострунного инструмента, одной всеобъемлющей, гармоничной мелодии, которая нашла бы отклик во всех преданных истине сердцах. Значит, теософия — это древняя Мудрость-Религия, эзотерическая доктрина, которая когда-то была известна во всех претендующих на цивилизованность странах. Все писатели тех времен изображают эту «Мудрость» как эманацию Божественного Принципа, и ясное понимание этого отражено в таких именах, как индийское Будх, вавилонское Небо, Тот Мемфиса и Геркулес Греции, а также в именах богинь — Метис, Нейт, Атена, гностическая София и, к тому же, Веды, чье имя произошло от слова «знать». Это же определение относится и ко всем античным философам Востока и Запада, иерофантам древнего Египта, риши ариаварта, теодиактоям Греции, получившим знание оккультных и божественных тайн. Таким образом, «Меркавах» еврейских раввинов, популярная мирская серия, является лишь средством достижения, внешней оболочкой, содержащей высшее эзотерическое знание. Маги Зороастра получали инструкции и посвящения в пещерах и тайных ложах Бактрии; египетские и греческие иерофанты произносили свои апорхета, или тайные формулы, и *Мисты* становились Эпоптами — Пророками.

Центральной идеей эклектической теософии была единая Высшая Сущность, Незнаемая и Непознаваемая, ибо, как вопрошает «Брихадараньяка

Упанишада»: «Как можно познать того, кто творит знание?» Ее система характеризуется тремя определенными разделами: теорией вышеупомянутой Сущности, доктриной человеческой души — эманации этой Сущности, и ее теургией. Именно эта последняя наука и послужила причиной столь искаженных представлений о неоплатонистах в наш век материалистической науки. По существу, теургия — это искусство применения божественных возможностей человека для подчинения слепых сил природы; сначала представителей этой науки назвали магикианами — что является искажением слова «Маг», обозначающего мудрого или ученого человека, — и затем осмеяли. Скептики прошлых лет допустили бы невероятную промашку, насмехаясь над идеей фонографа и телеграфа. Тех, кого одно поколение осмеивало и называло «неверными», следующее, как правило, почитало мудрецами и святыми.

В Божественную Сущность и природу души и духа современные теософы верят так же, как и древние. Диу ариев идентичен Иао халдеев и даже Юпитеру менее образованных по философской части римлян; и точно так же он идентичен Яхве самаритян, Тиу или «Тиуско» норманов, Дуву бриттов и Зевсу фракийцев. Что же касается Абсолютной Сущности, Единой и Вездесущей, то, возьмем ли мы для рассмотрения этого понятия учение греков—пифагорейцев, халдейскую Каббалу или философию ариев, — результат будет один и тот же. Первичная Монада в системе Пифагора, которая растворяется в темноте и которая и есть сама Темнота (для человеческого сознания), была положена в основу всех вещей; и эту идею, во всей ее целостности, мы можем встретить в философских системах Лейбница и Спинозы. Следовательно, соглашается ли теософ с Каббалой, которая, говоря об Эйн Софе, вопрошает: «Кто же тогда может осознать Его, если Он Бесформенный и Несуществующий?»; повторяет ли он величественный гимн из «Ригведы» (книга X, гимн 129):

> Кто знает, откуда берет начало это великое творение?
> Создала ли его Его воля, или она бездействовала?
> Он знает это — а, может быть, *не знает даже Он*;

принимает ли ведантическую концепцию Брахмы, который представляется в «Упанишадах» как «не имеющий жизни, не имеющий разума, чистый, бессознательный, ибо Брахма — это «Абсолютное Сознание»; или, в конце концов, разделяя веру Свабхавиков Непала, он утверждает, что не существует ничего, кроме «Свабхавы» (субстанции природы), которая существует сама по себе и не имеет никакого Творца, — любая из этих концепций может привести его лишь к чистой и абсолютной Теософии, которая побуждала таких людей, как Гегель, Фихте, Спиноза, продолжать труд греческих философов и разъяснять Единую Субстанцию, Божество, Божественное Все, произошедшее от Божественной Мудрости, неизвестное, непознаваемое и *невыразимое*, на основе всех древних и современных религий, кроме христианства и магометанства. Каждый теософ, придерживающийся теории Божества, «который не давал откровений, но вдыхал себя в свои основы», может воспринять любое из вышеперечисленных определений или принадлежать к любой из этих религий и, тем не менее, оставаться в пределах Теософии, ибо она является верой в Божество, которое есть *Всё*, которое является источником существования, беспредельностью, которая не может

быть понята и осознана, вселенной, которая одна лишь представляет Это, или Его, как предпочитают говорить некоторые, тем самым наделяя Это полом, антропоморфизируя, что является *богохульством*. Истинные теософы сторонятся грубых материализаций; они предпочитают веру, что, вечно оставаясь в себе, Дух Бога ничего не желал и ничего не творил. Но то, что бесконечно, озаряя все, исходит от Великого Центра, то, что создает все видимое и невидимое, — это Луч, несущий в себе творящие и зарождающие силы, луч, который, в свою очередь, создал то, что греки называли Макрокосмос, каббалистский Тиккун, или Адам Кадмон — первичного человека, арийскую Пурушу, проявленного Браму, или Божественного Мужа. Теософы верят также и в Анастазис, или продолжение существования, и в переселение (эволюцию), серию изменений души*, которые могут быть защищены от нападок и объяснены на строгих философских принципах, но только нужно установить различие между ведантическими Параатма (трансцендентальной, высшей душой) и Дживатма (животной, сознательной душой).

Для полного определения Теософии мы должны рассмотреть ее во всех аспектах. Внутренний мир не скрыт от нас непроницаемой тьмой. Во все века и во всех странах существовали люди, которые с помощью высшей интуиции, даваемой Теософией, или Богопознанием, ощущали вещи мира внутреннего, невидимого. Следовательно, и «Самадхи», или Дхиан Иог Самадхи, индийских аскетов, и «Даимонион-фотизма», или духовное просвещение, неоплатонистов, и «звездные беседы души» розенкрейцеров, или философов огня, и даже экстатический транс мистиков и современных гипнотизеров и спиритуалистов — хотя и различны по выражению, едины по сути. Поиски человеческого божественного «я», столь часто интерпретируемые как личное общение с персональным Богом, занимали всех мистиков, и, похоже, что вера в его существование — ровесница человечеству. Но каждый человек называет это по-своему. Так, то, что Платон и Плотин называли «умственной работой», Иогин и Шротрия именуют Видья.

«Размышлением, самопознанием и дисциплиной мысли душа может быть поднята до видения вечной истины, добра и красоты — Видения Бога — это и есть эпоптиа,» — говорят греки. Порфирий же добавляет к этому следующее:

«Для Объединения души со Вселенской Душой необходим совершенно чистый разум. Через самосозерцание, целомудрие и очищение тела мы можем приблизиться к Ней и получить, еще в этом состоянии, знания и прекрасную проницательность.»

Свами Даянанд Сарасвати, не читавший ни Порфирия, ни других греческих писателей, но в совершенстве изучивший Веды, в своей «Веда Бхашья» пишет:

«Для достижения Дикша (высшего посвящения) и Иоги необходимо руководствоваться правилами... Познавая Вселенский Дух (или Бога), все многообразие вселенной и качества (оккультные) вещей, душа в человеческом теле может творить величайшие чудеса. Такой человек (Дикшита, или

* В серии статей под общим названием «Великие Теософы Мира» мы надеемся показать, что, начиная с Пифагора, получившего знания в Индии, и до наших известнейших философов и теософов, таких, как Девид Хьюм, Шелли и французские спиритуалисты, многие верили и верят в метампсихоз, *или перевоплощение души; но нужно принять во внимание* недоработанность системы спиритов.

посвященный) может достичь способности слышать и видеть на огромном расстоянии».

В завершение к этому мы процитируем слова Альфреда Р. Валласа, члена Королевского Общества, спиритуалиста и признанного натуралиста, смело и откровенно заявляющего следующее:

«Чувствует, ощущает, думает один лишь дух — это он достигает познания, размышляет и устремляется... Очень редко встречаются люди с такой организацией, что их дух может ощущать независимо от телесных органов чувств или может, частично или полностью, покинуть на время свое тело и вернуться в него вновь,... дух... сообщается с духом легче, чем с материей.»

Теперь мы можем видеть, как, минуя тысячелетия, эра Гимнософистов* вмешалась в наш высокоцивилизованный век, несмотря на просвещение, а, может быть, именно благодаря просвещению, пролившему свой сияющий свет как на физическую, так и на психологическую область естества. Около двадцати миллионов людей верят сегодня, в различных формах, в те же самые духовные возможности, в которые верили йогины и пифагорейцы около 3000 лет назад. Как арийские мистики заявляли о своей способности решать все проблемы жизни, когда они достигали возможности действовать независимо от тела, через Атма — «я», или «душу», как древние греки искали Атме — Сокрытого, или Бога—Душу Человека, пользуясь символическим зеркалом Тесмофорианских мистерий, так и современные спиритуалисты верят в способность духов, или душ развоплощенных людей, сообщаться, видимо и ощутимо, с теми, кого они любили при земной жизни. И все они — арийские йогины, греческие философы и современные спиритуалисты — утверждают эту возможность на том основании, что воплощенная душа и ее никогда не воплощающийся дух — реальное «я» — вовсе не отделены ни от Вселенской Души, ни от других духов пространством, но единственно лишь различием их качеств, ведь беспредельное проникновение вселенной не может быть ограничено. И если это различие преодолено — абстрактным ли созерцанием, дающим временную свободу заточенной в теле душе, как понимали это греки и арийцы, или же, согласно представлениям спиритуалистов, медиумизмом — такое объединение воплощенного и развоплощенного духов, действительно, становится возможным. Именно это и происходило с иогинами Патанджали и следовавшими по их стопам Плотином, Порфирием и другими неоплатонистами, утверждавшими, что иногда, во время их жизни, в часы экстаза, они соединялись, или, вернее, становились одним целым с Богом. Также, было, да и есть, немало философов, требующих оставить эту смешную идею, какой она может показаться в приложении к Вселенскому Духу, как совершенную химеру. Единственным оспариваемым местом, темным пятном в философии экстремального мистицизма, у Теодидактов было их требование поставить видения экстаза выше чувствительных ощущений. В случае же иогинов, утверждавших, что они способны видеть Ишвару «лицом к лицу», это их утверждение было ниспровергнуто строгой логикой Капилы. Что же касается такого же предположения, сделанного относительно греческих последователей, множества приверженцев хри—

* Реальность возможностей Иоги подтверждена множеством греческих и римских писателей, называвших Иогинов индийскими Гимнософистами; среди них можно назвать такие имена, как Страбо, Лукиан, Плутарх, Цицерон, Плиний и т.д.

стианства, обладавших способностью впадать в экстаз, и, в конце концов, для последних двух претендентов на «Боговидение» нашего столетия — Якоба Беме и Сведенборга — то эта претензия могла бы и должна бы быть логически и философски подвергнута сомнению, если нескольких наших знаменитых ученых, являющихся спиритуалистами, более интересует философия, нежели чистый феноменализм спиритуализма.

Александрийские теософы подразделялись на неофитов, посвященных и учителей, или Иерофантов; они заимствовали свои принципы от античных мистерий Орфея, который, как пишет Геродот, привез их из Индии. Аммоний брал со своих учеников клятву не разглашать *высшие* доктрины никому, кроме тех, кто был достоин того и посвящен, кто умел уважать богов, ангелов и демонов других людей, согласно эзотерической *гипонои*, или скрытому значению. Эпикур замечает следующее:

«Боги существуют, но они не являются тем, как их понимают *хои поллои*, необразованные массы. Он не атеист, отрицающий существование Богов, которым поклоняются толпы, но он тот, кто устремляет мысли масс к этим богам.»

По-своему, Аристотель выражает это так:

«Божественная Сущность пронизывает собой всю природу, иными словами, Бог просто является первичным принципом.»

Плотин, ученик «Богом ученого» Аммония, говорит, что тайный гнозис, или познание Теософии, имеет три степени — убеждение, изучение и *просвещение*.

«Средствами или инструментами первой являются чувства или ощущения; у второй — диалектика; у третьей — интуиция. На последней ступени рассудок находится в подчиненном положении; это *абсолютное познание*, основанное на слиянии сознания с объектом изучения».

Теософия — это, так сказать, точная наука психологии; она находится в таком отношении к естественному , некультивированному медиумизму, как познания в физике Тиндаля и школьника.

Она развивает в человеке непосредственное созерцание — то, что Шеллинг назвал «реализацией отождествления объекта и субъекта в личности»; под воздействием знания *гипонои* человек воспринимает божественные мысли и вещи так, как они есть на самом деле и, в завершении, «становится приемником Души Мира», как прекрасно выразился Эмерсон. «Я, несовершенство, поклоняюсь своему собственному совершенству», — говорит он в своем замечательном эссе о Высшей Душе. Кроме этого психологического, душевного фактора, теософия культивирует все разделы науки и искусства. Она очень хорошо знакома с тем, что широко известно как гипнотизм. Теософы отвергают практическую теургию, или «ритуальную магию», к которой прибегают римские католические священники для изгнания злых духов. Когда человек не знает истинного значения эзотерических божественных символов, он может не рассчитать силы своей души и, вместо духовного и мысленного контакта с высшими, небесными сущностями, добрыми духами (богами теургов школы Платона), он, не сознавая того, призовет таящиеся вокруг человечества злые, темные силы — неумирающие злобные порождения человеческих преступлений и пороков — и так от *теургии* (белой магии) докатится до *гоэтии* (черной магии, колдовства). Конечно, ни белая, ни черная магия не являются на самом деле тем, что

понимает под этими словами общественное суеверие. Думать, что существует возможность «поднятия духа», согласно определению Соломона, — верх суеверия и невежества. Единственно чистота наших действий и мыслей поднимает нас до общения «с богами» и приближает к желанной цели. Алхимия, воспринимаемая многими как духовная философия, так же, как и физическая наука, принадлежит к учениям Теософской школы.

Нужно отметить тот факт, что ни Зороастр, ни Будда, ни Орфей, ни Пифагор, ни Конфуций, ни Сократ, ни Аммоний Сакс ничего не записывали. Причина тому понятна. Теософия — это оружие, заостренное с двух сторон и непригодное для эгоистов и невежд. Как и у всех древних философий, у нее есть жрецы и в наши дни, но с самых давних времен и поныне последователи ее немногочисленны, и принадлежат они к самым различным сектам и взглядам.

«Чисто умозрительная, не создающая никаких школ, она до сих пор оказывает молчаливое влияние на философию, и, несомненно, когда придет время, эти безмолвно выдвинутые идеи могут даже дать новое направление человеческой мысли», — замечает мр. Кеннет Р. Х. Маккензи, сам мистик и теософ.

Со времен философов огня они никогда не объединялись в общества и были известны как теософы лишь немногим равным, ибо христианские священники выслеживали их, как диких зверей, и смерть была им определена заранее. Статистика показывает, что за период в 150 лет по обвинению в колдовстве в Европе было сожжено более 90000 мужчин и женщин. Только в Великобритании с 1640 по 1660, за двадцать лет, за договор с «дьяволом» было предано смерти 3000 людей. И лишь в конце нашего века — в 1875 году — несколько прогрессивных мистиков и спиритуалистов, неудовлетворенных теорией и объяснениями спиритизма, посвятив себя служению ему и обнаружив, что они далеки от того, чтобы охватить всю область феноменов, организовали в Нью-Йорке, в Америке, ассоциацию, широко известную ныне как Теософское общество. Объяснив теперь, что такое Теософия, мы разъясним в отдельной статье сущность нашего Общества, которое еще называется «Всеобщим Братством Человечества».

Перевод Алексея Герасимова

Зверь родственен человеку, человек родственен Богу.

Пифагор

Теософия ярко ставит перед человеком идеал красоты и совершенства и озаряет его путь светом опыта мудрых и святых. Верно было сказано Ампелем, что человек есть хризалида, куколка ангела. В человеке таятся божественные силы, и когда он их почувствует и осознает, то у него вырастают крылья, чтобы жить в Вечном.

А. А. Каменская

Свет на Пути*

I

Правила эти начертаны для всех учеников: внимай им.

Прежде чем очи увидят, они должны быть недоступны слезам.

Прежде чем ухо услышит, оно должно утратить свою чувствительность.

Прежде чем голос может заговорить в присутствии Учителей, он должен утратить способность наносить боль.

Прежде чем душа может предстать перед Учителем, стопы ее должны быть омыты кровью сердца.

1. Убей в себе честолюбие.[1]
2. Убей желание жить.
3. Убей желание утех.
4. И трудись, как трудятся честолюбцы. Чти жизнь, как чтут ее те, которые желают жить. Будь счастлив, как счастливы те, которые живут для счастья.

Ищи в сердце своем источник зла и вырви его. Он живет и приносит плоды в сердце преданного ученика так же, как и в сердце, полном желаний. Только сильный может убить его. Слабый должен дождаться, пока он созреет, даст плод и умрет сам. Этот побег живет и разрастается на протяжении многих веков. Он расцветает, когда человек прошел через бесчисленные существования. Тот, кто хочет вступить на стезю могущества, должен вырвать эту вещь из своего сердца. И тогда сердце начнет истекать кровью, и вся жизнь покажется разрушенной. Это испытание *необходимо* выдержать: оно может прийти на первой ступени многотрудной лестницы, ведущей в жизнь, оно может прийти только под конец. Но помни, о ученик, что оно *должно* быть перенесено, и собери для того все силы души своей. Живи не в настоящем и не в будущем, живи только в вечном. *Там* — этот буйно разрастающийся побег не может расцвести: он погибает в атмосфере вечной мысли.

5. Убей в себе чувство разъединения.[2]
6. Убей желание ощущений.
7. Убей жажду роста.
8. И оставайся одиноким, ибо ничто воплощенное, ничто сознающее себя отдельным, ничто, помимо Вечного, не может помочь тебе. Наблюдай свои ощущения и поучайся у них, ибо так начинается самопознание; и стань твердо на первую ступень лестницы. Вырастай, как растет цветок, бессозна — тельно, но с горячим желанием раскрыть свою душу небесам. *Так* нужно

* «Свет на пути» является одним из древнейших канонических текстов эзотерических школ. Впервые опубликован в Европе французской сподвижницей Е. П. Блаватской, писательницей М.Коллинз.

стремиться вперед, чтобы раскрыть свою душу для Вечного. Вечное должно развернуть твои силы и красоту, а не желание роста. В первом случае ты будешь развиваться в преизбытке чистоты; во втором — силы твои будут скованы могучей страстью к личному росту.

9. Желай только того, что внутри тебя.

10. Желай только того, что вне тебя.

11. Желай только того, что недостижимо.

12. Ибо внутри тебя свет мира, единый свет, который может светить на Пути. Если ты неспособен увидать его внутри себя — бесполезно искать его в ином месте. Он — вне тебя, потому что, достигнув его, ты потеряешь себя. Он недостижим, ибо вечно движется отступая. Ты войдешь в свет, но никогда не притронешься к Пламени.

13. Желай власти горячо.

14. Желай мира пламенно.

15. Желай обладания над всем.

16. Но обладание это должно принадлежать только чистой душе, следовательно, всем чистым душам в равной мере, быть собственностью целого, когда оно вступит в единство. Жаждай такого обладания, какое может вместить чистая душа, чтобы мог ты собирать сокровища для того духа жизни, вступившего в единство, который и есть твое истинное Я. Мир, которого ты должен жаждать, есть тот ничем невозмутимый, священный мир, в котором душа растет, как священный цветок на тихих водах лагуны. И та власть, которой ученик должен добиваться, придаст ему вид ничтожества в глазах толпы.

17. Разыскивай путь.[3]

18. Ищи путь, отступая все более внутрь.

19. Ищи путь, выступая смело наружу.

20. Не ищи его на одной определенной дороге. Для каждого человека есть своя дорога, которая кажется наиболее желанной. Но достигнуть «пути» нельзя одной только праведностью, или одним религиозным созерцанием, или горячим стремлением вперед, самоотверженным трудом или прилежным наблюдением жизни. Все это в отдельности подвинет ученика только на одну ступень.

Все ступени должны быть пройдены до самого верха лестницы. Пороки людей, один за другим, по мере их одоления, становятся пройденными ступенями. Добродетели людей — так же шаги вперед, без которых нельзя обойтись. Но хотя последние создают чистую атмосферу и счастливое будущее, они бесполезны в отдельности: *Вся* природа человека должна пройти сквозь горнило труда, если есть решимость вступить на путь. Каждый человек поистине сам для себя путь. Но это только тогда, когда он овладеет твердо всей своей индивидуальностью и силой своей пробужденной духовной воли признает, что индивидуальность это не он сам, а то орудие, которое он сам — с бесконечным трудом — создал для своего употребления и посредством которого, развивая постепенно свое сознание, он достигнет жизни вне индивидуальности. Когда он узнает, что только для этого существует его дивно сложная, отдельная жизнь, только тогда он — на пути.

Ищи Путь, погружаясь в таинственные и светозарные глубины твоей собственной сокровенной сути. Ищи его, пробуя всякие испытания, употребляй в дело все свои чувства, чтобы понять рост и значение индивидуальности, чтобы познать мрак и красоту твоих ближних, — таких же частиц Божества, как и ты, которые борются рядом с тобой. Ищи путь, изучая законы бытия, законы природы и законы вечной, за пределами смерти, жизни: и ищи его глубоко, преклоняя твою душу перед мерцающей звездой, которая горит в ее глубине. По мере того, как ты будешь бодрствовать и преклоняться, свет звезды будет разгораться все ярче. Тогда ты познаешь, что начало пути найдено. А когда ты достигнешь его конца, тот свет превратится внезапно в безграничное сияние. [4]

21. Стремись, чтобы цветок расцвел в тишине, которая следует за грозой: не раньше.

Он будет расти, подниматься, пускать побеги, листья и почки, пока гремит гроза, пока длится битва. Но не ранее как вся индивидуальность человека растает и испарится, не ранее как поглотит ее то божественное, что создало ее как простое орудие для глубоко важных испытаний, не ранее как вся природа человека покорится своему высшему *Я*, — не ранее того может раскрыться цветок. Тогда наступит тишина, подобная той, которая следует в тропических странах за пронесшимся ливнем, когда природа начинает работать с такой быстротой, что можно узреть ее творчество. Наступит *такая* тишина и для истерзанного духа. И в глубокой тишине произойдет то таинственное нечто, что ясно покажет, что путь найден. Называй его какими хочешь именами, это — голос, говорящий там, где некому говорить, это — посланник без формы и состава; это — развернувшийся цветок твоей души. Нельзя это выразить никаким сравнением. Но чувствовать, желать, стремиться к тому — возможно даже среди бушующей грозы. Тишина эта может продлиться один миг, может продлиться и века. Но и для нее настанет конец. И все же силу ее ты унесешь с собой. Снова и снова битва *должна* быть выдержана и выиграна. Природа может затихнуть только на время. [5]

Все сказанное — первые из правил, начертанных на стенах храма Познания.

Просящие — получат.

Стремящиеся прочесть — прочтут.

Жаждущие знать — узнают.

II

Из недр тишины, которая и есть мир, зазвучит голос. И голос этот возвестит: да совершится правда, ты пожал, теперь ты должен сеять. И зная, что голос этот — само Безмолвие, ты будешь повиноваться.

Отныне ты, ученик, способный стоять, способный слышать, способный видеть, способный говорить; ты, победивший желание и достигший самопознания; ты, зревший душу свою в ее расцвете и узнавший ее и слышавший голос Безмолвия — ты войдешь в Храм познания и прочтешь, что начертано там для тебя. [6]

1. Стой в стороне, когда настанет битва, и хоть *ты* будешь сражаться, не ты будь Воином.

2. Найди Воина, и пусть он сражается в тебе.

3. Прими от Него веления и повинуйся им в битве.

4. Повинуйся Воину, как если бы он был не полководец, а ты сам, а его веления были выражением твоих сокровенных желаний; ибо Он — поистине ты сам, но бесконечно мудрее и сильнее тебя. Ищи его, дабы в пылу и громе битвы не пройти мимо него: он не признает тебя, пока ты сам не узнаешь его. Если твой крик о помощи коснется слуха его, он начнет бороться в тебе и заполнит глухую пустоту внутри тебя. И когда это совершится, тогда только ты выдержишь битву, спокойный и неутомимый, стоя в стороне и предоставив ему сражаться за тебя. И тогда ты не сделаешь ни единого промаха. Но если ты не будешь искать его, если пройдешь мимо, не будет защиты для тебя. Мысль твоя затуманится, сердце потеряет уверенность, и в пыли взметаемого на поле сражения праха чувство и зрение изменят тебе, и ты не различишь друзей от врагов своих. Воин этот — ты сам, но ты — преходящий и подлежишь заблуждениям, а он — вечен и истина. Он есть вечная истина. Если он раз проник в тебя и стал твоим Воином, никогда уже не покинет он тебя вполне: и в день великого Мира он сольется с тобой во Едино.

5. Внимай песне жизни.[7]

6. Сохрани ее мелодии в памяти своей.

7. Бери у нее урок гармонии.

8. Теперь ты можешь стоять выпрямившись, твердый как скала среди мятежной стихии, послушный Воину, который есть ты сам и в то же время твой повелитель. Стой твердо, не думая об исходе битвы, исполняя лишь его веления. Ибо одно только важно: чтобы воин победил, а ты знаешь, что он не может пасть. Стоя так, спокойный и бодрствующий, слушай тем слухом, который приобретен тобой сперва страданием, а затем — разрушением страдания. Только отзвуки великой песни Жизни достигнут до твоего слуха, пока ты все еще человек. Но если ты будешь прислушиваться к ней так, чтобы ни одна из мелодий ее не потерялась для тебя, и будешь стремиться познать от нее глубокий смысл окружаощей тебя тайны, тогда ты сделаешься своим собственным учителем. Ибо как индивидуальное имеет голос, так имеет голос и то, в чем индивидуальное существует. Сама жизнь ведет свою речь и никогда не замолкает. И ошибаются те, уши которых не слышат, что голоса ее — крик: это — песня. Узнай от нее, что ты часть гармонии, научись от нее повиноваться законам гармонии.

9. Смотри с глубоким вниманием на всякую жизнь, окружающую тебя.

10. Учись смотреть в духе разума в сердца людей.[8]

11. Смотри с еще большим вниманием в свое собственное сердце.

12. Ибо через сердце твое проходит единый свет, который может осветить жизнь и сделать ее ясной для твоих очей.

Изучай сердца людей, чтобы познать тот мир, в котором ты живешь как часть целого. Вглядывайся в неустанно меняющуюся и волнующуюся жизнь вокруг тебя; ибо жизнь эту составляют сердца человеческие. И по мере того, как ты будешь понимать их значение, ты научишься читать и великое слово Жизни.

2 Зак. 445

13. Речь приходит только с познанием. Достигай познания, и ты приобретешь речь.[9]

14. Если ты овладел деятельностью твоей внутренней природы, если ты победил желания своих внешних чувств и влечения своей индивидуальной души и приобрел познание, настало для тебя время, о ученик, вступить на стезю. Путь найден: будь готов идти по нему.

15. Вопрошай у земли, у воздуха и у воды, какие тайны они хранят для тебя. Твои пробужденные внутренние чувства сделают тебя способным вопрошать.

16. Вопрошай у святых земли о тайнах, которые они хранят для тебя. Победа над желаниями внешних чувств даст тебе право на то.

17. Вопрошай о сокровенной сути у Единого, о конечной тайне, которая хранится для тебя на протяжении веков.

Великая и трудная победа над влечениями индивидуальной души есть работа веков; не ожидай же награды, пока не истекут века, накопляющие опыт. Когда настанет время для тебя познать семнадцатое правило, ты достигнешь порога, за которым человек становится более чем человеком.

18. Познание, приобретенное отныне тобой, — твое только потому, что душа твоя стала единой со всеми чистыми душами, единой с внутренней сутью, Это — доверие, которым облек тебя Всевышний.

Измени ему, злоупотреби познанием или не сохрани его, и ты не удержишься на той высоте, которая достигнута тобой. Великие падали, уже достигши цели, ибо не смогли переступить порога, не осилив бремени ответственности. Поэтому бодрствуй и со страхом и трепетом ожидай этого часа, и — будь готов к битве.

19. Начертано: для того, кто на пороге Божественности, не может быть Закона и не может быть руководителя. Но — чтобы дать указание ученику, конечная битва может быть выражена так:

Держись твердо за то, в чем нет личности, что вне существования.

20. Внимай только тому голосу, который говорит без звука.

21. Смотри лишь на то, что одинаково незримо, как для внешнего, так и для внутреннего чувства.

КОММЕНТАРИИ *

I

1 (I — 1). Честолюбие — наш враг и проклятие: великий соблазнитель того, кто поднимается над своими ближиими. Это простейшая форма искания награды. Людей умных и сильных оно постоянно отвращает от достижения высшего. И все же оно — необходимый учитель. Плоды его превращаются в прах и пепел при самом вкушении. Подобно смерти и разъединению, честолюбие научает человека, что работать для себя, значит: работать для разочарования. И хотя это первое правило кажется простым и ясным, не проходи мимо него поспешно. Ибо пороки обыкновениого человека преобразуются и вновь появляются в измененном виде в сердце ученика. Не трудно произнести: «я не буду честолюбив»; но трудно сказать: «если Учитель начнет читать в моем сердце, Он найдет его вполне чистым». Художник с чистой душой, работающий из любви к своему созданию, часто на более верном пути, чем ученик, воображающий, что победил интерес к себе, а в действительности только расширивший пределы опыта и желания

* Настоящие комментарии даны из Высокого Источника и традиционно считаются неотъемлемыми от основного текста.

и перенесший интерес на более широкий круг своей же жизни. Отнесись также внимательно и к двум правилам, следующим за первым. (Убей желание жить. Убей желание утех.) Остановись на них и не давай сердцу своему обмануть тебя. Ибо теперь, у порога, ошибка может быть исправлена. Если же ты пойдешь в путь с нею, она разрастется и принесет плоды или же заставит тебя горько страдать, когда ты решишь вырвать ее из своего сердца.

2 (I — 5). Не воображай, что ты можешь отделить себя от человека дурного или неразумного. Они — это ты, хотя и в меньшей степени, чем твой друг или твой Учитель. Но — до пуская в сердце свое отчуждение от дурного человека или от дурного предмета, ты этим создашь Карму, которая свяжет тебя с ними до тех пор, пока душа твоя не познает, что она не отделима. Не забывай, что грех и стыд мира — твой грех и твой стыд, ибо ты составляешь часть мира, и твоя Карма неразрывно соткана с общей Кармой. И пока ты не достигнешь познания, ты должен пройти повсюду, одинаково как по чистым, так и по грязным местам. Не забывай же, что загрязненные одежды, до которых ты боишься дотронуться, могли быть *твоими* в истекшем дне, могут быть твоими в грядущем. И если ты отвернешься с ужасом, когда такая одежда наброшена будет на твои плечи, она только теснее прильнет к тебе.

Мнящий себя праведным готовит себе ложе тины. Воздерживайся потому, что воздержание — благо, а не ради сохранения *себя* в чистоте.

3 (I — 17). Разыскивай путь. Эти два слова могут показаться излишними. Ученик может сказать: «если бы я не разыскивал путь, я бы не стал изучать и всех правил». Но не проходи мимо этих двух слов поспешно. Остановись и подумай над ними. Жаждешь ли ты самого пути, или же тебя привлекают смутные чаяния великих высот, до которых ты можешь подняться? Пойми предостережение. Путь следует разыскивать ради самого пути, а не ради тех ног, которые будут ступать по нему.

Найди связь между этим правилом и семнадцатым второй части. (Вопрошай о сокровенной сути у Единого, о конечной тайне, которая хранится для тебя на протяжении веков.) Когда после веков борьбы и многих побед последняя битва выиграна, когда поставлен вопрос о конечной тайне, тогда ты приготовлен к дальнейшему пути. Когда конечная тайна великого урока будет раскрыта, в ней раскроется и сокровенное нового пути, ведущего за пределы человеческого опыта, — пути, который недоступен ни постижению, ни воображению человека.

На каждом из этих положений необходимо остановиться и прийти к непоколебимой уверенности, что путь избран ради самого пути.

Путь и Истина приходят первыми, за ними следует Жизнь.

4 (I — 20). Разыскивай путь, проходя всевозможные испытания; но помни, я не говорю: «поддавайся соблазнам чувств, чтобы изведать их». Раз ты вступил на Путь, ты *должен* жить иначе. Но если соблазн придет к тебе, не пугайся, разберись в нем спокойно, взвесь его бесстрастно, дабы не пропустить урок, который возможно извлечь из него, и жди с терпением веры, что придет час, когда соблазн не будет иметь власти над тобой. Поддаваться соблазнам для вступившего на Путь — стыд, но не осуждай человека, который поддается соблазну; протяни ему руку, как брату, идущему с тобой издалека, стопы которого отяжелели от приставшей к ним грязи. Вспоминай, ученик, что как бы ни велика была пропасть между праведником и грешником, пропасть эта еще шире между праведником и достигшим познания; и она же неизмерима между праведником и тем, который стоит у порога Божественности. Поэтому будь осторожен, чтобы не возомнить себя отделившимся от толпы. Когда ты достигнешь начала пути, звезда твоей души начнет светить, и при этом свете ты увидишь, как темен мрак, в котором она горит. Душа, сердце, ум, все погружено в темноту, пока первая великая битва не выиграна. Не устрашайся и не приходи в отчаяние от этого зрелища. Не отводи очей от загоревшегося света, и свет начнет расти. А темнота внутри тебя пусть научит твое сердце понимать всю беспомощность тех, кто еще не увидел света, душа которых погружена в беспросветный мрак. Не осуждай их. Не отвращайся от них, но стремись облегчить хоть сколько-нибудь тяжесть Кармы мира сего; стремись прийти на помощь тем немногим сильным, благие руки которых задерживают силы мрака, дабы не одолели они в великой борьбе. Тогда ты войдешь в круг радости, которая приносит поистине страшный труд и глубокую грусть, но и великое, все возрастающее блаженство.

5 (I — 21). Раскрытие цветка — это тот дивный миг, когда пробуждается духовное видение: с ним наступает уверенность, знание, доверие. Душа как бы останавливается в восхищенном изумлении; следующий за этим миг удовлетворения есть «неизреченная тишина». Знай, о ученик, что те, которые прошли через эту тишину, приняли ее мир и постигли ее силу; они жаждут, чтобы и ты прошел через нее. Вот почему каждый ученик, способный войти в Храм Познания, *всегда* найдет своего Учителя.

Просящие получат. Но, хотя обыкновенный человек и просит постоянно, его голос не будет

услышан. Ибо он просит не духом, а умом, голос которого раздается только в сфере мысли. Поэтому не ранее, как первые двадцать одно правила будут усвоены, просящим будет дано.

Читать, в духовном смысле, значит: читать духовными очами. Просить, значит — испытывать духовный голод, тосковать глубоким стремлением к духовному. «Способным прочесть» может быть только тот, кто уже овладел до известной степени силой утолить этот голод. Когда ученик готов, его примут и узнают. Но познание приобретется не ранее, как будет выиграна первая великая битва. Мысль может узнать истину, но дух не может принять ее. Раз душа прошла через бурю и достигла мира, познание возможно даже и тогда, когда ученик колеблется, сомневается, даже сходит с пути. Голос Безмолвия останется внутри его, и если бы он даже покинул Путь окончательно, придет день, когда Голос зазвучит снова, и тогда произойдет разрыв: его страсти отделятся от божественных его свойств, и он возвратится, несмотря на страдания и вопли отчаяния, которые будет испускать его покинутое низшее я.

Δ Исследуйте же эти три Истины: они равны.

II

6 (II). Стоять твердо способен тот, кто имеет упование; слышать — тот, кто открыл двери души своей; видеть — кто достиг духовного ведения; говорить — кто приобрел силу помогать другим; победивший желание — тот, кто познал власть над своим я, достигший самопознания — кто отступил во внутреннюю крепость, откуда «личность» человека видима ясно со всех сторон; видевший душу свою в расцвете — тот, кому удалось внутри себя хотя бы минутным прозрением проникнуть в красоту преображения, которое сделает из ученика более чем человека; познавший — тот, кто приобрел силу смотреть в ослепительно сиявший свет, не опуская глаз и не отступая в ужасе, как бы перед страшным призраком. Ибо бывает, что в решительную минуту, когда битва кажется уже выигранной, человек теряет все. Услыхавший Голос Безмолвия поймет, что только изнутри его исходит истинное указание; «идти в Храм Познания», значит достигнуть такого состояния, когда учение становится возможным.

Тогда начертаны будут для тебя многие слова и начертаны огненными буквами, чтобы легко было тебе прочесть их. Ибо, когда ученик готов, готов также и Учитель.

7 (II — 5). Прислушивайся к песне жизни сперва в своем собственном сердце. Вначале ты можешь сказать: ее нет там; когда я прислушиваюсь, я слышу только разлад. Ищи глубже. Если опять обманет тебя ожидание, остановись: ищи еще глубже. В каждом человеческом сердце есть своя естественная мелодия, сокровенный родник ее. Он может быть потаенный и безмолвный, но он есть там. В самой основе твоей природы ты найдешь веру, надежду и любовь. Избирающий зло, отказывается смотреть в свою глубину, отвращает слух от мелодии сердца своего, а очи от света души своей. Ибо легче ему жить в своих желаниях. Но в глубине всякой жизни течет незнающий преград поток; найди его, и ты убедишься, что даже самое убогое создание есть часть великого потока, хотя бы оно в своей слепоте и не подозревало о том и создавало для себя призрачную внешнюю форму ужаса. В этом смысле я говорю тебе: все, среди которых ты борешься, частицы Божества. И до того обманчивы иллюзии, в которых ты живешь, что трудно тебе угадать, где впервые услышится тебе сладостный голос в сердцах людей. Но знай, что он воистину внутри тебя. *Там* ищи его, и если ты его раз услышишь, легче тебе будет различить его в других.

8 (II — 10). Учись глядеть тем взором, к которому не примешивается ничто личное, иначе ты никогда не увидишь другого в истинном свете. Истинное понимание беспристрастно: ни один человек тебе не враг, ни один человек тебе не друг, все одинаково твои учителя.

Твой враг делается тайной, которую *необходимо* разгадать, хотя бы на это потребовались века: ибо человек *должен* быть понят. Твой друг делается частью тебя самого, продолжением тебя, загадкой, которую трудно разрешить. Но есть нечто еще более трудное для познавания, это — твое собственное сердце. Придет время: оковы личности распадутся, и тогда раскроется перед тобой глубокая тайна твоего я; и когда ты станешь в стороне от него, тогда только откроется оно вполне для твоего постижения. Тогда оно подчинится тебе и будет служить тебе, и тогда — не раньше — сможешь ты овладеть всеми силами его, чтобы посвятить их на достойное служение.

9 (II — 13). Невозможно помогать другим, пока не приобретешь собственной уверенности. Когда изучены будут первые двадцать одно правило и ты войдешь в Храм Познания с развитыми силами и освобожденным разумом, тогда внутри тебя откроется родник, из которого польется твоя проникновенная речь.

Эти примечания написаны только для тех, кто может прочесть написанное внутренними очами одновременно с внешними.

Перевод с английского Е. Писаревой

Р. Бернье

Парадоксы духовной жизни

Произведение теософской классики «Свет на Пути» выражает истину в форме парадокса. И это не единственный духовный источник представляющий истины таким образом. Одним из наиболее ярких примеров подобной передачи важнейших понятий духовной жизни является «Дао – дэ – дзин». Этот небольшой по величине труд великого Лао – Цзы для многих открыл возможность трактовки сокровенных тайн путем несовместимых, казалось бы, противоположностей. Даосизм учит:

Сгибайся, и это сделает тебя прямым,

Не занимай себя ничем, и ты наполнишься содержанием,

Будь в покое, и это сделает тебя энергичным.

Такой стиль характерен и для других мудрецов древности. В «Упанишадах» пророки прошлого говорили:

То — обилие, и это — обилие,

Обилие проистекает из обилия.

Лиши обилие обилия — обилие остается.

Парадокс не характерен исключительно Востоку, ведь он был средством выражения мысли для ясновидцев всех частей света. Изречение Христа: «Кто отдает мне свою жизнь — жизнь обретает», — хорошо известно и показывает особую силу парадокса. Мировая духовная и религиозная литература богата подобными примерами.

Парадоксы естествознания

В последнее время к методу парадокса пришли и ученые, обнаружив, что все, что принадлежит невидимому миру, то есть факты, которые нельзя познать при помощи органов чувств, можно описать только в форме парадокса. В своей книге «Дао физики» Фритьоф Капра заявляет: «По мере все более глубокого проникновения в тайны природы, мы все чаще отказываемся от представлений и понятий привычного языка... Подобно мистикам, физики теперь имеют дело с реальностью, которая не поддается сенсорному познанию, и подобно мистикам им приходится сталкиваться с парадоксальной стороной нового, не сенсорного, познания».

Сама природа языка такова, что он не может выразить того, «что есть». Капра так объясняет это с естественнонаучной точки зрения: «Источником рационального знания является наш повседневный опыт, отражающий жизнь, наполненную событиями, состоящую из связей с предметами. Рациональное знание находится во владениях интеллекта, чьи функции заключаются в отборе, делении, сравнении, измерении и классификации. Абстракция — основная характеристика этого знания, потому что, чтобы сравнивать и классифицировать то огромное многообразие форм, структур и явлений, которые мы наблюдаем вокруг себя, мы, будучи не в состоянии учитывать все их свойства, должны выбирать лишь только существенные. Таким образом мы создаем интеллектуальную картину реальности, в которой вещь сводится к своим общим очертаниям. Владения рационального знания — это, конечно, владения науки, которая измеряет, определяет количество, классифицирует и анализирует... Научный метод абстракции весьма могуществен и эффективен, но он дорого стоит нам. В процессе все более точного деления понятий и отбрасывания всего лишнего, связи между ними приобретают все более и более схематичный характер, и понятия становятся слишком отвлеченными. Язык математики уже достиг того уровня, на котором связи с реальностью становятся столь хрупкими, что отношение символов к чувственному опыту утрачивает свою очевидность». В связи с этим Капра цитирует Эйнштейна: «До тех пор, пока законы математики связаны с реальностью, они вызывают сомнения, и пока они не вызывают сомнений, они не связаны с реальностью».

Обычный язык также не соответствует требованиям адекватного выражения истины, или того, чем *вещь является* на самом деле. Между прочим, следует заметить, что слова *татва* и *сатья*, обозначающие истину в «столь хорошо структурно продуманном» языке, как санскрит, буквально значат, что *«вещь есть»*. Однако то, *чем вещь является*, познается не просто путем созерцания внешнего вида и выделения характерных черт. Характерные черты и внешний вид — это только часть целого. Частичное понимание, конечно, не является пониманием того, *что вещь есть*, которое достигается только всеобъемлющим осознанием. Джайнизм заметил, что всякая точка зрения всегда час–

тична, говоря этим, что осознание целостности, то есть того, *что вещь есть* — это совсем не точка зрения, а совершенно другой вид восприятия и знания. Так как слова и вообще язык понадобились нам только для оформления мировосприятия (своей точки зрения), то они не могут выразить полноту истины (ее целостность). Чтобы смягчить или стушевать это несоответствие, для выражения истины применяется парадокс. При столкновении с противоположностями парадокса человеческий разум начинает осознавать ограниченность своей точки зрения, поверхностность своего выбора и привычных понятий. Каждая попытка нашего разума определить для себя цель и приближение к ней — это привычное понятие. Предположения относительно достижения истины и есть направленность. Эта направленность напоминает шоры, ограничивающие поле зрения. При ограниченности или частичности восприятия не существует знания того, *чем вещи являются* по существу. Кришнамутри утверждает: «Пока нет направленности, вы охватываете все целиком». То, что называется целеустремленным поиском, — очень часто есть ограниченность, о которой идет речь. Именно это, должно быть, имел в виду Вордсворт, когда писал: «И ты принадлежищь к этому скоплению явлений, всегда говорящих, что понимание сущности так и не придет, но мы все-таки должны продолжать искать?»

Надо заметить, что отсутствие направленного поиска еще не означает инерции, безразличия и тупости — того, что философское знание Индии определяет как *тамас* по своей природе. Тот, кого поглотила инерция, не готов к духовной жизни, началом которой и становится осознание частичности и поверхностности привычного восприятия. Как раз осознание ограниченности восприятия и выводит из состояния безразличия и апатии. Идти путем истины значит подвергать сомнению, искать, исследовать и открывать для себя сущность вещей. Это действие, а не инерция. Однако, человек не должен никуда сворачивать — ни на одну тропинку узконаправленного поиска. Это один из парадоксов духовной жизни.

Побуждение идти вперед.

Тот же парадокс присутствует и в словах: «Убей в себе честолюбие, но действуй, как тот, кто им обуреваем». Честолюбие предполагает стремление к цели, таким образом индивидуум оказывается в привычной ситуации. Честолюбие (целеустремленность) подразумевает двойственность: достигающий цели и сама цель. В преследовании цели (независимо от того благая она или дурная) неизбежна двойственность. А двойственность — всегда напряжение, противопоставление, противоречие. С обычной точки зрения цель может быть дурной или хорошей, но с точки зрения абсолютной истины (уже лишь вследствие неизбежной двойственности процесса) она никогда не принесет положительных результатов. Таким образом, в духовной жизни всякая целеустремленность, всякое желание должны исчезнуть, включая и желание избавиться от целеустремленности, поскольку это тоже целеустремленность. Целеустремленность должна раствориться, без всякого к тому желания, под воздействием света, который дается *всеобъемлющим виденьем*. Один из великих учителей сказал: «Так знай же, что нет лекарства от желания, нет лекарства от жажды вознаграждения, нет лекарства от беды, которое приносит страстное стремление к чему-либо, кроме способности видеть невидимое и слышать неслышимое... Живите вечным».

Парадокс характерен для языка тех, кто обладает духовным видением.

Отсутствие честолюбия, как и отсутствие узконаправленного поиска, — это не безразличие. При этом освобождается духовная энергия, которая в противном случае была бы рассеяна. Подлинное избавление от честолюбия порождает огромную жизнеспособность и духовную энергию, которые могут проявляться в поступках, на которые не способен честолюбивый человек. Колоссальная энергия и удивительные деяния Энни Безант еще раз подтверждают, что человек может сделать очень многое, если ему чуждо честолюбие. Если разум освободился от честолюбия и привычных понятий, он всегда и везде открыт для истины. Духовная жизнь способствует выявлению скрытых возможностей и способности к целостному восприятию реальности. Быстрая реакция на явления жизни, тонкость чувств, проницательность способствуют постижению истины. Но тут тоже не обходится без парадокса. С раннего детства, человеческий разум всегда легко и зачастую бессознательно поддается влиянию всевозможных идей, и поэтому человек считает, что его личность определяется религией, национальностью, социальным положением и т.д. А дело в том, что при всей открытости ума и сердца и восприимчивости мы не должны, как губка, впитывать любые идем, оказывающие таким образом на нас определяющее воздействие. Достаточно немного поразмыслить, и станет ясно, что это надуманное противоречие, и что фактически, если вы всегда начеку и обладаете достаточной восприимчивостью, то подобное влияние вам не страшно.

Все парадоксы, по сути говоря, — это лишь кажущиеся противоречия. Стоит только проникнуть в суть противоречивых утверждений, как противоречие полностью исчезает. Парадоксальные утверждения только побуждают ищущих следовать все дальше.

«Чтобы постичь сложное, вы должны начинать с простого».

Перевод с английского М. Кравец

Ежедневно умирай, чтобы жить вечно.

Антоний Великий

П. Н. Батюшков

Эзотеризм религий

«Когда ученик перестанет слышать различие, тогда он будет способен видеть единство»
(Из «Голоса Безмолвия»)

Духовное единство всех религий выражается в том сокровенном (эзотерическом) учении, смысл которого одинаков во всех религиях: различными могут быть лишь формы его выражения.

В древности, на Востоке (в Индии, Персии, Египте, Греции) существовали так называемые «мистерии».

Эти древние мистерии служили методами изложения тех духовных истин, которые постигаются не из внешнего, а из внутреннего мира. Истины эти излагались сокровенно: для немногих посвященных.

Один из отцов церкви, св. Климент Александрийский, в своем сочинении «Stromata» (кн. 1, гл. 12) пишет, что при изложении эзотерических истин мало подготовленным слушателям иногда затруднительно называть вещи своим именем, а приходится говорить иносказательно, аллегорически. То же самое указывается в словах VII главы (ст. 6–ой) Ев. Матф.: «Не мечите бисера...» То же говорится и в главе IV (ст. 11–й) Ев.Марка: «Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем, внешним, все бывает в притчах».

Путь эзотерического учения не идет (как многие думают) исключительно из буддизма, индуизма, таоизма или какой–либо другой религии: путь эзотерического христианства так же истинен, как истинен путь эзотерического буддизма и принадлежит он всем религиям, а исключительно — ни одной, если их брать порознь. Эзотеризм всех религий и философий есть та Pistis Sophia: — Премудрость Божия тайная, сокровенная, о которой говорит св. апостол Павел во 2–ой главе 1–го Послания к Коринянам.

Существует мнение, что в христианстве нет тайн и что, поэтому, оно так просто и доступно. Но св. Климент Александрийский упоминает о «Тайнах Иисуса», говоря даже, что не следует сообщать всю глубину этой Божественной Мудрости тем, которые не испытали того, что называется «Мистическим трансом».

Учение, например, восточных религий о духовной эволюции семи начал человека, также как и учение о перевоплощении относятся к таким сокровенным (эзотерическим) тайнам, которые в древности могли быть передаваемы лишь от Учителя к ученику: «Из уст в уши». Некоторые основные догматы христианской церкви (напр., догматы: о духовном мире; о первородном грехе; о частном и общем суде), будучи символическими сосудами христианского эзотеризма, заключают в себе глубокие духовные тайны.

Познание духовных истин должно идти изнутри, а не из извне: идти от божественного Духа, храмом которого являемся мы сами: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (Посл. 1 к Коринф., III, 16), идти от Духа Божия, а не от человеческого учителя: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1–ое Посл. Коринф., II, 14).

Все существующие религии мира являются лишь различных форм священными сосудами, в которых одна и та же «вода живая», утоляющая жажду души.

И всякая религия есть, таким образом, средство, возможность добыть эту «воду живую». И религии очень молодых душ (напр. дикарей человечества) являются быть может, сосудами весьма несовершенными, грубыми, примитивными, тогда, как, напр., мистика индуизма и христианства стремится стать возможно более совершенным носителем эзотеризма, доступного пониманию современного человечества: «Да будет Бог все во всем» (1 – е Посл. Коринф., XV, 28).

Теософия указывает на единство происхождения всех религий мира, указывает на тот божественный источник, откуда исходит Дух всех религий, различающихся только внешними

формами культа: объединяющее их единство есть Откровение Божественное: «Премудрость Божия тайная сокровенная» (по апостолу Павлу), чтобы стать ее причастником, не надо покидать своей религии, но следует уважать и чужую; не следует перестать быть христианином, буддистом, индусом (индуизм), но надо глубже проникнуть в сердце своей веры, шире обнять ее сокровенное учение и ввести дух ее в содержание всей своей жизни.

Позитивизм, признающий науку сравнительной мифологии, утверждает, что все религии суть ветви единого общего ствола: человеческого неведения. Сравнительное изучение же религий открывает нам, что, действительно все религии являются ветвями единого общего ствола, но что единый общий их ствол есть Божественная Мудрость. Она называется также Гнозой — Теософией.

О древних мистериях говорится в сочинениях неоплатоников Александрийской школы: Порфирия, Плотина, Ямвлиха. У неоплатоников следует искать и учение о Логосе. Но начало этого учения следует искать ранее: в Египте, у первых гностиков, двадцать веков тому назад.

Приступая к учению о Логосе, не следует забывать, что все представления всех религий о Боге и о вечности суть лишь представления о Божестве проявленном. Понятие о Боге как безусловной Сущности лежит в глубинах эзотерической религиозной философии в сокровенном учении о Безусловном*. Основные положения учения о Логосе сводятся вкратце к следующему:

Исходя из Первоисточника (из неизреченного Абсолюта), Логос, самоограничиваясь, становится проявленным Богом и внутри сферы этой первичной жертвы, этого добровольного самоограничения безграничной Божественной Сущности, миры возникают, живут, замирают и вновь возникают. В своем проявлении Логос самораскрывается троично: Первый Логос — Отец — Корень Бытия; из Него исходит Второй Логос — Сын (связующий великую полярность проявления); из Него же исходит Третий Логос — Дух, хранящий в себе все прообразы мира. Индивидуальность человека, его троичность: Atma, Buddhi, *Manas лишь в период* Манвантары (в период проявления Божества) являются как бы отдельными, но когда наступает Пралайа (когда завершен цикл эволюции), то Atma, Buddhi, Manas сливаются со своими Божественными первообразами. Тогда Сын (Вселенское Богочеловечество) снова един с Отцом, из Которого Он исшел, дабы свершилась великая тайна миротворчества — Тайна Божественной Любви, явившей Слово.

«В начале было Слово... и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ев. Иоанн., I, 1 и 3).

Дух Гнозы проходит через все Евангелие Иоанна:

«В начале было Слово» (Иоан. I, 1).

«Глаголю вам: вы — боги» (Иоан. X, 34).

«Я и Отец — одно» (Иоан. X, 30).

Гермес — божество «язычников».

Но Гермес — Триедин (Trismegiste).

Гермес — Слово.

Последователи Герметизма, Александрийские неоплатоники, осужденные соборами гностики, поклонялись Духу.

Они исповедовали религию Духа.

Им была известна тайна и хранилась ими сокровенно — «герметически».

Что есть Г н о з а ?

Греческое слово gnosis означает — познание.

Но то было не только познание. То было единение мудрости и любви.

В теософической литературе известен трактат греческих гностиков: «Pistis Sophia» (в англ. переводе Дж. Мида).

Греческий текст «Pistis Sophia» полон поэтической красоты, но он лишь одежда, облекающая красоту Истины.

Вот, что говорит Гноза о Гермесе:

У него нет имени, ибо в нем — все имена: все имена — Его, и Он — имя всему.

Дух знает только Себя, ибо нет познаваемого вне Его; Он есть тайна тайн.

В религии Духа, лестница возможности переступает все вообразимые пределы: Она — беспредельна.

И когда ищущий вопрошает в изумлении: «Неужели и это возможно?», то голос Наставника отвечает: «Путь ведет к совершенству — к совершенству Всесовершенного».

Так возвещает голос Наставника.

Кто же этот Наставник? Вне ли нас Он? Иной ли — Он, чем — мы?

Нет, ибо «Отец и Сын — Одно».

---

* См. «Сокровенная религиозная философия Индии» Брам. Чаттерджи, перев. *Е. П.*

В гностических книгах излагаемое ими учение приписывается: Гермесу, Асклепиусу, Аммону, но ни Гермес, ни Асклепиус, ни Аммон не суть исторические личности.

Это — символы, сквозь, за и над которыми — Дух, просвещающий человека, когда человек родился от Духа, когда он видел Свет на Пути и слышал Голос Безмолвия.

Тайна сия велика есть.

Она — несказанна.

Ибо слова человеческие, отчеканенные для временного и бренного, не в состоянии ее выразить.

Послание апостола Павла к Коринфанам и Евангелие от Иоанна — изложения эзотеризма неоплатоников и Гнозы.

Яркой нитью проходит во всех гностических книгах учение о Логосе.

Logos есть Слово Божие: «В начале было Слово» (Иоан. I, 1).

Слово Божие не на поверхности, Оно — внутри.

Вселенная — глагол Бога. Все проявилось Словом Божиим. «Без него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан. I, 3).

Мы — люди являемся как бы еще только буквами и слогами Божьего Глагола, пока сами не станем С л о в о м.

Первые гностики жили в Египте двадцать веков тому назад.

«Гариванша» на триста лет старше Евангелия.

«Свет на Пути» написан за семьсот лет до Рождества Христова.

«Бхагавад – Гита» — еще древнее.

Гимнам Вед более четырех тысяч лет.

Общества и царства рушатся, лицо земли меняется, миры исчезают и вновь возникают.

Но идея Гнозы, идея Теософии, идея Божественной Мудрости — остается.

Она — вечна.

Она — бессмертна.

Дай нам, Боже, Твою помощь,
И с помощью Твоей — силу,
И с силой — понимание,
И с пониманием — знание,
И со знанием — справедливость,
Способность и силу любви:
Любви ко всему живущему,
Любви к Богу,
К Богу и ко всякому добру.

Ежедневная молитва друидов

В глубине всех вер течет поток единой вечной истины.

Морис Флюгель

Тайна — не стена, о которую разбивается ум, а океан, в котором он теряется.

Тибон

Гермес Трисмегист[1]

Пэмандр (Пастырь мужей)[2]

Однажды размышлял я о существах; мысль моя реяла в высотах, и все телесные чувства застыли словно в тяжелом сне, последствии насыщения, излишеств или утомления. Мне почудилось, будто огромное существо, без определенных очертаний, по имени звало меня и говорило мне: Что хочешь ты услышать или увидеть, чему хочешь ты научиться и чего узнать? Я сказал ему: Кто же ты? Он отвечал: «Я Пэмандръ[3] верховный Разум. Я знаю, чего ты хочешь, и я с тобою повсюду.» И я сказал: «Хочу быть сведущим в тварях, постигнуть их естество и познать Бога». — «Прими в свой ум все, что ты хочешь знать, я научу тебя», сказал он. При этих словах он изменил свой облик, и тотчас все открылось мне в одно мгновение, и увидел я зрелище необъяснимое: все претворилось в нежный и приятный свет, чарующий взоры. Вслед затем опустился, колыхаясь, страшный ужасающий мрак. Мне привиделось, будто мрак превращается в какое-то неведомое естество, влажное и трепетное, издающее, дымясь словно огонь, какой-то зловещий шум. И раздался оттуда бессвязный вопль, как будто голос огня. Святое слово снизошло из света в природу[4], и чистый огонь взметнулся из влажной природы к высотам; он был тонок, проницателен, и в то же время деятелен. И воздух, по легкости своей, последовал за огнем; от земли и воды он поднялся к огню и там, как-будто повис. Земля и вода пребывали в смешении, и нельзя было различить землю с водою, и поколеблены были они дыханием верховного Слова.

И сказал мне Пэмандр: «Что означает это видение?» — «Я научусь этому», — отвечал я. «Этот свет, — сказал он, — Я, Разум, твой Бог, предтеча влажной природы, изшедшей из мрака. Лучезарное Слово, исходящее от Разума, сын Божий»[5]. «И что же?» — молвил я. — «Узнай: то, что видит и слышит в тебе, есть Слово Господне; Разум же — Бог Отец.[6] — Они не отделимы один от другого, ибо единство — их жизнь»[7]. — «Благодарю тебя», — отвечал я. — «Постигни же свет и познай его.»

Говоря так, он долго глядел мне в лицо, и я трепетал от взора его; и по знаку его, увидал я в уме моем свет и его неисчислимые могущества, порождение бесконечного мира и приведение в равновесие огня, содержимого в рьяной силе. Это постиг я из слов Пэмандра.

И так как я был в обомлении, он прибавил: «Ты созерцаешь в уме своем первичный образ, предтечу безграничного начала». Так сказал мне Пэмандр. — «Откуда, — возразил я, — явились стихии природы?» Он сказал мне: «По

воле Бога. Он же взяв Разум (Слово) и видя в нем строй и красоту, построил мир по этому образцу, со стихиями, исшедшими из него же, и зачатками душ. Разум, Бог мужеский и женский. Он же есть жизнь и свет, порождает словами другой творческий разум, Бога огня и дыхания, который образовал в свой черед[7] правителей, в их круги заключил чувственный мир и стал им править посредством того, что называется роком.

Слово или разум Божий устремилось вскоре от низших стихий к чистому творчеству природы и примкнуло к творческой мысли, ибо они одного естества [8]. И низшие, неразумные стихии оставлены были в состоянии простой материи. Творческая мысль, соединенная с разумом, охватив круги и придав им быстрое вращение, возвратила создания свои к себе и установила круговорот от начала к концу, как между двумя недоступными гранями, ибо там, где все кончается, все начинается вечно. И повелел Разум, да произведет круговращение низших стихий безсловесных животных, лишенных рассудка, воздух понес летучих, вода же плавающих[9]. Земля и вода отделены были одна от другой [10], ибо так повелел Разум; и земля извела из недр своих содержащихся там животных, четвероногих, пресмыкающихся, зверей диких и домашних [11]. Но Разум, Отец всех, он же есть жизнь и свет[12], породил человека, подобного себе самому, и возлюбил его, как собственное дитя. Красотою воспроизводил он образ Отца, и Бог возлюбил воистину Свои собственный образ и вручил ему всех тварей [13]. Но человек, размыслив над делом творения, захотел творить в свою очередь и разлучился с отцом, вступая в область творчества. Полновластный, он задумал дело сотворения братьев своих, и те полюбили его, и каждый из них уподоблял его своему положению. Тогда, зная свое естество и участвуя в их природе, захотел преступить он грани кругов и превзойти могущество, что зиждется на огне.

И этот властитель мира и смертных существ, лишенных рассудка, через гармонию [14] и могучую преграду кругов, явил низшей природе прекрасный образ Бога. Пред этой дивной красотою, в которой все силы семи правлений сочетались с подобием Бога, природа улыбнулась от любви, ибо увидела она красоту человека в воде и тень его на земле. И он, заметив в воде отражение своего собственного облика, возгорелся любовью к нему и захотел обладать им. Усилие последовало за желанием и зачата была форма, лишенная рассудка. Природа охватила возлюбленного своего и окутала его всего, и соединились они обоюдной любовью. И вот почему, один из всех существ, живущих на земле, человек двойственен, смертный телом, в своем естестве же бессмертный; превосходя гармонию мира, он раб своих оков; мужеский и женский, как его Отец, и превышая сон, он под властью сна [15].»

Чарует меня эта речь, — молвил тогда мой ум. А Пэмандр сказал: «Вот тайна, скрываемая доныне. Природа, соединясь с человеком, произвела изумительнейшее из чудес. Он состоял, как сказал я тебе, из воздуха и огня, подобно семи начальникам гармонии; природа не остановилась и произвела 7 человек, мужчин и женщин, высшего строя, сообразно семи правителям.» «О Пэмандр, — воскликнул я, — продолжай, любознание мое усугубляется.» — «Умолкни же, — молвил Пэмандр, — ибо не кончил я мою речь.» — «Молчу», — отвечал я.

«Порождение этих семи человек, как сказал я, произошло таким образом: земля явила женское естество, вода — произрождающее начало; огонь доставил жар, воздух — дыхание и природа произвела тела человеческого

вида. Человек получил от жизни и света душу и разум; душа явилась к нему от жизни, от света же разум. И все части чувственного мира пребывали так до полного развития начал и родов. Теперь выслушай остальное, желаемое тобою услышать. И тогда период закончился, всемирная связь расторгнута была волею Бога; ибо все животные, вначале двуполые, одновременно с человеком, разделились и образовались самцы с одной стороны и самки с другой. Тотчас же Бог изрек свое святое слово: возрастайте в произращении и умножайтесь в преумножении, и все, мое деяние и творенья мои [16]; и да знает обладающий разумом, что он бессмертен, и что причина смерти есть любовь к плоти и да познает он все существа.

И при этих словах Провидение соединило четы, по законам необходимым и гармоническим, и установило произрожденья. И все существа размножились по родам, а тот, кто познал самого себя, пришел к совершенному благу; но тот, кто в заблуждении любви, возлюбил тело, тот и остался блуждающим во мраке, из-за чувств подвластный условиям смерти.» — «Какова же, — воскликнул я, — великая ошибка невежд, что из-за нее они лишаются бессмертия?» — «Кажется, — ответил он, — не понял ты того, что слышал; не велел ли я тебе поразмыслить?» — «Я размышляю, — сказал я, — и вспоминаю, и благодарю тебя.» — «Если ты обдумал, скажи мне, почему пребывающие в смерти достойны смерти?» — «Потому что наше тело происходит от той угрюмой мглы, откуда вышла влажная природа; потому и тело, построенное в чувственном мире, кладезь смерти.» — «Ты понял, — сказал он, — почему тот, кто размышлял над собою, идеть к Богу, как сказано божественным словом?» — Я возразил ему: «Потому что из жизни и света состоит Отец всех вещей [17], от него же родился человек.» — «Благие слова, — сказал он, — Бог и Отец, от которого родился человек, — свет и жизнь. Если же ведомо тебе, что произошел ты от жизни и света и состоишь из них — пойдешь ты в жизнь.» Таковы были слова Пэмандра. — «Скажи мне еще, о Разум, как могу я войти в жизнь», — сказал я. И ответил мой Бог: «Человек, обладающий разумом, да познает себя самого в бессмертии сущего.» — «Итак, не все люди обладают разумом.» — «Благие слова, — сказал он, — подумай, о чем говоришь. Я, Разум, присутствую у святых, у добрых, у чистых, у милостивых, у благочестивых. Мое могущество в помощь им и тотчас познают они все вещи и призывают Отца с любовью, и к нему обращают молитвы, благословения и хвалы, ему подобающие, и прежде даже, нежели покинуть тело свое смерти, ненавидят чувства, деяния которых им ведомы; или, вернее, я, разум, не допускаю свершаться деяниям плоти. Словно привратник закрываю я вход деяниям дурным и постыдным, отвращая желанья. Но что касается безрассудных, порочных и злых, завистливых и корыстных убийц и нечестивых, я далек от них и предаю их демону-мстителю, он же изливает в чувство их проницающий огонь, толкает их все больше к злу, чтобы усугубить их кару и беспрерывно растравляет их страсти ненасытными желаньями, питает их невидимый враг и живет в них неугасимое пламя.»

«Ты научил меня всему, чего я желал, о Разум; но просвети меня еще в том, как совершается восхождение.» На это Пэмандр сказал: «Сначала тление материального тела предаст его составные части превращениям; видимый облик становится зримым; (личный) нрав, теряя свою силу, предается демону, чувства возвращаются сообразно к своим источникам и

расплываются в силах (мира). Страсти и желания возвращаются в неразумную природу; остальное возносится через гармонию, покидая в первой зоне свойства роста или ущерба; во второй — сноровку зла и уже бессильную хитрость; в третьей — иллюзию, отныне не властную над желаньями, в четвертой — тщеславие власти, отныне неудовлетворимое; в пятой — нечестивую надменность и безрассудное дерзновение; в шестой — привязанность к богатствам, теперь бесплодную; в седьмой — коварную ложь. И избавленный таким образом от деяний гармонии (мира), он является в восьмую зону, сохраняя лишь свою личную сущность и поет с существами гимны в честь Отца. Пребывающие там ликуют с ним, а он, уподобленный им, внемлет мелодичному голосу сил, которые превосходят восьмую природу и распевают хвалы Богу. И тогда стройно возносятся они к Отцу и примыкают к силам и, ставши сами силами, рождаются в Боге. Таково конечное благо для обладающих знамением — стать Богом. Чего же ты теперь ожидаешь? Ты научился всему; надлежит тебе указывать путь людям, да спасет Бог через тебя человеческий род.»

Сказавши так Пэмандр примкнул к силам. — А я, благословляя Отца всех вещей и воздав ему молитву, воспрянул укрепленный Им, постигнув природу вселенной и великое видение. Иначал я проповедовать людям красоту религии и Знания. О народы, земнородные люди, погруженные в опьянение, дрему и Неведение Бога, стряхните ваши чувственные оковы, очнитесь от вашего оцепенения.

Они услышали и собрались вокруг меня. Я же заговорил: «Почему о земнородные люди, предаетесь вы смерти, когда дозволено вам достигнуть бессмертия? Придите в себя, шествующие в заблуждении, изнывающие в неведении, бегите мрачного света, причаститесь бессмертию, отступив от тлена.»

И одни, насмехаясь, устремлялись в путь смерти; другие, припадая к ногам моим, умоляли их научить. И я, воспрянув, стал руководителем человеческого рода, наставлял их моими речами на путь спасения. Я засевал в них слова мудрости, и питаемы они были водою амброзии (бессмертия); когда же настал вечер, и померкли последние проблески солнца, я призвал их к молитве. И свершив евхаристию (дела благочестия), каждый вернулся к себе на ложе. А я начертал в себе повесть благостыни Пэмандра и, обладая предметом желаний моих, почил, исполненный радости. Дремота тела произвела прояснение души, мои сомкнутые очи лицезрели истину, плодотворное молчание принесло в своем лоне всевышнее благо, нареченные слова были семенами благ. Вот благодать, взысканная мною от Разума моего, т.е. от Пэмандра, верховного ума; так через божественное вдохновение овладел я истиной. Вот почему всей душою моею и всеми силами благословляю я божественного Отца:

Свят Бог, Отец всего сущего, Свят Бог, чья воля совершается Его могуществом. Свят Бог, восхотевший быть познанным теми, что принадлежит Ему. Свят Ты, создавший бытие словом Твоим; Свят Ты, чей образ являет природа. Свят Ты, не сотворенный природою. Свят Ты и сильнее всякой мощи. Свят Ты и превыше всякого величия. Свят Ты и превыше всякой хвалы. Прими чистую, словесную жертву души и сердца, возносящегося к Тебе, о Неизреченный, Неисповедимый, Кого познать может одно молчание. Не введи меня в заблуждение, дай познание нашего естества, дай силу, озари

милостью Твоею непосвещенных братьев племени моего, Твоих детей. Верую в Тебя и свидетельствую о тебе, шествую в жизни и свете. О Отец, Будь благословен; человек, принадлежащий Тебе, волит причаститься святыне Твоей, по данной Тобою власти [18].

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Имя Гермеса – Тота обозначает одновременно и человека, и касту, и божество. Человек – Гермес есть первый посвятитель Египта, каста – жречество, хранящее оккультные традиции; божество — планета Меркурий, уподобляемая вместе со своей сферой определенной категории духов, божественных посвятителей; одним словом, Гермес — представитель сверхземной области небесного посвящения. Его называли Гермесом Трисмегистом или трижды великим, ибо видели в нем царя, законодателя и жреца; он олицетворял собою эпоху, когда жречество, судебная власть и царская власть совмещались» (См. Эд. Шюре «Вел. Посв.», II, 101).

Гермес, владыка божественных слов, говорит Ямвлих, по древнему преданию, присущ всем священникам; он приводит к истинной науке; он един во всем. Потому то предки наши приписывали ему откровения и произведения свои выставляли под именем Гермеса. Отсюда такое обилие книг и речей, приписанных Гермесу; Ямвлих говорит о 20.000. Сорок две книги Гермеса, упоминаемые Клементом Александрийским (Stromatum, b. VI, cap. 4), составляли целую священную энциклопедию. По Галену, жрецы писали на колоннах, без имени автора, по одобрению прочих; колоннами Гермеса служили столпы и обелиски — первые книги, до изобретения папируса. По Яблонскому имя Тота означает колонну.

Дошедшие до нас на греческом языке книги и отрывки, носящие имя Гермеса, представляют единственный памятник египетской теософии; по определению многих ученых они принадлежат уже сильно эллинизированному Египту накануне появления христианства: иные относят происхождение их даже ко II – III вв. по Р.Х. Но если эти отрывки книг и не принадлежат к 42 священным книгам Гермеса, тем не менее они представляют некоторый интерес, как выражение религиозной мысли древности, если не в самой прекрасной, то в последней форме.

О Гермесе и герметической литературе см.: G. Maspero Hist. ancienne des peuples de l'Orient P. 1875 I. I. Vacherot, Hist. crit. de l'ecole d'Alexandrie, 3 vls. P 1846 – 51; Pierret, Dictionaire d'archeologie egyptienne. Louis Menand. Hermes Trismegiste, Paris, 1867 (переизд. 1910г.) Reitzenstein, Poimandres, Studien, Leipzig. 1904 (имеются некоторые греческие тексты подлинника). Полную библиографию переводов и изданий гермет. книг см. Migne. Dictionaire des Apocryphes, P. 1858, II, 257 – 264. На русском языке имеется, между прочим, прекрасное исследование Б. Тураева: Бог Тот. Лейпциг, 1898, и А. Н. Веселовского: Из истории романа и повести. Материалы и исследования вып. I, гл. VII, СПБ. 1886г. (о переживаниях Тота в христианской литературе).

2) Под именем «Пэмандра» объединены 14 из дошедших до нас речей Гермеса, хотя это имя принадлежит в сущности только I – ой из них; кроме них имеется еще «Посвятительная речь или Асклепий» (сохранившаяся только в латинском переводе Апулея), 3 отрывка из книги «Дева Мира» и несколько отрывков из разговоров Гермеса с Тотом и книги его к Аммону. В «Пэмандре» помимо египетских учений и некоторых следов халдейских и персидских верований, имеется явное сходство с «Тимеем» Платона, I – ой главою кн. Бытия и Евангелием от Иоанна.

3) Пастырь мужей. «Господь мой пастырь и ни в чем ущерба не потерплю».

4) Сравн. Еванг. от Иоанна, I, 5.

5) Ibid I, 1.

6) Ibid I, 9.

7) Ibid I, 2.

8) Ibid I, 3.

9) Бытие. I, 20.

10) Ibid I, 6.

11) Ibid I, 25.

12) Еванг. от Иоанна, I, 4.

13) Бытие, I, 26 – 27.

14) Слово «гармония», выражающее общую связь вещей, означает здесь физический мир.

15) Здесь неясен смысл текста.

16) Бытие. I, 28.

17) Еванг. от Иоанна, I, 4.

18) Ibid I, 12.

Сокровенное сказание о хождении монаха Сергия в Беловодье

Как было записано «Сокровенное сказание о Беловодье»

12 июля 1893 года я приехал с тремя моими младшими братьями в Вышенскую Успенскую мужскую пустынь, Тамбовской губернии, отстоящую от села Заметчина, где мы жили, примерно в 60 верстах (65 километрах). Эта пустынь была основана в 1625 году и расположена при устье реки Выши, на ее левом берегу. Особенно известна чудотворной иконой Божьей Матери.

В монастыре нас встретили очень радушно, как старых знакомых, ибо мы были там уже в 1890 году летом и прогостили неделю. кроме того, отнеслись к нам более чем сердечно, так как уважал нашего отца за его любовь к монастырю, его искреннюю веру, жертвенность и многократную помощь монастырю советом и делом.

При посещении игумена, я, между прочим. просил дать мне возможность беседовать с одним из начитанных монахов. который помог бы мне разрешить ряд вопросов. возникших при чтении Евангелия и в обыденной жизни.

«К примеру, какой вопрос может интересовать тебя?» — спросил игумен.

На это я упомянул о двух вопросах. которые несчетное число раз задавал очень и очень многим, но не получал, по моему разумению, удовлетворяющего ответа.

1. Не сомневаясь, что сила, исходящая от Иисуса Христа, исцелила женщину, страдавшую кровотечением, пробуждала умерших, изгоняла бесов. исцеляла больных, я хотел бы знать, не сказано ни где в житии святых угодников, творивших тоже не мало чудес. что—либо более подробно об этой божественной силе?

Игумен ответил: «Богу Господу все возможно и Его пути неисповедимы, и чем искреннее мы будем верить, тем счастливей будем».

На это я, в свою очередь сказал: «В Евангелии сказано: — стучите — и откроется вам, просите — и дастся вам, поэтому я и стремлюсь говорить с духовно начитанным и развитым человеком, для получения желательных пояснений».

2. Чем возможно объяснить, что в 1885 году иеромонах, сопровождавший чудотворную икону Вышенской Божьей Матери, предсказал моей матери, что молитва ее Владычицей услышана и ее желание исполнится, что, действительно, и совершилось через 18 месяцев. Мать просила даровать ей дочь — и таковая родилась.

На это игумен сказал: «Инокам и вообще людям богатым духоразумением, Божественные Силы много больше открывают, чем другим».

Затем игумен, поговорив о красоте духовной жизни, по отечески отнесся ко мне, сказал, что даст мне возможность говорить с весьма начитанным иноком, но, что в духовных интересах моих желает, чтобы я больше верил и меньше умствовал.

После вечерней службы подошел ко мне послушник и сказал, что после ужина он проводит меня к иеромонаху Владимиру, желающему со мною беседовать.

Иеромонах встретил меня очень приветливо. Двухчасовая беседа прошла незаметно.

На другой день было 15 июля, день нашего ангела. После молебна мы встретились вновь. Между прочими вопросами я спросил: известна ли ему легенда о замке Грааля и как нужно понимать ее? На это иеромонах Владимир сказал, что легенда западных народов интересна и поучительна и что она, как и многие другие легенды, имеет свое основание и таит в себе глубокий смысл. Легенда эта, как и большинство других, изложена символически и доступна пониманию каждого, в зависимости духоразумения.

Я спросил, нет ли и у нас подобной легенды?

* Печатается по публикации в альманахе «Феникс». — Аделаида, 1986. — № 4.

Через некоторое время иеромонах Владимир ответил: «Легенды не знаю, но мне лично доверено одно сокровенное сказанье о Беловодье, которое я мог бы некоторым образом, по духовному смыслу, сопоставить этой легенде, несмотря на кажущееся различие сюжетов.

Я очень просил рассказать мне это сказание, но иеромонах Владимир молчал. Почувствовав в душе, что у него возникло какое-то сомнение, и видя, что он все еще не отвечает, я не задумываясь вновь повторил свою просьбу, сказав, что если знание сказания к чему-либо обязывает, то я заранее обещаю исполнить любое требование.

На это иеромонах Владимир ответил: ты первый, который просишь меня поведать это сказание. Я чувствую, что ты особый счастливец, тебе я могу его доверить, зная, что поставленное условие обета молчания ты соблюдешь. Передать в первый раз это сказание ты имеешь право лишь тому, кто усиленно тебя об этом будет просить. После этого обет молчания снят. Но это будет не скоро... В это время ты будешь, пожалуй, старше меня! Теперь же мне исполнился 61 год.

Сам, по своей воле, до тех пор не рассказывай его никому, — не поймут и тебе будет тяжко... Да и в будущем только редким смысл его будет доступен...

Вечером пойдем в бор, там на приволье достойней касаться высоких вопросов, к разумению которых хотя и стремится душа, но в силу своего еще недостаточно развитого сознания, объять пока не может.

Вечером после ужина, захватив с собою карандаш и тетрадь, я встретился с иеромонахом Владимиром. После нескольких минут ходьбы мы были в чудном бору, окружающем обитель.

Усевшись на пень, иеромонах Владимир начал свой рассказ. Испросив разрешение я дословно записывал.

Иеромонах Владимир иногда вставал, ходил и вновь садился. Продиктовав несколько предложений, он попутно высказывал свои соображения и отвечал на мои вопросы.

С его слов, сказание было доверено ему лет 30 тому назад, на последней исповеди, старым монахом и могло быть им, в свою очередь, передано лишь тому, кто об этом будет просить, в противном же случае он обязан передать сказание, по счету от начала в 28 раз, лишь почувствовав скорость кончины, своему духовнику.

Он в памяти много раз воскрешал сказание и стремился проследить и пройти описываемый в нем путь, причем дерзал воображать себя на месте отца Сергия. При этом он всегда ощущал приятный душевный трепет, иногда даже дивные чувства, граничащие с блаженством ...и время текло незаметно.

Когда стало темнеть, мы прекратили писание. Я передал иеромонаху Владимиру написанное — с просьбой проверить.

На третий вечер работа была окончена.

Продолжая по вечерам беседовать с иеромонахом Владимиром, я пробыл в обители еще несколько дней.

От души поблагодарив иеромонаха Владимира за чудные, незабываемые часы бесед и получив благословение, с чувством большого удовлетворения, счастливый и довольный, покинул я гостеприимную обитель.

Ноябрь 1893 года. *В.Г.*
Село Заметчина, Тамбовской губ. Моршанского уезда.

* * *

В дальнейшей жизни, при разговорах, казалось, вопрос о Беловодье не возбуждал интереса у моих собеседников. Протекло незаметно ровно полвека и вскоре исполняется мне 65 лет.

28/15 июля 1943 года я встретил на курорте Чехочинек впервые человека, который в разговоре со мною спросил, не знаю ли я что-либо о Беловодье, о существовании которого он слышал, но несмотря на старания, ни от кого ничего узнать о нем не мог. Это был известный русский народный поэт и гусляр — Александр Ефимович Котомкин, имя которого, с его согласия, здесь и сообщается.

Узнав, что я имею сказание, он был очень обрадован и убедительно просил меня передать таковое ему, что я и сделал. Предвидение иеромонаха Владимира сбылось.

Обет молчания теперь с меня снят и сказание становится достоянием народов Земли, ибо срок подошел и наступает Новое Время...

28/15 июля 1943 года. *В. Г.*
Курорт Чехочинек близ берега реки Вислы.

Сокровенное сказание о Беловодье

Великий князь, Владимир Красное Солнышко, желая переменить веру, отправил шесть богатых посольств в чужие земли, чтобы поразузнать, какая вера там, затем, сличив, полагал выбрать самую лучшую для себя и всего своего народа.

Вскоре после проводов посольств, пришел к великому князю странник, отец Сергий, который в малолетнем возрасте попал с торговыми людьми из Киева в Царьград, на святой горе Афонской был обращен в христианство, воспринял пострижение и, прожив там до тридцатилетнего возраста, вернулся обратно. Так как мир его не понял, и с миром он идти не мог, то определенного места жительства он не захотел иметь. Занимаясь самоуглуб – лением и созерцанием души, он странствовал круглый год по землям великого князя и по соседним, смотрел, как люди живут, помогал каждому в чем мог, поверял достойным свет истины и обращал в христианство. Через каждые три года отец Сергий заходил в Киев и навещал Великого князя.

Велика была радость отца Сергия, когда он узнал об отправке посольств и особенно, что одно из них направлено было в Царьград, ибо, по его убеждению, не было веры выше православной.

Великий князь тоже порадовался его приходу, но потужил, что тот не пришел раньше, ибо хотел именно его послать во главе посольства в Царьград.

Великий князь поведал также отцу Сергию, что во снах не раз являлся ему старец, указывающий, что еще одно седьмое посольство должно быть отправлено, но что он не знает, куда его снаряжать — и просил указать, куда посылать таковое.

Отец Сергий, помыслив, ответил, что так как посольство в Царьград отправлено, то он более иных путей не знает и не ведает. Но Великий князь стоял на своем и наказал ему в семидневный срок надумать, куда посылать седьмое.

Отец Сергий, желая помочь Великому князю, строго постясь, молитвенно просил Всевышнего сниспослать ему откровение, какой ответ давать Великому князю.

На седьмую ночь, во сне, явился отцу Сергию настоятель Афонского монастыря, в котором его постригли — и напомнил ему о древнем сказании про Беловодье. Отец Сергий, пробудясь, возблагодарил Господа за дарованное откровение и ясно припомнил, слышанное им от настоятеля в бытность свою в монастыре, следующее:

В глубокой древности один Византийский царь, не довольствуясь верой своей и своего народа, собрав мудрецов всей страны, просил их сказать, куда посылать посольства для выбора новой, лучшей веры.

После долгих пересудов один из мудрецов, приехавших с Востока, сказал, что ему, в свое время, его учитель — старец мудрец поведал, что далеко на Востоке существует где – то страна Беловодье, — сказочная обитель вечной красоты и истины и, что туда, по его разумению, и нужно обращаться за советом, но что одна из особенностей той страны та, что не всякий ее

3 Зак. 445

может найти, туда доехать и в нее проникнуть, а только избранный — кто позван.

Царю сказание понравилось и он снарядил посольство на Восток, во главе с мудрецом. Через 21 лето мудрец вернулся, но только один, все другие, уехавшие с ним, погибли.

Царь с восторгом слушал удивительные рассказы вернувшегося. Все настолько было хорошо и разумно, что он отказался от своей веры и, по совету мудреца, ввел новую. Но не все, что рассказывал мудрец, было понятно: многое казалось невозможным и над ним потешались, полагая, что он говорит складные небылицы.

Это сказание отец Сергий передал Великому князю Владимиру, который настолько воодушевился слышанным, что также решил послать на Восток, в неведомую страну, посольство, во главе которого и поставил отца Сергия.

После многих хлопот посольство было собрано.

Отцу Сергию было дано шесть человек, из людей высокого рода, в помощники, много знатных воинов и большое число слуг. Всего народу в посольстве было 333 человека.

Как только прошло половодье, посольство тронулось в путь на восток. Полагалось, что года через три оно возвратится. В первом году приходили известия, через соседние земли, что посольство встречали на его пути на восток. Затем все замолкло. Три, семь и двенадцать лет прошли, но о посольстве не было вести. Сперва ожидали его, затем опасались о его судьбе, потом тужили о пропавших, и лет через 28, когда все еще не было всети, начали о нем забывать, и время все покрыло.

* * *

Через 49 лет после этого из Царьграда, с одним из посольств, прибыл в град Киев старец монах, который, прожив семь лет отшельником и предчувствуя скорость кончины, на исповеди, поведал нижеследующую тайну, которая должна передаваться из уст в уста, как сокровенное сказание. Сказание это станет достоянием народов Земли, само по себе, лишь когда для этого срок подойдет и будет наступать новое время.

«Я — тот монах, отец Сергий, который, 56 лет тому назад, был послан Великим князем Владимиром Красное Солнышко, с посольством искать Беловодье.

Первый год мы ехали хорошо. В стычках, при переправах, погибало мало людей и скота. Проехав много разных земель и два моря, на второй год продвигаться стало труднее: люди и скот погибали, дороги стали непроходимыми, при расспросах ничего нельзя было узнать. Началось недовольство людей, которые, не видя приближения цели поездки, роптали.

К концу второго года путь проходил по пустыне. Чем дальше ехали, тем больше попадалось на пути костяков людей, коней, верблюдов, ослов и других животных. Доехав до места, которое сплошь было покрыто костями на большом пространстве, люди отказались ехать вперед.

На общем совете решили, что желающие поедут назад, и только два человека согласились ехать со мною дальше вперед.

К концу третьего года пути, сперва один, затем и другой мой спутник занемогли, их нужно было оставить в селеньях.

Во время ухода за последним больным, мне удалось узнать от начальника селенья, что примерно лет тридцать назад, проезжал здесь также искатель Страны Чудес, ехавший на восток. С ним был караван на верблюдах. Проводник этого каравана еще жив, до него лишь три дня пути. За ним я послал, и он согласился вести меня дальше и сдать дальнейшему проводнику, если его удастся разыскать.

Меняя проводников, я продвигался медленно дальше. Один из них мне поведал, что по сказаниям здесь и раньше проезжали желающие найти Заповедную Страну, лежащую на востоке. Эти сведения радовали меня и я, горячо молясь, просил Господа вести меня дальше.

Еще несколько проводников сменилось и я напал на такого, который мне рассказал, что ему известно со слов приезжающих с Востока, что где – то там на Востоке, примерно в 70 днях пути, лежит диковинная страна, в высочайших горах, куда многие стремятся, но только редко кто может проникнуть и мало кто возвращается.

Чем дальше я ехал, тем сведений поступало больше. Не могло быть сомнения, что страна, куда я стремился, существует на самом деле. Некоторые называли ее «Страной Запретной», «Страной Белых Вод и Высоких Гор», другие — «Страною Светлых Духов», «Страною живого Огня», «Страною Живых Богов», «Страною Чудес», или давали еще много различных названий, которые относились все к одной и той же стране.

Наконец, мы доехали до селения, в котором мне сказали, что Запретная Страна начинается на расстоянии трехдневного пути. До этой границы меня проведут, но дальше не могут вести, ибо проводник погибает, путешественник же, идя дальше один, иногда не находя дорог, возвращается назад, иногда же, что очень редко, остаётся и живет там подолгу. Об остальных молва говорит, что они погибают.

Помолившись, я тронулся в путь с последним проводником. Дорога, подымаясь, становилась все уже, местами по ней возможно было только с трудом пройти одному. Высокие горы со снеговыми вершинами окружали нас.

Переспав третью ночь, на рассвете, пройдя немного, проводник заявил, что дальше он не может меня провожать. По различным сказаниям, на расстоянии от 3 до 7 дней пути; держа направление на вершину самой высокой горы, есть селение, но до него доходят лишь редкие. Проводник оставил меня. Шаги возвращающегося затихли...

* * *

Восходящее Солнце освещало белоснежные вершины гор и отблеск лучей создавал впечатление, что они в огненном пламени. Ни души кругом... Я был один с моим Господином, приведшим меня, после столь долгого пути сюда. Чувство неописуемого счастья, восторга, неземной радости и в то же время душевного покоя охватило меня. Я лег на тропу головой к самой высокой горе, целовал каменистую почву и, проливая слезы умиления, благодарил без слов, как умел, Господа за Его милости.

Я пошел дальше. Вскоре был перекресток, обе тропы, казалось, одинаково направлялись к самой высокой горе. Я пошел по правой, ибо она шла навстречу бегу Солнца.

С молитвою и песней шел я вперед.

В первый день было еще два перекрестка. На втором перекрестке одну из троп переползала змейка, как бы преграждая путь, я пошел по второй тропе. На третьем перекрестке, на одной из тропинок лежало три камня: я пошел по свободной.

На второй день был еще один перекресток, четвертый, где тропа троилась. На одной из тропинок порхала бабочка, я выбрал эту тропу. После полудня путь мой пролегал вдоль горного озера. С восхищением и удивлением я любовался красотой его и легкой зыбью, придающей водам озера, в связи с освещением, удивительную, своеобразую белизну.

На третий день пути лучи восходящего Солнца, как и в предыдущие дни, освещали белоснежные покровы самой высокой горы и окружали ее огненным пламенем. Вся душа моя рвалась ввысь, и я глядел и не мог досыта налюбоваться красотою. Творя молитву и не спуская глаз, сливаясь душою с пламенем, окружающим гору, мне стало видно, что ожил этот огонь: в его потоках появились, белоснежно сияющие, фигуры ангелов, непрерывно подлетающих красивыми хороводами к горе. Скользя по поверхности ее, они поднимались к вершине, возносились и исчезали в безбрежных небесах. Солнце поднялось из – за горы и чарующее видение исчезло.

На третий день было еще три перекрестка...

На пятом перекрестке, вдоль одной из троп, сбегал белопенясь, изумруд – ный журчащий ручей. Я пошел вдоль него.

К полудню дошел я до шестого перекрестка: он имел три тропы. Одна из них проходила мимо горы, имевшей вид огромного истукана, как бы охранающего эту тропу. Не задумываясь я выбрал ее.

Дойдя до седьмого перекрестка, имеющего тоже три тропы, я пошел по той, которая была сильнее освещена лучами солнца.

Я не был одинок, ибо чувствовал и сознавал, что все окружающее меня по – своему, по – разному, живет и возносит, как умеет, хвалу Предвечному Творцу.

К вечеру я уловил первый звук, летевший мне навстречу. Вскоре, на откосе горы, направо, я увидел жилье, освещенное последними лучами заходящего Солнца. Я пошел к нему. Это было пристанище, и я безмятежно уснул.

На рассвете я был разбужен голосами. Предо мною стояло два человека, говорящих на незнакомом мне языке. Но странно, каким – то внутренним чувством я понимал их — и они понимали меня.

Они спросили меня, имею ли я нужду в пище. Я ответил: имею, но только в духовной.

Я пошел с ними. Они провели меня в селение, где я и пробыл некоторое время. Со мною много беседовали, и на меня был возложен ряд занятий и работ, выполнение которых давало мне величайшее удовлетворение.

Затем повели меня дальше, сказав, что настал для этого срок.

В новом месте встретили меня, как родного, и вновь, когда наступил срок, повели дальше и дальше...

Я потерял счет времени, ибо не думал о нем. Каждый день приносил мне все новое, удивительно мудрое и чудесное. И казалось мне иногда, что все что я переживаю и что со мною происходит, диковинный сон наяву, чему я не нахожу объяснений.

Так время текло; наконец мне сказали, что срок подошел моему

возвращению домой, и что путь мой будет лежать через Царьград.

Пока ум человеческий не может вместить того, что я там видел и чему научился. Но и для этого познания срок подойдет и в свое время Господь откроет достойнейшим еще несравненно больше, чем мне.

Покидая сей мир, расскажу, что возможно.

Страна Беловодье не сказка, но явь. В сказаниях народов она зовется всюду по иному. В дивных обителях там пребывают лучезарные, кроткие, смирные, долготерпеливые, сострадательные, милосердные и прозорливые Великие Мудрецы — Сотрудники мира высшего, в котором Дух Божий живет, как в Храме Своем. Эти Великие Святые Подвижники, соединяющиеся с Господом, и составляют единый Дух с Ним, неустанно трудятся, в поте лица своего, совместно со всеми небесными Светлыми Силами, на благо и пользу всех народов Земли.

Там Царство Духа Чистого, красоты, чудных огней, возвышенных чарующих тайн, радости, света, любви, своего рода покоя и непостижимых величий...

Много людей отовсюду стремятся в Страну Заповедную, но за каждые сто лет проникает туда лишь семь позванных, из них шесть возвращаются, унося с собою сокровенные знания, развитие новых чувств, сияние души и сердца как я, — и только один остается.

Находящиеся там живут, сколько им нужно. Для них остановлено время.

Что творится в мире, все им известно, все видно, все слышно. Когда дух мой окреп, мне давали возможность, вне тела, бывать на самой горе..., в Царьграде, Киеве, а также знать и видеть и слышать, что пожелаю.

Там точно известно, что православная вера, для Великого князя и всего народа нашей страны — самая лучшая: нет веры духовнее, величественнее, чище, светлее и красивее ее. Только ей суждено соединить народы нашей страны и быть с ними неделимой.

1000 лет силы ада, с бешеной яростью, будут, бушуя, наступать неустанно и потрясать нашу Русь до основы... Чем страшнее напор, тем сильнее вера спаяет народ воедино — и ничто не заслонит ему путей ко Всевышнему. Силы чистого света, огня неземного низложат врагов. Живые Огни залечат раны счастливой страны. На развалинах старого возродится Великий Народ, красотою духа богатый. Лучшие избранные понесут Слово Бога Живаго по всем странам Земли, дадут миру мир, человекам благоволение и откроют Врата Жизни будущего Века.»

Записано 15/27 июля 1893 года со слов о. Владимира, иеромонаха Вышенской Успенской мужской пустыни, Тамбовской губернии, Моршанского уезда.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПЕРВОГО ПЕРЕПИСЧИКА

При князе Игоре, сыне Рюрика, существовала уже в Киеве православная соборная церковь Св. Илии.

Жена князя Игоря, Великая княгиня Ольга, крестясь, стала заботиться о распространении христианства.

По сказаниям летописцев, внук великой княгини, князь Владимир, очень долго исследовал вопрос, какую из религий принять. В 986 году он вел переговоры с волжскими Болгарами — магометянами, хозарами — иудейского вероисповедания, немцами — западными христианами и греческим мудрецом Кириллом.

Отправка посольства в Беловодье, на основании этих исторических данных, могла состояться, согласно сказанию, весною 987 года. По данным сказания, кончину отца Сергия можно отнести к 1043 году — при Ярославе Мудром.

Перепечатка «Сокровенного сказания о Беловодье» разрешается при условии точного соблюдения текста.

В. Г. 1893 г.

Есть на свете такая диковинная страна, называется — Беловодье. И в песнях про нее поется, и в сказках сказывается. В Сибири она, за Сибирью ли или еще где—то. Скрозь надо пройти степи, горы, вековечную тайгу, все на восход, к солнцу, путь свой править, и, если счастье от рожденья тебе дадено, увидишь Беловодье самолично... И эта страна никому не принадлежит, в ней вся воля, вся правда искони живет, эта страна —диковинная... Безрукий солдат сказывал: «Беловодье под индийским царем живет»... Врет солдат: Беловодье — ничье, Беловодье — Божье.

Вячеслав Шишков

«В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье.»

В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту... и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям. Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом:

«Через Кокуши горы, через Богогорше, через Ергор — по особой тропе. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи... Коли душа твоя готова достичь это место через все гибельные опасности, тогда примут тебя жители Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается. Много народу шло в Беловодье. Наши деды Атаманов и Артамонов тоже ходили. Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать...»

Николай Рерих

Куку—Нор

Ах, далеко в Тибетском плоскогории,
Живет мой друг.
А здесь один томлюсь в тоске и горе я,
Темно вокруг.

И лишь порой в тумане сновидения,
Я вижу то,
Что видеть мог без всяких затруднений я
Тому лет сто.

Иль, ослабев, умру с тоски и горя я
Судьбе в укор.
Иль путь найду в Тибета плоскогория
Чрез Куку—Нор.

Владимир Соловьев

Загноили мы землю родительскую, кровями искупленную, от *Соловков до потайных храмов индийских* праведными, алчущими правды лапоточками измеренную! Где ты, *золотая тропиночка, — ось жизни народа русского,* крепкая адамантовая верея, застава Святогорова? ...Смята, перекошена, изъязвлена *тропа жизни русской.*

На дне всех миров, океанов и гор
Цветет, как душа, адамантовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет...

Николай Клюев

М...

Легенда

В неизмеримых вершинах горных
Волшебным светом лучи сверкают
По снежным склонам.
То вдруг пурпурной оденут тогой
И в золотистом сияньи тонут
Кристаллы снега.
То нежно–алый покров набросят,
Внизу, в долине
С зеленокудрым сливаясь лесом.
А Ганг священный спадает с неба
И серебрится в бурливых волнах.
Бушуют волны, трепещут, стонут,
Как будто молят
У белоснежных вершин защиты.
И ярко–ярко сверкают снегом
Неизмеримых вершин громады,
А там, далеко,
Где только небо, раскинув вечность,
Загадкой блещет над их зенитом,
Светлы и мудры,
Как будто боги вершин Олимпа,
Живут незримы волхвы Востока.
Наука неба для них не тайна,
Им шепчут звезды святые вести.
И как источник вершины горной,
Из мира света в долины мрака
Они струями разносят влагу
И волю неба вещают миру.
Когда сияла звезда востока
И «слава в вышних» неслось по небу,
Святая мудрость открыла старцам
Веленье Бога
И отклонила убийцы руку.
Века летели и неизменно,
Когда свершались судьбы земные
По высшей воле
С высот незримых
Мудрейшим мира шептали звезды

Веленья неба.
И, как виденья седых сказаний,
С уступов снежных спускались старцы
В долины Ганга.
По склонам горным
Зеленой кущей толпились лавры
И родендрон серебровидный,
Как исполинский шатер склонялся
Над купой снежной цветов магнолий,
Вздымая к небу седые кроны.
А в потемневшем лазурном своде
Дрожали звезды
И мудрым старцам шептали тайны.

«...и если я хочу, чтоб он пребыл,
пока прииду, что тебе до того?»
Иоанн. 21, 22.

На вершинах Гималая,
Где лучи в снегах сверкая,
Волны синие эфира отражают, догорая,
В мире скрыт светильник мира.

Силой высшего веленья
Неизменный и чудесный, он хранит огонь небесный,
И с любовью в мир сомненья
Сыплет искры озаренья.

Тайн земли свидетель вечный,
Направляя жизнь земную к цели высшей и конечной,
Он ведет семью родную
Светом истины предвечной.

Всем, кто стонет и страдает,
Друг Господень посылает луч божественного дара
И, как Солнце, освещает
С высоты Гауризанкара.

И рассвет земного края с высоты подготовляя,
У небесного порога
С ним другой свидетель Бога
Скрыт в вершинах Гималая.

Но борьбою предрассветной
Отуманенный сомненьем, мир восстанет единеньем,
И последний бой всесветный
Завершится возрожденьем.

Вспыхнут бедствия земные
И, как пламенем пожара, дни охватят роковые...
В эти дни сойдут святые
С высоты Гауризанкара.

Ю. И. Долгин

Научные предвидения Е. П. Блаватской

«Ни одна великая истина никогда не была принята apriori, и обычно проходило столетие или два, прежде чем проблески ее начинали вспыхивать в человеческом сознании, как возможная правда... И настоящий труд будет оправдан частично или целиком в XX-м столетии» (Т. Д., т. II)

Так писала Елена Петровна Блаватская более ста лет тому назад, пророчески предвидя сроки признания тех истин, которые она принесла миру в главном труде своей жизни — «Тайной Доктрине».

Во второй половине XIX века наука, в полном сознании своего превосходства над ниспровергнутой религией, приближалась, по мнению ее корифеев, в общих чертах к абсолютному завершению. Оставалось согласовать некоторые мелкие неувязки и заштопать кое-какие прорехи. (Совсем как во второй половине XX века, накануне предполагаемого построения единой физической теории, по сей день не открытой...)

На этом фоне ученой самоуспокоенности и самодовольства, резким диссонансом прозвучало возмутительное откровение Блаватской, подрывающее казалось бы несокрушимый бастион аксиом и догм науки Нового времени.

Теософия Блаватской воевала не с наукой, а с монополией того научного направления, которое в наше время привело человечество на грань глобальной катастрофы.

Теософия Блаватской призывала не к возврату седой старины, а к пересмотру полузабытого-полуокарикатуренного старого, в котором содержится, как в драгоценном ларце за семью замками, очень многое, если не все лучшее новое.

Блаватская, не отрицая необходимости проектировния, так сказать, аэродинамического крыла науки, предостерегала, что на одном крыле наука далеко не улетит; надлежит срочно позаботиться и о другом крыле — раскрытии беспредельной энергии духа — вечном двигателе, известном всем посвященным мыслителям древности, отчасти памятном в эпоху средневековья, и безнадежно забытом прагматично-утилитарной наукой Нового времени.

С неукротимым темпераментом и полемическим задором Блаватская обрушилась в «Тайной Доктрине» на теорию Дарвина, усомнилась в законе тяготения Ньютона. «Когда-нибудь будет найдено, что эта научная гипотеза неудовлетворительна... Мы называем силы, действующие под этим названием,

следствиями, и даже весьма второстепенными... Тяготения не существуют, во всяком случае, не в том виде, как учит наука...» (Т. Д., т. 1, часть III, отдел 3. Есть ли тяготение — закон?)

Крупнейшие киты физики и биологии попали под ее обстрел...

Блаватская реабилитировала Древнюю Мудрость, величайшими выразителями которой были Гермес Трисмегист, Пифагор и Платон. Но ее критика авторитетов науки XIX века не опровержение теории естественного отбора и закона тяготения, а прозорливое предвидение недостаточности их.

Как показало дальнейшее, ньютонианское представление о мироздании справедливо в рамках частного случая концепции Эйнштейна. Закон всемирного тяготения интерпретируется теорией относительности через искривление пространства.

В недавние годы выяснилось: объяснить происхождение жизни и разума случайным сочетанием элементов запрещает теория вероятностей: не хватает ни периода существования Земли, ни степени перебора вариантов.

Эволюционная же теория Дарвина односторонне прямолинейна: наряду с эволюцией действуют, как предвосхитила Блаватская в «Доктрине», инволюция...

Вообще, методологически, все дилеммы в науке и в философии дефектны, ибо существо дилеммы — или–или — порождение плоской логики Аристотеля, нежизнеспособно.

Нет дилеммы — или сверхестественный акт творения, или естественный отбор, как нет дилеммы — свет или волновой процесс, или дискретный.

Последняя дилемма — предмет спора между Ньютоном и Лейбницем, завершившегося когда-то в пользу Ньютона (временное торжество волновой теории), а в 20-е гг. нашего века, в ученом поединке Гейзенберга с де Бройлем — вничью; было доказано — свет имеет и волновую и дискретную природу.

Однако за полвека до этого кардинального открытия, означавшего переворот в физике, Блаватская знала, что дилеммы нет:

«Теория волн или корпускулярная теория — ВСЕ ОДНО, ибо это есть суждения на основании аспекта феномена, но не на основании знания сущности природы причины.» (Т. Д., т. 1, часть III, отдел 3)

Увеличивающие скорость движения (вплоть до субсветовой) галактики на горизонте расширяющейся Вселенной?

Сие в принципе Блаватской было известно: «Все во Вселенной, так же как и сама Вселенная, образуется в течение ее периодических проявлений в пределах феноменального мира — ускоренным движением». (Т. Д., т. II, отдел 9)

Новейшая гипотеза тождества микро-и-макромиров, относительного понятия масштабов, уравнивающего элементарную частицу с астрономическим миром?

Гениальная провидица 80-х гг. XIX века писала так: «...Каждый атом Вселенной... является Вселенной в себе самом и для себя.» (Т. Д., т. I, станца V, I)

«Термин монада может быть одинаково применен, как к обширнейшей Солнечной системе, так и к малейшему атому.» (Т. Д., т. I, Пролог)

Ключ к загадке пришельцев-гуманоидов, таинственных появлений их и мгновенных исчезновений предлагает нам Блаватская в следующей

удивительной многомерной картине взаимопроникновения миров:

«Существуют миллионы и миллионы миров,... невидимых нами; и еще большее их число за пределами видимых телескопом, и многие из последнего вида не принадлежат к нашей объективной сфере существования... они с нами, вблизи нас, внутри нашего собственного мира, такого же материального для их обитателей, как наш мир для нас... Обитатели их... могут... проходить через нас и вокруг нас, как вы сквозь пустое пространство, их жилища и страны переплетаются с нашими, тем не менее, не мешают нашему зрению...» (Т. Д., т. I, ч. III, Наука)

Человечество последовательно систематизировало представление о мире и форме геоцентризма, гелиоцентризма, галактизма, метагалактизма.

По мнению Шепли, «пятое приспособление мыслимо в области психологии или в мире «антиматерии».

Идея Шепли удивительно перекликается — и по букве, и по смыслу — с предсказаниями Блаватской: «Наша 5–я раса спешно приближается к Пятому Элементу — назовите его, если хотите, междупланетным эфиром... Элемент этот имеет больше отношение к психологии, чем к физике.» (Т. Д., т. II, Станца VI, 22)

Речь идет о психической энергии, овладение которой даст грядущему человечеству силу, превосходящую все чаяния, связанные с термоядерной энергией...

Натуральный ряд чисел движется не от нуля к бесконечности, а от нуля к нулю, ибо Космогонический Цикл конечен, и бесконечности вообще нет в природе.

Здесь необходимо отметить: 1) Блаватская вместо прямолинейного евклидового ряда чисел, уходящего в дурную бесконечность, т.е. в бессодержательную бесконечность, предполагает цикличный натуральный ряд, аналог которого окружность, а точнее — виток спирали; 2) Космогония принципиально отождествляется с натуральным рядом чисел, замкнутым в цикл от единицы до нуля. (Единица — действенное начало, а Нуль — пассивное. Можно предположить формулу «от нуля до нуля» и формулу «от единицы до нуля»). Прообраз современной космологической модели пульсирующей Вселенной впервые выдвинут Блаватской в комментариях к манускрипту глубочайшей древности — «Книге Дзиан». (Т. Д., т. I)

Задолго до работ астрофизика–космолога А.Л.Зельманова об относительности конечного и бесконечного, их совместной истинности в протяженности и в длительности Вселенной, Блаватская с поразительной научной интуицией предвещала: «Несмотря на то, что материальный мир для нас беспределен, он все же конечен.» (Разоблаченная Изида, т. I, ч. I, гл. I)

Говоря о монадах (в лейбницевском и оккультном аспекте), Блаватская диалектически утверждает предельное в беспредельном: «Число их предельно, как и все в этой Вселенной дифференциации и предельности.» (Т. Д., т. I, станца VI, 4)

Блаватская нарушила традиционное представление о пустоте, категорически заявив, что пустоты в природе нет.

Только в середине XX века парадоксальное утверждение Блаватской получило научное признание: вакуум — виртуальное средоточие колоссальных энергий.

Вот еще пример подтвердившегося совсем недавно откровения: «Солнце,

при каждом своем обороте сокращается также ритмично, как человеческое сердце. Только... солнечная кровь требует 11 лет, чтобы пройти через полость сердца, прежде нежели она омоет легкие, чтобы вернуться затем в большие артерии и вены системы.» (Т. Д., часть III, отдел III)

Физика Солнца за последние десятилетия сделала большие успехи и значительно приблизилась к пониманию нашего Светила, как ритмично пульсирующего живого органа. Мы узнали: Солнце дышит!

Но и это знала великая провидица!..

Ультразвук вошел в науку в XX веке, а Блаватская в 1888 году вдохновенно предвещала:

«Мы... утверждаем, что звук есть... страшная сила. Звук может быть произведен такого свойства, что пирамида Хеопса поднялась бы на воздух...Это есть вибрационная сила... Атомы в Оккультизме называют Вибрациями: так же Звуком — коллективно» (Т. Д., т. I, часть III)

А предупреждение об экологическом неблагополучии на Земле?..

И в заключении нашего краткого обзора, мы можем с удовлетворением отметить то, что по свидетельству обобщающих разработок в теоретической физике последних лет, наука, хочет она того или не хочет, волей или неволей, ползком или прыжком — движется в направлении теософии, точно также как движется к синтезу отдельных разрозненных дисциплин, в конечном счете — к синтезу с этикой и с религией.

Е. П. Блаватская и предсказание научных открытий XX века

Предсказания Блаватской подтвердились в XX веке. Сегодня ее правота доказана, и свидетельств тому много больше, нежели принято полагать. В результате образовался целый список областей, в которых подтвердились ее пророчества. Иногда эти доказательства довольно ясные и определенные, в других случаях они требуют разъяснения. Поэтому необходимо предварить список ее утверждений некоторыми пояснениями.

Блаватская не пользовалась специальными терминами, которые появились позже у ученых. То, что она имеет в виду, следует понимать из ее текстов.

Ее язык в некоторых случаях таинственен. Для нее не было целью до конца прояснить все основы и подробности оккультизма, которому она учила. Напротив, оглядываясь назад, мы видим, что она намеренно скрывала часть информации, так что для читателей — ее современников, она была почти совершенно непонятной, являясь стимулом по большей части только для чувства интуиции; хотя уже после непосредственно сделанных научных открытий становится вполне ясно, что Блаватская имела в виду.

В некоторых случаях способом сокрытия являлось раскидывание смыслового материала по

* Материал Исследовательского Центра Блаватской (Нью-Йорк). Публикация Р. Корсона.

тексту. Тут необходимо соединять отрывки, которые в тексте отделены друг от друга.

Иногда она пользуется архаичным языком. В научных кругах такой язык сегодня не принят. Поэтому требуется принять известный символизм высказываний и соотносить их с данными о природе и обозначениями, имеющими место в соответствующее время.

Мы обращаем особое внимание на то, было ли Блаватской известно о наиболее впечатляющих современных открытиях. При этом мы обозреваем историю научного прогресса за последние 100 лет. Идея, которую она смело отстаивала, в ее время могла считаться ересью, а сегодня она является для нас чуть ли не банальностью и принимается нами как сама собой разумеющаяся.

Каждый отрывок следует, как правило, рассматривать с помощью следующих вопросов:

Каким было состояние знаний в ее время? Насколько сильно отличалось ее знание от знаний ее эпохи? В какой степени науке с тех пор удалось подтвердить ее позицию?

Естественно, что приводимый список не свободен от некоторой неизбежной интерпретации и субъективного подхода. Было бы несправедливо утверждать, что абсолютно вся субъективность исключена. В особых случаях на помощь приходят предположение и догадка. В попытках как можно ближе подойти к истине это необходимо. В тех утверждениях, которые очень дотошные люди вряд ли бы приняли, соблюдена достаточная степень точности.

Из-за ограниченности в тексте анализ некоторых из заключений Блаватской во многом случаен. Наиболее верным для оценки этих заключений является метод рассмотрения упомянутого отрывка не только в отдельности, но и в большом контексте всех ее произведений

И хотя этот предварительный список может показаться длинным, окончательный результат впечатляет. Правота Блаватской подтверждается много глубже и полнее, нежели это вообще предполагается. К тому же этот список наверняка не полон. Почти каждый, долго изучавший Блаватскую, сможет дополнить его своими замечаниями.

Мы также видим, что подтверждение предсказаний ТД* продолжается. Наукой не исчерпаны эти подтверждения. Нам нужно признать, что ТД — книга не только для XIX и XX вв., но и книга — для XXI столетия. Если же принять во внимание всю глубину оккультизма в этой книге и стоящий за обычными средствами науки ее дней очевидный источник знания, мы придем к выводу, что ТД — книга на все времена. Она должна стать учебником будущего.

1. Блаватская знала об эквивалентности энергии и массы, что позже в 1905 г. показал Эйнштейн в своей знаменитой формуле $E=mc^2$.

2. Она знала о факторе выражения «скорость света в квадрате» в этом уравнении.

3. Она предполагала фотон, который открыл миру в 1905 г. Эйнштейн, объясняя явление фотоэлектрического эффекта.

4. Она знала о броуновском движении, объясненном Эйнштейном в 1905 г.

5. Она знала о внутренней взаимосвязи пространства и времени и о «мировой линии». И это было впоследствии открыто Эйнштейном.

6. Она знала об электроне до его открытия в 1897 г.

7. Уже в 1888 г. она знала, когда он будет открыт.

8. Она предвидела огромный скачок в раскрытии тайн природы, который будет сделан наукой в конце прошлого и начале нынешнего века. Она знала, что это произойдет по завершению основных частично совпадающих циклов в 1897 г. (В годы, прямо предшествующие этому скачку, наука подошла к выводу о почти полном завершении своей миссии, что ей, науке, осталось сделать совсем немного, ибо уже не осталось никаких тайн).

Период этого скачка ознаменован:

— открытием таинственного и совершенно неожиданного феномена X-лучей в декабре 1895 г. Вильгельмом Конрадом Рентгеном;

— открытием радиоактивности Антонием Генри Беккерелем в 1896 г.;

— открытием и доказательством существования электрона сэром Дж. Дж. Томсоном в 1897 г., возвестившими о начале эры электроники с ее огромным влиянием на все области науки и на всю повседневную жизнь — как и ознаменовавшими появление научного определения атома и проникновения вглубь атома;

— открытием альфа-частиц и бета-частиц Резерфордом;

— началом опытов в камере Вильсона;

— к этому периоду скачка относятся открытия начала века группой так называемых «монументальных физиков». Эти открытия были крайне поразительны и революционны.

9. Она знала о квантовании в природе. Позже, в 1900 г., Макс Планк впервые предложил принцип квантования — концепцию, находящуюся в полном противоречии с представлениями того времени.

10. Она знала о факте мельчайшего расщепления времени.

11. Она знала, что материю можно рассматривать как произошедшую из волн. В нашем столетии эту идею в физике начал развивать де Бройль.

12. Она знала, что свет можно рассматривать и как частицу. Она знала о парадоксе: волна/частица, который был открыт в этом столетии, а также знала, как разрешить эту тайну.

13. Она знала о бесконечной делимости вещества. В этом направлении наука продвигалась только шаг за шагом — сперва открыв электрон, затем — протон, затем — нейтрон, затем — кварки и другие частицы, каждый раз полагая, что открывает, наконец, первичную частицу. И только теперь в теории сильных взаимодействий наука подошла к идее чистых

---

* ТД — «Тайная Доктрина».

волн. Только ныне эта идея соотносится с наукой ТД.

14. Она знала, что в своей основе все силы природы едины. Опять же физики лишь шаг за шагом продвигались к пониманию этого. За несколько десятилетий до ТД Максвелл объединил электричество, магнетизм и свет. Много позже, в этом столетии, слабые ядерные взаимодействия были объединены с электромагнетизмом. Ученые с различным успехом работают над созданием Великой Единой Теории, в которую войдут сильные ядерные взаимодействия. Наиболее широко развивающаяся с 1984 г. теория сильных взаимодействий присоединяет также и силу гравитации для завершения объединения. Более того, это единство имеет место при самом зарождении космоса, что и согласуется с утверждениями Блаватской.

15. Она знала о фундаментальном колебательном свойстве материи, открытом Шредингером и другими учеными по квантовой механике.

16. Она, вероятно, даже знала о форме колебаний.

17. Она знала, что наука не до конца понимает силу гравитации, хотя долгое время законы гравитации преподносятся как классический пример победы науки.

18. Она знала, что физики, подходя к оккультизму, будут находить много сходного в Восточной религии. Как показано в работах ряда авторов, в последней четверти этого столетия такое сходство стало очевидно.

19. Она намекала на то, что понятие эфира будет отвергнуто наукой. Позже Эйнштейн отказался от него, как от ненужного — и тот был отвергнут.

20. Она знала, что потом понятие эфира вновь вернется в науку. В каком-то смысле это уже произошло.

21. Она знала, что к материи и энергии должен быть присоединен принцип сознания. Теперь некоторые ведущие физики заявляют о том, что квантовая механика сама нуждается во введении принципа сознания в физику.

22. Она знала, что разум занимает фундаментальное положение в природе.

23. Она заявляла, что космос — это не «неограниченный вакуум» и не «обусловленная пустота», а и то и другое вместе. Теперь часть физиков подтверждает это.

24. Она, возможно, знала о так называемом «спине» субатомных частиц.

25. Она знала о существовании сознания у отдельных атомов. Некоторые интерпретации в экспериментальной физике подтверждают это.

26. Она знала, что вселенную можно рассматривать как сеть взаимозависимостей. Часть физиков разделяет этот взгляд.

27. Она знала о взаимосвязанности всего космоса. Так называемый EPR-эксперимент Эйнштейна и сходные с ним, в соответствии с недавней теорией Джона Белла, подтверждают это утверждение.

28. Она знала, что солнце находится не в состоянии горения, как полагали в ее время. Взгляды ученых той эпохи ныне кажутся нам наивными, но откуда она знала об этом?

29. Она знала о расширении космоса. В ее время не допускалась идея расширяющейся вселенной. Шокирующее открытие имеющего место расширения вселенной было сделано Эдвином Хабблом в 1929 г.

30. Она знала о сжатии космоса. Современные ученые, в частности, замечательный ученый Хоккин, придерживаются этой точки зрения.

31. Она утверждала, что космос проходит через повторяющиеся циклы расширения и сжатия. Стивен Хоккин и другие ученые думают так же.

32. Она знала о существовании ДНК — генетического передатчика наследственной информации, открытом Уотсоном и Хиксом только в этом столетии.

33. Она знала о трудностях в объяснении происхождения первой ДНК. Рассчитано, что ее случайное возникновение очень маловероятно.

34. Она знала принцип соединения генов.

35. Она знала, что для дарвинизма станут проблемой «пробелы» в хронологии геологического развития. Ныне эти проблемы включены в университетские курсы по эволюции. Но откуда она могла знать, какие открытия будут сделаны при изучении гор?

36. Факты неожиданных глобальных изменений климата, например, находка в зоне с холодным климатом замерзшего мамонта с непереваренными цветами лютика в желудке, не представляли проблем для Блаватской. Она утверждала, что в далеком прошлом происходили изменения оси вращения Земли.

37. Древнюю историю Земли она знала раньше, нежели о ней свидетельствовали геологи. Так как сейчас нет возможности писать о вопросе со всех сторон со множеством результатов и никоим образом не законченном, упомянем лишь недавнее открытие гигантской флоры и фауны в Австралии — зоне, ранее пользовавшейся вниманием.

38. Она утверждала, что у планеты существует свой собственный дух. (Как отважилась она высказать это в 1888 г.?) Ныне последователи Гайя-теории приводят свидетельства телеологической (целенаправленной) активности планеты Земля.

39. Признавая телеологическое поведение Земли, можно допустить существование сознания и разума у планеты. Признав, что Земля — существо без мозговой коры — обладает сознанием и разумом, допустив возможность какого-то вида сознания у атомов и растений, можно допустить его существование и у Солнца. Мы необычайно близки к доказательству приемлемости духовной иерархии, показанной Блаватской.

Нужно отдать должное Блаватской, ибо вышеуказанный перечень столь обширен. И в дальнейшем новые данные науки следует соотносить с данными ТД. Это будет свидетельством не временной полезности, а непреходящей значимости ТД.

Перевод Евгения Кондратьева

Эмблема Теософского Общества

Двойной треугольник есть символ макрокосма, вселенной, божественного проявления во времени и пространстве. Проявление Единого на физическом плане двойственно, это дух и материя, но они нераздельны в проявлении, — потому треугольники переплетаются. Треугольник, обращенный вершиной вверх, символизирует Огонь или Дух; треугольник же, обращенный вершиной вниз, означает Воду или Материю. Каждый треугольник имеет три стороны, — указание на его тройственную природу. Это — Существование, Познание, Блаженство; Деятельность, Знание, Воля; Творение, Сохранение, Освобождение (разрушение старых отживших форм). Таковы три аспекта огненного треугольника. А три аспекта Материи: движение, сопротивление и ритм (или гармония).

Сумма всех линий этой фигуры составляет 12 и символизирует 12 Великих Богов Халдеи и Персии, 12 знаков Зодиака, 12 месяцев солнечного года.

Внутри двойного треугольника заключен египетский крест или Тау (crux ansanta). Это символ Духа, нисшедшего в материю и распятого в ней и воскресшего во славе. Это крест жизни, крест Воскресения. В древнеегипетской символике Божество касается этим крестом уст мумии, когда для души настает время снова воплотиться на земле.

Свастика или огненный крест есть символ творческой энергии, строящей вселенную.

Змей, держащий в пасти свой хвост, есть древний символ Вечности, внутри которого создаются и распадаются миры, символ всеобщего закона спиральной цикличности бытия и неизменности его обновления.

Таким образом, эмблема Теософского Общества представляет собой символ макрокосма (Вселенной) и микрокосма (человека), его духовного мира.

Девиз «Нет Религии выше Истины», принятый Теософским Обществом по предложению Е. П. Блаватской, отражает главную тысячелетнюю идею Теософии — идею устремления к Единой Высшей Правде, лежащей в основе мирового бытия и управляющей им (в то время, как любая догматическая религиозная система есть лишь неполное и искаженное отражение этой правды). Происхождение этого девиза теряется в глубокой древности.

П. Н. Батюшков

Основы теософского синтеза

В глубине всякого познания, в глубине всех научных дисциплин, философских систем и всех религий лежит единая Истина.

Теософия стремится раскрыть и познать эту единую Истину в ее сущности. Для этого она ищет то единое мистическое зерно, которое лежит в основе всех религий. Во всех науках (позитивных и оккультных) она стремится найти тот же основной общий их корень, ту же божественную искру мировой и надмировой Истины. В отвлеченных мировоззрениях философии она стремится уловить все тот же отсвет божественного света; и, так как этот свет един, эта истина везде одна и та же, то теософия, в своем результате, является грандиозным синтезом философии, науки и религии.

Но Бого — и миро — познание лишь одна сторона теософии: подобно всякому другому знанию, она стремится к жизнетворчеству. Есть две великие жизнетворческие силы: этика и эстетика.

Теософия во всех религиях и во всех системах философий ищет обоснования для возможно более широкой этики, ибо как едина Истина, так же един и нравственный закон, лежащий в глубине каждой философии и каждой религиозной системы. В глубине каждого проявления искусства, в глубине каждого эстетического течения теософия ищет то бессмертное и единое зерно божественной Красоты, которая разлита по всему миру и проявляется и воплощается в каждом акте художественного творчества.

Но эстетику и этику теософия стремится связать с тем мистическим видением, которое лежит в глубине всякого творчества. Таким образом, теософия стремится к гигантскому синтезу всех сторон духовной культуры.

Материал для своих исканий теософия обретает в тех великих попытках синтеза, которые были сделаны в прошлом: наиболее близкая по духу к теософии попытка есть та священная мудрость древних тайных учений, которая, преломляясь в бесчисленном множестве философских и религиозных систем, затуманенная, искаженная, все — таки дошла до нашего времени, и бедные остатки ее собраны в том великом произведении, которое легло в основу современного теософского учения: в «Тайной Доктрине» Е. П. Блаватской.

Теософия зовет нас в тот светлый мир, где в чистой духовности сияет белая вечность, где в одном мистическом порыве все стороны духовной культуры, все стороны душ человеческих сливаются воедино с великой сущностью всего и с тем вечным «Я» мира, о котором так поэтично сказано у Бенедиктова:

> Не оно ль горит звездами
> И у Солнца из очей,
> С неба падает снопами
> Ослепительных лучей?
> Не оно ль в стихийном споре
> Плещет пламенем грозы,
> Отражая лик свой в море
> И в жемчужине слезы?

Екатерина Тимофеевская

«С небес на землю низводя Огонь...»

* * *

Рожденные любовью,
Энергии все и Силы — в Твоих руках, Владыка,
Дух, живущий в пламени Солнца. Твоим веленьем
Сблизились все планеты. Царственных Духов
Семья пред Тобой предстоит — Духу Земли в помощь,
Тяжко больной, ее судьбу решая.
Если бы люди знали, что взвешено на весах!

* * *

В треволнениях дня, пламенея любовью кипучей,
Тосковала ль душой о молчании снежных вершин,
Вознесенных
К беспредельности звездной?
— Завещая рассеять свой прах над алмазным венцом Гималаев.
Или жертвенник этот избрав, жизнь свою отдавая,
Ты сознанье людей устремляла к Обители Той
— За твердынями снега и льда —
— Под эгидою царственных звезд —
Охраняющей Путь Человека?

* * *

В кромешной тьме лишь сердцем позвала,
Лишь Имя задышало на губах
И вмиг исчезло все, что возбуждало страх
И сердце полно мира и тепла.
Всю ночь, всю ночь — сквозь дрему и сквозь сон
Светился в сердце Твой ласкающий огонь.

* * *

Отец наш был уже в преклонных летах,
имел заслуги, жизнь прожил не зря,
но быть посмел теософом. — За это
был осужден и сослан в лагеря.
А, бедствию народному причастна
«Господь терпел»... — мать повторяла часто
и, скорбь свою тая, всех слушала с участьем.
Дано свиданье. Едем. Зимний лес...
Мы в лагере. И самый воздух здесь,
как будто мглой мучительной подернут,
и будто замкнут горизонт окрест
могилами, под свежим дерном.

Почти что за полярным кругом,
где нет тепла и мерзнешь даже летом,
там гибнущим таджикам и узбекам
он был отцом — «ата!»... — врачом и другом.
Иссеченных страданьем, серых лиц
мельканье — и других, окаменелых
— жестокости неумолимый лик —
и скрип ремней на полушубках белых.
Штык за плечом, рука на кобуре
— ввели отца. Пар хлынул из дверей.
Мать бросилась к нему и стала вдруг юнее,

и он, старик — порхнул в объятья к ней...
И только счастье, только счастье встречи.
Стояла смерть на страже недалече —
счастливые, вы улыбались ей,
и в волосах жены всяк видеть мог
цветущий померанцевый венок.
— Я видела. Я с ними там была
в той камере. И плакать лишь могла
от гордости, от счастья и от горя.
Свиданья срок истек — и мы расстались вскоре.
На розвальнях поехали к вокзалу
мы с матерью... Я что-то ей сказала —
она сидела, обратясь лицом
туда, где мы навек, расстались с отцом
сияющим не отрываясь взглядом,
как будто он еще был с нами рядом.
А вышки, частокол с той проволокой колючей
ей были как мираж, среди пустынь горючих.
Лицо светилось. Я спросила с дрожью,
испуганно, дав волю течь слезам:
— На что ты смотришь? Что ты видишь? — Там
над лагерем — я вижу Матерь Божью.

Рерих видит планету Земля, несущуюся в огне бога Ярилы.

«Сердце требует песни о прекрасном.»
Н.Рерих

За всем вокруг увидеть смысл глубокий
незыблемых законов. Угадать
в безмолвьи то, что мыслью не объять,
что вне ума, — и выразить словами?
Из каждого мгновения извлечь
ему присущий терпкий аромат
поэзии? В искусство претворить
всю жизнь. И скудость чувств в восторг и вдохновенье.
— Высокое парение души?
Не то же ль говорит и Кришнамурти,
с небес на землю низводя огонь?
Я к этому стремлюсь. Но это — не легко.

* * *

Вот каково Твое жилище из огня,
из огненно-жемчужных гранул
нам отдающий жизнь свою и прану,
тепло и свет — Отец наш. Светоч дня!
— Бурнокипящий океан огня.
Вдруг отверзающий дымящиеся недра,
иль страстно устремляющий вовне
взлетающих на сотни тысяч километров
подобье огнеперистых ветвей
сквозь полыханье розовых смерчей.
Сквозь лепестки светящейся короны, —
И тотчас ветр, слетающий с небес,
в полярной мгле, у нас или в ночи над Роной
над кровлею Фламариона
колышет складки огненных завес.

Господь видимый

Ветер — гривастый конь
туч разметал дым;
и Ты стал видимым,
все обратив в огонь.

* * *

Душа раскроет венчик свой
Навстречу синеве бездонной,
Фиалковой, и Лик склоненный
Любви — увидит над собой.

* * *

Есть мужество — с веселием принять
Всю необъятную громаду Жизни,
Из света в свет, сквозь мрак и смерть неся
Любимых в сердце — счет им умножая,
Пока оно Вселенной не вместит.

* * *

Прислушайся: — плывет издалека,
Почти неуловимое звучанье
Струн, сопряженных с волею смычка,
И полнит скорбью и очарованьем,
— Тем чувством...
Но ему я не ищу названья.
Неизъяснимое не знает слов.
Вот я сижу, прикрыв глаза рукою
Охваченная тайной тишиною
Молитвою беззвучных голосов.
Какое чувство расширяет грудь
Стремленьем, скорбью и очарованьем?
Я не ищу, я не хочу названья
Но вечно помнить буду, иль — умру...
— О, солнца луч из мира нам родного!
Певучий звук...Таинственное слово...

Андрей Балу

Князь Владимир Одоевский

А все началось с того, что однажды весной мне приснился довольно любопытный сон. Будто шел я по набережной Невы морозным, зимним утром. С неба сыпались маленькие сверкающие снежинки и сквозь легкую пелену тумана бледным пятном светило замерзающее солнце. Исаакиевский собор казался совершенно плоским, вырезанным из бумаги и наклееным на розовый фон декораций. Город в снежном наряде сугробов словно одел пышный, густо напудренный парик, из под которого сдержанные физиономии домов, стройные золотые шпили, пузатые купола храмов выглядели игрушечными и очень уютными. Вероятно, был XIX век, так как по улицам лихо мчались сани, запряженные норовистыми рысаками, а мимо меня важно шествовали люди в длинных шубах старинного покроя, в цилиндрах и чепчиках. Я ничему не удивлялся и бодро шагал по направлению к Дворцовому мосту, как вдруг двое господ, попавшихся мне навстречу, остановились и, приподняв шляпы, радостно приветствовали меня. Один, заглядывая в лицо, указал мне на своего спутника: «Ты знаком ли? Князь Владимир Федорович Одоевский».

Тот, смеясь, обнял меня: «Да мы же старинные приятели, Алексей Алексеевич». И я тут же вспомнил его. Что же касается первого господина, то это был никто иной, как Перовский, автор прелестной сказки о Черной курице и подземных жителях. Итак, мы двинулись дальше уже вместе, держась за руки и весело беседуя.

На этом сон прервался. Помню, я старательно пытался снова заснуть, чтобы узнать, что же случилось дальше, но безуспешно. На душе было легко и радостно, как после действительной встречи с близкими людьми, однако имя Владимира Федоровича звучало для меня внове. Об Александре Одоевском — поэте и декабристе — я слышал достаточно много, но кто же этот приснившийся князь? Порывшись в библиотеке, я немедленно наткнулся на сведения о нем. Да, это была весьма замечательная личность. Таланты его обнаружились во многом. Он первым в России, стал популяризировать произведения Баха, оказал большое влияние на Верстовского, Глинку. В «Иване Сусанине» есть немалая толика трудов князя. В свое время его философские работы, занятия по естествознанию, изобретение новых музыкальных инструментов создали ему славу и уважение не только на родине, но и за рубежом. Он был и ученым, и музыкантом и предсказателем, но меня больше всего привлекли его литературные увлечения, а также образ самого князя, полный загадочности и обаяния. Одоевского называли русским Гофманом. Он написал чудесную книгу под первоначальным названием «Петербургские ночи». Она вызвала восторги у Пушкина и Грибоедова. В

ней проявилась вся причудливая душа сказочника, полного странных фантазий и детской мудрости. Жизнь Владимира Федоровича, словно устье реки, разбивалась на множество рукавов, и трудно заключить, который из них считать главным. В обществе никак не могли привыкнуть к его вечно меняющемуся облику — новым идеям, манерам, выражениям. У себя дома князь устроил алхимическую лабораторию, носил одежды звездочета, держал громадного черного кота, прозванного Мурром в честь своего знаменитого немецкого тезки.

Экстравагантность князя не знала границ, и даже самые близкие друзья никак не могли сойтись в общем мнении о нем. Хотя, пожалуй, многие подчеркивали одну определяющую его характер черту — он обладал удивительной детской способностью к игре. Свои сказки он не выдумывал, а разыгрывал. Внутренне перевоплотив себя в того или иного героя, а зачастую надев на себя и соответственный наряд, князь отправлялся бродить по ночному Петербургу, ожидая приключений и непременно находя их. И, конечно, нередко он сетовал, что мало кто соглашается составить ему компанию. Я прочел одно из его писем, где как раз выражены эти настроения: «На маскарадах люди остаются самими собой. Это ужасно грустно. Я со своими романтическими фантазиями чувствую себя так одиноко, и лица, живущие в душе моей, медленно умирают, не находя ни понимания, ни сочувствия». И Одоевский строил свои миры сам. Отзвуки их можно найти в сказках, но не всякому дано прочесть их.

Так вот, все эти сведения о князе, с которым я познакомился во сне, невероятно взбудоражили меня. Я решил продолжать свои поиски и в первую очередь найти его дом. Теперь в городе столько новых названий, что прежние давно и накрепко забыты, а в справочниках царит довольно частая путаница. Я уже знал, что Одоевский жил в доме на Машковом переулке, недалеко от последней квартиры Пушкина. Туда я и направился, предварительно закутавшись в таинственное настроение и спрятав себя от дождя и взглядов под солидным зонтом. Перулок конечно был переименован, но мне сразу повезло. Ах, какие хвалебные гимны сложить старичкам и старушкам, незаметно бредущим среди темных улиц и несущих в своей голове целые сокровища, на первый взгляд, ненужных воспоминаний. Как связки старых ключей, которым трудно определить назначение, они вызывают восторг своими затейливыми бородками и формой, заставляют представлять изящные резные шкатулки или малые забытые комнаты с полукруглыми окнами и видом на канал. И странная грусть ложится на сердце. Все прошло, милостивые государи. Все прошло. Не зазвучит во дворе трогательный голос шарманки, не процокают копыта коней, не увидите Вы больше кареты в которой можно возвращаться с бала или ехать на дуэль. И уже, конечно, не качнутся на Неве высокие мачты парусных кораблей под внезапным порывом ветра. Впрочем, в белые ночи все возвращается... и становится, как сто лет назад. Сухонькая старушка посмотрела на меня прищурившись, когда я спросил ее о Машковом переулке: «Да Вы на нем и находитесь, молодой человек». Звучное, но бесконечно глупое название было прицеплено к скромной, узкой улочке, выходящей на Неву. «А что Вы ищете?» — продолжала моя благодетельница. Я, несколько разочарованный слишком легкими поисками, сообщил о князе Одоевском. «Это на углу Миллионной», — быстро последовал ответ. «Дом Ланской, весь зелененький, видите?» — и она протянула руку. Я закивал головой и кинулся в указанном направлении, словно меня ждал ужин и любезный хозяин, которого я заставлял беспокоиться своим отсутствием.

О доме князя я много читал.На втором этаже находилась гостиная, на

третьем он занимался искусством и науками. Окна были освещены. Длинные вьющиеся растения проглядывали сквозь стекла. Я остановился и задумался. Тихие звуки рояля донеслись до моих ушей. Шум дождя, барабанившего по крышам и моему зонту, вторил мелодии, и сердце мое сладко заныло. Воображению представились карнавальные костюмы, танцующие пары, веселые голоса гостей, старые картины с романтическими пейзажами. Легкие шаги послышались рядом со мной, и нежный аромат цветов коснулся ноздрей. Я очнулся. Мимо проскользнула тоненькая фигурка девушки с букетом сирени в руках. Я не успел разглядеть ее, как она скрылась в парадной. На Петропавловской крепости пробили часы. Пора домой. Вечер щедро одарил меня чем смог. Возвращаясь, я размышлял о своей жизни. О какого бы преданного друга нашел во мне князь. Ведь я также пылал любовью к сказкам. Было время, когда я бродил по старым парадным, играл там на свирели и ожидал всяческих чудес. Но они, к сожалению, случались со мной чаще в голове, чем на самом деле. И вот меня охватывало чувство ужаснейшего одиночества. Друзья мои давно обзавелись семьями, и если я вторгался в их уют, то испытывал неловкость. Чем дальше, тем больше люди обрастают заботами, делами, и время с каждым годом убыстряет свой бег, а я словно застыл в каком-то неопределенном положении, окруженный своей ленью и фантазиями. По горло занятый век оставил меня за бортом, и никому не было до этого дела.

И вот мне пришло в голову написать письмо, адресовав его князю. Не смейтесь моему сумасбродству. Дом на Машковом переулке вселил в меня самые невозможные грезы. Стараясь следовать старинной манере изъясняться, я взялся за перо.

«Милостивый государь, Владимир Федорович! Давеча Вы приснились мне и признали своим другом. Пользуясь этим обстоятельством, я взял на себя смелость обратиться к Вам. Видите ли, моя любовь к сказкам и всяческим фантазиям увела меня от общества людей нашего реального и трезвого до тошноты века. Одиночество заставляет меня искать дружеского участия, коего я не нахожу среди окружающих. Зная некоторые обстоятельства Вашей жизни, я позволил себе предположить, что Вам также случалось испытывать горечь от отсутствия понимающих Вас людей. Сердце мое жаждет живого, непосредственного общения, на коем могли бы рождаться и строиться мои мечты и грезы. Лучшего друга, чем Вы, я не могу и представить. А посему прошу Вас, протянуть мне руку так же как это было во сне. В заключение, умоляю Вас, не гневаться на это послание размечтавшегося юноши. Моя любовь к Вам и обожание дают мне надежду, что Вы откликнетесь, хотя нас и разделяют сто лет. Для сказок не существует времени. Прощайте. Я буду ждать. Ваш старинный приятель».

«Любопытно, что из этого выйдет», — подумал я, опуская письмо в почтовый ящик. Образ князя, пока я писал, представился мне так отчетливо, что я на одно мгновение совершенно уверился в его теперешнем существовании. И вот, можете себе вообразить, мой восторг, когда именно после дождичка, в четверг я получил ответ. На тонкой надушенной бумаге с настоящей гербовой печатью и инициалами Одоевского.

«Милый приятель! Я рад твоему письму и благодарен тебе за изъявление столь искренних чувств, коих ничем не заслужил. Обстоятельства не дают возможности указать тебе дорогу ко мне. Но приходи к дому и, Бог даст, твоя звезда позволит нам свидеться. С любовью обнимаю тебя. Князь В. Одоевский».

Как я не был потрясен, но темная задняя мыслишка, что меня дурачат, напомнила о себе. «Э..., если это и шутка, так прекрасная. Сам же я мечтал

об игре», — подумал я и в этот же вечер опять явился на Машков переулок. Наверное с месяц я ежевечерне околачивался у подъезда зеленого дома, вызывая подозрительные взгляды дворника и смутную неприязнь жильцов. Ничего необыкновенного не случалось. Только еще раза три я видел девушку с цветами, входившую в парадную. Завязать с ней знакомство я как—то не решался. У меня была одна цель — Одоевский, и я боялся, что любое незначительное обстоятельство может мне помешать. Однако время шло, и мой пыл заметно остывал. Снова писать письмо не хотелось, и я уже собрался переменить свои занятия. Как вдруг, зайдя однажды во двор дома, я обратил внимание на маленькую дверцу, ведущую в подвал. Раньше я ее не замечал. Теперь же рискнул даже потрогать большой замок, висевший на ней. К моему удивлению, он легко раскрылся. Не давая себе времени на обдумывание, я шагнул по темной лесенке вниз. Какие—то старые кресла, столы, дрова попадались мне под ноги, пока я не нащупал еще одну дверь. За ней оказался совсем узкий проход, упиравшийся в стену. Сквозь узкую щель пробивался свет. Пылинки танцевали в его луче, освещая ступени. Набравшись храбрости, я постучался. Али — Баба наверно трепетал не больше меня, когда послышалось ржавое скрипенье, стена, оказавшаяся третьей дверью, растворилась передо мной. В небольшой комнате, тесно заставленной книгами, шкафами, музы—кальными инструментами за мольбертом сидел молодой человек в черном сюртуке с кистью в руках. У него были белокурые вьющиеся волосы, тонкие благородные черты лица, невероятно белая кожа и до бесконечности задумчивые глаза. Он поднялся мне навстречу, с улыбкой приглашая меня войти:«Я знал, что Вы придете». Серебрянная звезда на его груди привлекла мое внимание своим странным, мерцающим сиянием, и мысли одна за другой вихрем пронеслись в моей голове:«Куда я попал? Откуда меня знают? Что за дикая мистификация?». Наконец губы мои выдавили жалкую фразу: «Кто Вы?» — «Князь Одоевский».

«Или я сумасшедший или он», — подумал я. Лицо молодого человека погрустнело, верно, мои колебания слишком отчетливо отразились на мне.

«Если бы Вы были стары, — сказал он, — то наверно больше поверили мне, найдя перемены в своем облике».

Я не понял его слов, но мне вдруг стало стыдно. Обрубая последние нити, связывающие меня с реальностью, я подошел к нему и взял его за руку: «Простите меня, князь. Я верю всему с того часа, как увидел свой сон, но, признаюсь, представлял Вас совсем иным».

«В древних годах и лысине?» — засмеялся он.

«Да».

«Садитесь, я все расскажу Вам. Уже одно письмо Ваше дает право на все тайны, не говоря о любви к сказкам».

Он сел напротив меня и на мгновение задумался. Все—таки какое необыкновенное лицо, величавые манеры, сдержанные жесты, свиде—тельствующие о мощи ума и сердца! Комната освещалась неровным огнем канделябров, воздух дрожал и переливался, создавая особую атмосферу, насыщенную до предела неведомыми мне чувствами и фантазиями. И вот, что я услышал.

«Не знаю, насколько Вы знакомы с магическими науками, не знаю также, сколь серьезно верите в существование тайных сил и законов, играющих в жизни ту роль, которую мы по своему невежеству склонны приписывать себе. Однако, предполагая в Вас характер мечтательный и не чуждый духовности, думаю, что Вы должны были соприкасаться с миром сокровенным, в свете которого все существующее находится в гармонии, а противоречия — только несовершенство нашего ума. Так вот, знайте, что с

юношеских лет я очень сильно увлекался оккультными науками и хотя моя внешняя жизнь проявлялась в совсем иных формах, но внутренняя, скрытая ото всех, вела меня по своим дорогам, где я делал открытия, несравнимые по своему размаху. Вам покажется невероятной, как впрочем до сих пор предстает и моему рассудку, та вершина, коей я достиг. Не предполагайте во мне Фауста, именем которого меня в свое время прозывали. Я не заключал сделки с чертом, я не провел век за изучением потемневших, старинных фолиантов, но тем не менее я нашел способ победить смерть. Свидетельством этому служит моя жизнь и мой вид, хотя с момента моей мнимой гибели прошло сто лет.

Открою Вам тайну, что только одно чувство, которому я предался всей душой привело меня к порогу, о коем так мечтали и мечтают тысячи ученых и философов всего мира. Вы догадываетесь, что я имею в виду Любовь. Еще в вечных книгах звучит такая простая истина — «Бог есть Любовь». Но видимо сознание ее приходит вместе с осуществлением. Я сумел воплотить в себе Любовь и она сделала меня Богом. Смерть отступила передо мной. Теперь выслушайте мою историю без предвзятых мнений. События жизни моей предстанут перед Вами безо всяких доказательств и рассуждений. Доверяюсь Вашему сердцу друга. Итак, я пришел в мир, наделенный необычайно страстной натурой, о которой даже родители мои ничего не подозревали. Но то, что не видели обычные люди, не могло пройти мимо глаз посвященных. В нашу семью был вхож один вельможа, оказавшийся магистром тайного масонского ордена, изучавшего оккультные науки и черную магию. Я до сих пор помню минуту, когда он подозвал меня к себе и сказал: «Ты обладаешь могучими силами, мальчик. Натура твоя подобна неизвергнувшемуся вулкану. Ты можешь достигнуть любой цели в жизни, которую поставишь перед собой, но если ты не сумеешь справиться с собой, берегись. Твои чувства разорвут тебя на части и не будет на свете человека несчастнее тебя».

Я не испытал страха перед его словами — тем более, что смысл в то время не дошел до меня, но память моя сохранила их навечно. Не стану долго говорить о том, как судьба сделала этого человека сначала моим наставником, а затем смертельным врагом. Двадцати лет от роду я встретил прелестнейшее существо, которому без раздумий отдал свое сердце. Это была графиня Елена Р. Увы, она оказалась предметом страсти также и моего учителя, которому предназначалась в жены. Любовь моя, встретив препятствие, возросла до ослепления. Я знал, что графиня любит меня и решил добиться ее любой ценой. С этого момента началась моя борьба с масонскими братьями, которые, естественно, подчинялись магистру. Напрасно я получал предостережения, напрасно моя возлюбленная умоляла меня тайно бежать из России. Мне были противны уловки, я не признавал законов, которые шли против Любви. К тому времени я обладал кое-какими достижениями в тайной науке, но они возросли вдвое, когда я присоединил к ним свое пылавшее сердце. Мне подсыпали в пищу отраву, я отсылал ее обратно покусителям, убийцы пробирались в мою спальню, но не находили меня, хотя я оставался в своей постели. Мой дом пытались поджечь, но огонь опалял самих наемников. Наконец, я был вызван на дуэль. Не представляйте себе обычного поединка, где речь шла только об удаче или ловкости. Мой противник не даром был магистром масонов. Над его шпагой произнесли не одно заклинание, и если бы секунданты обладали ясновидением, то узрели бы целую толпу духов, сражавшихся вместе с ним. Тем не менее я победил. Не буду говорить, что ученик оказался способнее учителя. На моей стороне была Любовь и те пробужденные силы, которые он когда-то предполагал

во мне.

После дуэли тяжело раненый магистр исчез. Казалось, что теперь никто не помешает моему счастью. Но тут — то и случилось самое страшное. Победа опьянила меня, и я забыл об осторожности. Неверно истолковав звездные знаки, я отсрочил венчание, но день нашего соединения перенести не удалось. Гости были извещены, обстоятельства сомкнулись, и мы устроили праздник, не имея на то, по общему мнению, права. Несчастье не промедлило, и пышная свадьба закончилась трагично. На утро после веселья моя невеста исчезла. Вместе с ней пропали все вещи, которые могли бы мне напомнить о ней. Ни одного портрета, ни одного платья, ленты, ни одного следа. Знания и силы мои наткнулись на глухую стену и как я ни искал — все было напрасно».

Он замолчал и печально поник головой. Одна из свечей в канделябре потухла и синеватый дымок тонкой змейкой скользнул к его волосам. Затем снова раздался его глуховатый голос:

«Вы, конечно, читали Пушкинского «Руслана и Людмилу», в основе этой поэмы лежит моя история, но счастливый конец, предреченный моим другом, еще далек или совсем уже невозможен. Однако полно об этом. С того страшного дня я совершенно переменился. Все мои помыслы, чувства, стремления были направлены к Елене. Я жил и дышал одной Любовью к ней Порой мне казалось, что будь она рядом, моя страсть не разгоралась бы до такого безумного пламени. Но чтобы достичь моей возлюбленной, нужна была работа, новые знания и достижения. Подозревая опасность, которой мне угрожали мои враги, я спрятал свои чувства и стал вести жизнь, мало чем отличающуюся от жизни других. Более того, опасаясь за жизнь Елены, я даже заключил фиктивный брак. И никто не догадывался, что мои увлечения литературой, музыкой, науками были всего лишь искрами, вылетающими из вулкана, кипевшего во мне. Дух мой возрастал и давал мне возможности достигать успехов за что бы я ни взялся. Однако годы уходили, а Елены со мной так и не было. Я мучился мыслью, что она уже постарела и красота ее вянет. О как я мечтал, чтобы увидеть ее в прежнем блеске нашей молодости и любви. И тогда я вступил в борьбу со временем, поклявшись сделать Елене подарок, который не получала ни одна женщина в мире. Я собирался вернуть ей юность. И пришла минута божественного вдохновения, когда я достиг своей цели. Я испытал величайшее счастье на свете, не предвидя, что оно же обречет меня на страшные муки.

Взгляните окрест себя, мой друг, комната, в которой Вы находитесь не подвластна смерти и наделена способностью возвращать молодость. Вон тем цветам, свежесть которых свидетельствует их аромат, больше сотни лет, а мне 165. Сила моего духа подчинила материю и каждый входящий сюда вновь обретает свою молодость и к тому же становится бессмертным.

Но не спешите восхищаться. За порогом человек вновь теряет волшебные дары комнаты, и законы мира обретают власть над ним. Оцените, как мало пространства определил я себе для жизни в целое столетие. Я стал узником собственного творения. Один мой шаг за дверь — и я рассыплюсь прахом.

Но не буду отвлекаться от повествования. После моего открытия я удвоил старания найти Елену, но это не привело ни к чему. В отчаяньи, желая забыться, я вводил в комнату старых красавиц, которым возвращалась молодость. Увы, тогда же я понял еще более, что тело только одежда души. Вы, верно, вместе со мной испытали бы жалость и разочарование, видя, как красота, вернувшаяся к состарившейся душе, кажется нелепым, шутовским нарядом. Забвение не являлось ко мне, и моя любовь к Елене не остыла. Ведь я — то знал, как не кто иной, что ее душа в самом дряхлом теле сохранит свою

юность.

Теперь я поведаю Вам, какие мытарства мне посылались. Я их называю таким словом, но равно мог бы сказать о минутах бесконечного счастья, приходивших ко мне. Раз в году в период белых ночей я получал записки от неизвестных лиц. С меня брали клятву не предпринимать никаких шагов, обещая свидания с той, кто мне был дороже жизни. В условленном месте я садился в карету, увозившую меня в какой–либо дом. В темной комнате у зарешеченого окна, за которым висела тяжелая портьера, я рассказывал свои истории, не зная наверняка слушает ли меня хоть кто–нибудь. Тем не менее, Любовь вселяла в меня безумную надежду, что это Елена внимает моему голосу. После стольких слез и страданий я испытывал величайшее блаженство от наших немых встреч. И оно увеличивалось многократно, когда я думал, что моя возлюбленная жива и стремится ко мне так же, как и я, подвергая себя опасностям. Но вот пришел час, когда я, наконец, должен был сделать выбор. Мне исполнилось 65 лет и я предчувствовал, что дни мои сочтены. От моих тайных адресатов давно уже не было известий, и я не знал, жива ли еще Елена. Однако и среди миллионов душ, ушедших с земли, я решил отыскать ее и быть с ней. Я знал заклинания и чары, но мне было необходимо запечатлеть ее лицо на портрете таким, каким оно явилось моим глазам в день свадьбы. Через него я надеялся вновь связать цепь, разорванную масонами.

В день, который считают датой моей смерти, я спустился в эту комнату, оставив вместо себя восковой муляж, торжественно погребенный на кладбище. Как видите, молодость моего тела вернулась ко мне, и смерть не посмела последовать за мною. Я взял краски и обратился к холсту. Но то, что я считал легким, оказалось делом невероятной трудности. Вот уже столетие по крупицам я собираю черты лица моей возлюбленной. Взгляните на портрет. Это лицо Елены, но я никак не могу передать выражение ее глаз. Оно было неуловимо еще в те времена. Живость и изменчивость души светилась в ее взоре. И вот у моего творения нет глаз и нет души. О, сколько пройдет еще лет, прежде чем я закончу свою работу и смогу последовать за своей любовью!»

«И Вы с тех пор находитесь здесь совершенно один?» — спросил я князя.

«Нет. Близкие мне друзья, посвященные в мою тайну, навещали меня. Некоторые из них, страшась смерти, пытались остаться со мной, но вскоре переступали роковой порог. Смерть не так ужасна, как бессрочное заклю–чение. Жизнь вечно требует движения, и смерть дает его.»

«Но неужели Вы бессильны что–нибудь придумать, чтобы выйти хоть на мгновение наверх, взглянуть на солнце. Может оно указало Вам способ изобразить глаза Вашей возлюбленной.»

Молодой человек схватил меня за руку и сжал ее:

«О, Вы правы! Среди постоянного мрака я забыл цвет солнечных лучей. А ведь при них глаза Елены становились бесконечно прекрасными и глубокими! Но... это невозможно.»

«Почему?» — воскликнул я. Он грустно рассмеялся:

«Время стоит времени и за прошлое нужно платить десятикратно будущим. Готовы ли Вы, например, пожертвовать годом своей жизни ради одного часа моей?»

«Да», — отвечал я не колеблясь.

«А знаете ли Вы сроки, отпущенные Вам судьбой? Может быть, совершив обмен, уже сейчас за порогом Вы встретите свою смерть?» Холод побежал по моим жилам, охваченный внезапным порывом, я решил разрушить безумие, которое захватило меня, заставляя верить всей фантастике или же

рискнуть своей жизнью ради князя.

«Я готов.»

Он задрожал, как будто справляясь с неведомой тяжестью; — слезы сверкнули, отразив пламя свечей, — затем быстро подошел ко мне и прижал свой лоб к моему. Я услышал странное бормотание и неожиданный стук маятника. В углу комнаты старинные часы, неподвижно замершие на целый век, вдруг сами пошли. Тусклый блеск циферблата словно подмигивал, и я не мог оторваться от него.

«Все! Дело сделано. Идемте». Мы медленно выбрались наверх. Я с облегчением перевел дух и огляделся. Реальность возвратилась ко мне. На набережной и в переулке было пустынно. Заходящее солнце играло на шпиле Петропавловки. Мой спутник, прислонясь спиной к дому, не обращая внимания ни на что вокруг, смотрел только на красный диск медленно скрывающийся в тучах. Казалось, что прошло всего несколько минут. Позади нас послышались звуки торопливых шагов. Мы оба обернулись. Девушка с букетом цветов возвращалась домой. Мой таинственный приятель вдруг побледнел и протянул руки ей навстречу. Но она уже заходила в парадную. Дверь со стуком захлопнулась и в ответ на башне стали бить часы. Мгновенно ко мне вернулось сознание всего происходящего. Я схватил князя за руку и потащил его обратно в подвал:

«Время! Время! Вы сейчас погибнете.» Да, час истек, но мы успели вернуться. Черты юноши страшно изменились, губы беззвучно шевелились, беспомощная улыбка то появлялась, то исчезала с его лица.

«Это она, она», — шептал он. Схватив кисти, он бросился к портрету и стал лихорадочно работать над ним. Я ждал, чувствуя себя на грани сумасшествия. Наконец он встал и, поцеловав портрет, протянул его мне. Голос его звучал тихо и спокойно.

«Я видел ее. Теперь никто не разлучит нас. Портрет закончен. Возьмите его себе и уходите. Моя благодарность и любовь останутся с Вами навсегда. А теперь прощайте. Мне пора».

Я хотел что–то сказать, но не мог преодолеть рыданий. Он обнял меня и затем потушил свечи. Очнулся я от легкого прикосновения к плечу. Я находился у парадной, передо мной стояла та самая девушка, которую мы встретили.

«Вам плохо?» — тревожно спросила она. Я сделал шаг в сторону и заглянул во двор. На дверях подвала висел тяжелый замок. Я перевел взгляд на мою незнакомку, затем на портрет. На нем было чудеснейшее изображение ее лица. Я протянул его ей и она улыбнулась.

«Вы Елена Р.?» — «Нет. Одоевская». В тот же миг я увидел, что глаза ее были невероятно похожи на глаза князя.

«Надеюсь, Вы не будете утверждать, что Вам больше ста лет?»

«Конечно нет, хотя я очень похожа на свою прабабушку, в честь которой меня и прозвали. Однако откуда у Вас взялся ее портрет?»

«Погодите, ответьте прежде, отчего Вы носите фамилию Одоевского?»

«В ту ночь, когда графиня Р. была похищена, она ушла не одна».

Мои сомнения еще не рассеялись полностью:

«Скажите последнее, почему глаза Одоевского и Вашей прабабушки были так похожи?»

«Спросите это у Любви. Они отражали друг друга».

Э. Иннес

Океан Бытия

оккультная сказка

Я сидел на морском берегу и всматривался в океан, в необъятное, волнующее пространство, и, по мере того, как я наблюдал его великое движение, как волна за волной бросались на берег, разбиваясь в брызги, я почувствовал свое существо приливающим и отливающим вместе с морским приливом и отливом, я почувствовал себя струящимся с каждой набегающей волной. С каждым прибоем я был отбрасываем на дно своего собственного существования, а затем я отступал назад в великий океан жизни. Я оставил мое тело на морском берегу, чтобы следовать за убегающим отливом, и когда я погружался в великий океан материи, я чувствовал себя спускающимся в глубины моей собственной внутренней природы. И я плавал там подобно маленькой рыбке, плавал в океане живого вещества, минуя морских чудовищ; некоторые из них съедали меня, но я все же был жив, я свободно проходил через их тела. Но я жаждал безусловной свободы; во мне трепетало и меня притягивала жизнь единого и великого океана, и мне дела не было до чудовищ глубины; я искал корня бытия властелина океана, источника его жизни. Отлив ослабевал, и когда он сменялся приливом, я чувствовал как жизнь внутри меня вздымалась и прибывала; кровь, переливающаяся в моих жилах казалась меняла свое направление с каждым новым движением водяной громады, и в то же время перемещалось все мое понимание вещей.

С убывающим отливом я был увлечен в глубины океана, и когда меня втянуло в его бездну, я проносился мимо всех чудовищ глубины. Теперь же, с пребывающим отливом, я знал, что возвращаюсь туда, откуда исшел; но куда же девались чудовища глубины? Их более не было, и я уже не проносился через их тела, я поднимался вместе с великой приливающей волной жизни, и я знал, что увеличиваюсь расту и прибывают во мне силы.

Я наблюдал теперь не материю, а жизнь, зыбящуюся вокруг меня, и когда я волною катился обратно к берегам, я заметил странное зрелище. В воде не было более живых существ; но я видел, как все тело океана пронизывалось лучами света, словно просверленное нитями ослепительно золотого сияния — сверкающая сетчатая ткань из света вверху, внизу и вокруг меня. С этим сошествием света вещество океана изменилось; оно перестало быть веществом, оно стало океаном дыхания. Я вздохнул: теперь океан был моим дыханием, светозарная сеть была моим телом, сквозь которое ритмически пульсировала моя собственная жизнь, и теперь мое тело, сотканное из световых лучей, обнимало весь океан, волны которого из водяных превратились в воздушные. С возвратом прилива вся природа моего

существования изменилась: я уже перестал существовать среди океана материи, я жил в лучах света, танцующих на поверхности воздушного океана, и везде, где световые лучи скрещивались, я видел, словно драгоценный камень ярко вспыхивал и сверкание его отражалось в моем маленьком теле, распростертом на побережье. С возвратом прилива я почувствовал, как все многочисленные существа океана слились в одно, и это одно большое существо был я сам.

* * *

День приближался к концу, Солнце быстро спускалось к горизонту; я шел на запад по полям, глядя на небеса, загоревшиеся пылающими оттенками заката. Когда солнце совсем исчезло за горизонтом, я спустился на землю и силы начали покидать меня. Вместе с исчезновением Солнца — дыхание как бы покинуло мое тело. Это был не обморок, я только перестал дышать и сделался совершенно пассивным. Но одновременно с прекращением дыхания, странная деятельность возникла внутри моего тела. Я почувствовал, как все влажные элементы внутри меня собрались вместе и образовали внутри меня как бы оболочку из паров. Я ощущал нежное и тонкое расцветание как – бы цветов персика на коже, которая, казалось, облекала меня. Я взглянул на луга и увидел, как осенний туман поднимался над ними; я чувствовал, как он поднимался, но чувствовал это по новому, как никогда раньше. Я знал теперь, что испытывает земля, когда заходит Солнце, извлекая из нее все элементы влаги, ибо я пережил это сам; я испытывал, как душа моя выходила из меня, извлекаемая заходящим Солнцем, чтобы свободно носиться вокруг меня, и ощущение это было восхитительно. Я не чувствовал более границ своего тела. Не было более тех определенных очертаний, которые облекали мое тело, когда Солнце оставалось на небесах. Казалось, появился новый элемент, промежуточный между землею и воздухом, и внутри меня возникла новая природа, промежуточная между веществом и дыханием.

Но я все же продолжал жить, хотя дыхание и прекратилось во мне, и элементы моего тела сохраняли взаимную связь каким – то другим способом. Как только это пресуществление произошло, слабость покинула меня, и я встал и направился домой; но по мере того, как я ступал по земле, какие новые удивительные ощущения испытывал я! Новая способность проник – новения родилась во мне, и даже не во мне, а внутри моих ног... Совершенно так же, как поднимая глаза к небесам, видишь каждый раз все светила снова, и при каждом прикосновении моих ног к земле во мне рождалась новая способность познавания. Я видел внутри земли, и каждый след, оставленный мною, превращался в живое воспоминание. Я оглянулся и, по мере того, как я смотрел на свои собственные следы, они вызывали во мне ряд впечатлений от скрытой природы земли. Казалось, что я получил возможность видеть ступнями внутри земли, и я увидал там столько же драгоценных камней, сколько звезд на небесах. Снова и снова наступал я ногами на росистую землю и каждый раз испытывал новый толчок, подобный тому, когда неожиданно сталкиваешься с предметом, которого раньше не замечал.

Много нового раскрывается в течение эволюции, но мог ли я развить в один миг, в момент заката, новый орган зрения в подошвах моих ног? Я снова сел, чтобы рассмотреть свои ноги, и к великому моему удивлению увидел в

них нечто, чего раньше на них не было. Там, на подошвах обеих ног, виднелся словно отпечатанный большой круг с клинообразными спицами внутри. Это было как—бы отражение могучего пламенного светила, которое, перед исчезновением за горизонт оставило свой отпечаток на подошвах моих ног. Я начал их тереть, в надежде не исчезнет ли сних эта странная печать, но знак оставался неизгладимым. Мои ного пылали; мало того, они светились красноватым светом. Я продолжал идти, пока они не заныли от разнообразных новых впечатлений. Круг на подошвах обеих ног испытывал все большее и большее утомление, подобно глазам, когда они устают от слишком долгого разглядывания интересных предметов. Что мне было делать? Я должен был вернуться домой до наступления темноты, а сумерки уже надвигались на меня. Я начал ступать не подошвами, а краями моих ступней, и немедленно новая способность восприятия покинула меня. Я побежал на кончиках ног — новой силы как не бывало. Затем я опять наступал всей ступней и опять видел насквозь, что творится в недрах земли. Что же я видел? Прежде всего я заметил, что земля была вся в огне: после заката Солнца, когда оно извлекло все влажные элементы из земли, она казалось разрывалась внутри на множество живых пламеней. Я увидел мириады маленьких огоньков и каждый из них давал жизнь крошечному шару, помощью своего света и тепла, и мировое вещество казалось разделившимся, но без всякого отчуж—дения частиц. И новый закон, новый порядок, казалось, управлял их деятельностями. Произошел как бы поворот, изменилось самое направление их огненной жизни; сила перестала стремиться к поверхности; она устремилась теперь к центру. И земля уже не горела влечением к великому огненному светилу, существующему вне ее; теперь внутри ее возникло множество крошечных пылающих светил и каждое из них управляло своей собственной маленькой сферой. В тот момент был отлив внутренней жизни земли и благодаря этому душа земли могла на время освободиться, так же, как и моя душа смогла ускользнуть из моего тела благодаря смене жизненного прилива на отлив.

Дома я опять передумывал мои странные переживания и снова осмотрел ступни моих ног; отпечаток солнечного круга исчез, но центральная точка исчезнувшего колеса продолжала быть крайне чувствительной при прикос—новении. Было такое же чувство, как если бы я дотрагивался до своих глаз, прикрытых веками. Нечто тонко чувствующее осталось там.

Мои мысли обратились снова к этим приливам и отливам, к этим удивительным деятельностям природы, к проявлениям элементов, которые возобновляются из года в год, из столетия в столетие через необозримую вечность. С каких пор поднимается Солнце на востоке и заходит на западе? С каких пор земные тела рождаются и увядают? С каких пор воздух служит дыханием для этих тел? С тех пор, как возник рост, возникло и время.

На другое утро, когда я сидел на морском берегу и следил за начавшимся отливом, я снова почувствовал, как тесно соединены эти жизнедеятельности океана с моим собственным телом. Я знал, что именно благодаря им я буду в состоянии возродиться в великом моем Теле. Не удастся ли мне погрузиться в это море материи, не покидая моего собственного маленького тела на морском берегу? И в ответ на это волны, казалось, зашептали мне:

«Не оставляй своего тела, возьми его с собой; одну лишь личность свою покинь на берегу. В теле твоем — зачаток будущего твоего величия; через

него воспринимаешь ты все прикосновения Матери—Природы, которые тихим шепотом разоблачают перед тобой тайны вселенской жизни».

И тогда я очутился в стороне от своего тела, и я смотрел на него, как моряк смотрит на свой компас. В это утро я чувствовал, что плыву на поверхности океана материи, а не внутри его; и я держал в руках мое тело, как чрезвычайно чувствительный, легко отзывающийся инструмент, вносящий в списки каждое движение волн, каждое дуновение воздуха. Я почувствовал мое высшее Я свободным, несущим мое маленькое «я» в своих руках, но давало направление и держало курс в это утро не большое, а маленькое я. При помощи маленького тела расширенный и освободившийся разум и делал свои вычисления; без него большое Я затерялось бы в океане космического проявления.

И тогда я признал в своем маленьком теле орудие для определения отлива и прилива жизни души — орудие, отмечающее указания компаса и определяющее границы деятельности разума; я видел, как оно удостоверяло глубину океана и размер земли, отзываясь с такой чувствительностью на закон притяжения, о какой человек не имеет и понятия. Я увидел на своем маленьком теле ясно начертанные пути небесных светил. Я увидел его связанным по всем направлениям цепями, выкованными природой; я увидел его пленником во власти величественной силы и дивился, как может человек толковать о свободной воле. И после этого мое свободное большое Я подняло мое маленькое тело и притронулось им к какой—то магической пружине, и вдруг... все связи и цепи порвались, я не был более связан с приливами и отливами природы; я был оторван и один. Я не заносил более в книгу бытия деятельности Матери—Природы; я был как—бы вынут из нее и вложен в раковину или скорлупу, и эта раковина или скорлупа, в которую было вложено мое тело, была моя собственная маленькая личность, выброшенная на морской берег волнами сверхличной жизни.

А затем, когда мое тело узнало продолжение своих сил, оно закричало, прося освобождения; оно не хотело более этих пределов, ограничивающих его со всех сторон, не хотело более отрыва от остальных сил природы; оно стремилось снова приковаться всеми силами природы к берегу и к океану и жаждало еще раз стать орудием или даже игрушкой Великих Элементов.

Что же было мне делать? Предстояло ли мне, маленькой личности, потерять мое маленькое тело? Следовало ли мне, опустевшей раковине, быть выброшенной на берег и остаться опустошенной, раз «животное» покинуло ее, чтобы снова жить в океане бытия?

«Нет — отвечали волны океана, — не оставайся на берегу. Так же, как твое животное тело должно вернуться на родину, чтобы пребывать в совершенном сочувствии с Великими Элементами, так же должна и твоя маленькая личность расширяться, пока она не достигнет совершенного сочувствия с ВЕЛИКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ. И тогда ты будешь иметь тело для выполнения твоих приказаний и тогда оно станет ВЕЛИКИМ ТЕЛОМ, заключающим в себе множество маленьких жизней, послушных твоему голосу и знающим свое Имя».

Перевод с английского Е. Писаревой

Даниил Андреев

Песнь о Монсальвате*

Публикация фрагмента из неопубликованного творческого наследия Даниила Андреева дает читателю возможность дополнить представление о поэте и мыслителе, сложенное вышедшими ранее книгами «Роза Мира», «Русские боги» и «Железная мистерия».

Творчество Даниила Андреева не имеет равных по своей целостности. Все, написанное им, подчинено одной задаче: дать как можно более полное представление о «второй реальности», открывшейся ему, как духовидцу.

Баллада «Песнь о Монсальвате», датированная 1934–38 гг., неокончена. И это весьма симптоматично. Перед нами «ранний Андреев», тот период его творчества, от которого не осталось почти ничего. Произведения, уничтоженные МГБ после ареста поэта в 1947 г., были им частично восстановлены во Владимирской тюрьме, но с балладой этого не произошло. При всей своей любви к метакультуре Северо–Запада, — а именно к ее истокам принадлежит мифологический пласт, связанный с Чашей Грааля и местом ее хранения — горой Монсальват, — с конца сороковых годов Андреева всецело захватывает метаистория России, ставшая основной и единственной темой «Русских богов» и «Железной мистерии».

Литературные истоки «Песни о Монсальвате» угадать не составляет труда. Это, конечно, роман раннесредневекового немецкого автора XIII в. Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», являющийся, в свою очередь, переложением романа Кретьена де Труа «Повесть о Граале».

Символ Грааля — один из самых удивительных в католической культуре. Апокрифы утверждают, что Чаша Грааля с кровью Христа, пролитой на Голгофе, была затем перенесена Иосифом Аримафейским в Европу. Очень быстро происходит трансформация священного предмета в символ сложной смысловой системы. Уже для Эшенбаха королевство Грааля (замок Мунсальвеш) — внепространственное понятие, соединившее в себе этические и нравственные нормы Востока и Запада, а рыцари Грааля — не столько воины, сколько архаты, помогающие миру, лежащему во зле, подняться к праведности.

По другим версиям, Грааль — чудесный камень таинственного происхождения, обладающий собственной волей и возникающий в разные времена среди разных народов, обычно в напряженные моменты истории. В этом качестве символ смыкается с легендарным Камнем Чинтамани, пребывающим в Шамбале. Среди других литературных произведений, упоминающих Грааль, следует назвать знаменитый роман Т. Мэлори «Смерть Артура», а именно его книгу XIII «Повесть о святом Граале в кратком изводе с французского языка, каковая есть повесть, трактующая о самом истинном и самом священном, что есть на этом свете». Символ Грааля — один из важнейших во всем артуровом цикле, ибо лучшие рыцари Круглого Стола почитали смыслом своего служения поиски Грааля.

Андреев, позаимствовав традиционные образы у средневековых авторов, легко наполняет их новым, более точным смыслом. По «Розе Мира» Монсальват — затомис (небесная страна) Северо–Западной метакультуры, активно участвующий в формировании исторического потока. Для правильного понимания баллады необходимо усвоить центральное противопоставление образов Света и тьмы, реализуемых в балладе через вершину Северо–Западной метакультуры, вместилище ее небесного синклита — Монсальват, и его противоположность — цитадель демона–богоборца — Клингзор. Один из главных героев баллады король Джероним в своем неправедном стремлении неспособен приблизиться к вратам Монсальвата, но представляет интерес для Клингзора, как будущая боевая единица в непрестанных попытках штурма твердыни Света.

Далеко не все действующие лица, объявленные в начале баллады, успевают появиться на ее страницах, но уже их перечень говорит о том, что автор и не собирался скрывать

---

* Публикация, предисловие и комментарий В.И.Грушецкого.

определенную преемственность в отношении романа Эшенбаха, точно также, как Эшенбах не скрывал своего намерения продолжить и развить роман Кретьена де Труа.

Титурелю, основателю Монсальвата, посвящено прекрасное стихотворение «Титурель» в цикле стихов Д.Андреева «Древняя память».Гурнеманц — ключевая фигура баллады, — упоминается и у Эшенбаха, и у Кретьена. Там это наставник главного героя. Интересно сравнить песнь пятую баллады «Рождение» с актом одиннадцатым «Возможности» из «Железной мистерии». Очевидна тождественность сцен трансформы Гурнеманца и Экклезиаста.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТИТУРЕЛЬ, пилигрим.
АМФОРТАС, его сын.
ПАРСИФАЛЬ, первосвященник Грааля, Король Монсальвата.
ЛОЭНГРИН, сын Парсифаля.

АММАРЭТ, один из святых рыцарей Монсальвата.
ГУРНЕМАНЦ, перевозчик.

КОРОЛЬ ДЖЕРОНИМ БУРГУНДСКИЙ
КОРОЛЕВА АГНЕССА БУРГУНДСКАЯ, его жена.

РАЙМОНД АЛЬГВАДУРСКИЙ }
РОЖЭ КАРКАССОНСКИ } рыцари
АЛЬФРЕД ДЕ-ТРУА }

КЛИНГЗОР, владелец бурга в Альпах.
БАР-САМАХ, первый из двенадцати зодчих Клингзора.
АЛЬ МУТАРРАФ, военачальник Клингзора.

КУНДРИ
РАМАНУДЖА, брамин.
МИЛАРАИБА, буддийский монах.

ПРОЛОГ

Свершилось!
Гремит по горам Елеонским
Хвалебный «TE DEUM» из тысячи уст:
Бегут сарацины.
Под топотом конским —
Вопли раздавленных, скрежет, хруст, —
Бегут сарацины, как листья гонимы.
По узким извилинам Иерусалима, —
И ржанье, и храп... и рыданья людей,
И озеро крови до узд лошадей.

Победою франков гремит Сальватэрра!
В далекой Европе молебны поют
О доблестных рыцарях истинной веры
И панихиды — о павших в бою.

У Гроба Господня, где ветер весною
Шелка аравийских одежд развевал, —
Железо кольчуг накалилось от зноя
И блещут глаза из тевтонских забрал.
И — стражники торжествующей веры —
У Гроба становятся Тамплиеры,
И не колышутся в зное густом
Их черные мантии
с белым крестом.

А в желтой дали
в недоступных барханах песчанных
От дней первозданных
еще продолжается сон, —
О, дева-пустыня!
Благая праматерь молчанья!
Не ты ли ворота
Из шумной темницы времен?
У вод Иордановых
Зноем библейским палимы,

Расскажут пещеры
И камни в речном камыше,
Как в блеске и громе
Сходили с небес серафимы
К боримой соблазнами
Испепеленной душе!
Ни ливнем, ни росами, —
Только духовною влагой
Создавший вселенную
Эти пески оросил...
Пески розовеют...
Закат...
Опорожнена фляга...
Дряхлый паломник лишается сил.
Так вот где его наступила кончина!
Уж смертная покрывает роса
И желтые щеки в мелких морщинах,
И жидкие старческие волоса.
Вперенные в пламенный край небосклона,
Тускнеют глаза под холстом капюшона,
И узкие от векового поста,
Мольбу Иисусу шепчут уста.

От смутного детства храня предсказанье
Об ангельском хоре в пустынном краю
Он вышел в дорогу — и отдал скитанью
И юность, и зрелость, и старость свою.

У многих расспрашивал он про дорогу:
Арабов и манихейских жрецов,
И бенедиктинцев — искателей Бога,
И знающих жизнь осторожных купцов.
Смеялись купцы, назидали монахи,
Жрецы не открыли ему ничего,
И женщины, как от безумного, в страхе
Домой отсылали детей от него.
И семьдесят лет перед алчущим взором
Сменялись империи, гавани, горы,
И тошен, и страшен был суетный свет,
И небо молчало — семьдесят лет!
Свершилось. Исполнилось.
Подвигом веры
Достигнута невозможная цель, —
Свершилось! В безводных степях Сальватэрры
Упал на колени старик Титурель.
Не тщетно к Христу непреклонной любовью
Ведом он сквозь мусульманскую тьму:
Хрустальную Чашу с пылающей кровью
Небесные сонмы вручают ему.

— «О, возрадуйся, жаждою пламенной
Приведенный в обитель Христа!
Восприми же Грааль, что мы приняли
От снимавших его с креста!
Эта кровь — тайна тайн, основание
И свершение каждой души;
Вознести ее в блеск и сверкание
Непорочных снегов поспеши!» —

Он в ужасе пал, — без дыханья, без крика —
Напрасно! Не скрыться от жгучего лика!
Пронзают, как током, духовные стрелы
Все кости, все мускулы дряхлого тела, —
Светясь, поднимается из разрушенья
Безгрешная плоть, неподвластная тленью,
И сердце, на миг в обиталище старом
Притихшее — новым могучим ударом
Вступает в поток Золотой и живой,
Что льется из сердца любви мировой.

— «И дарованной властью верховного
Основателя — благослови
Всех, взыскующих Солнца духовного
И вступающих в братство Любви!» —
Он слышит все громче ангельский хор
Он видит все ярче райский простор,
Грядущее царство над ширью земель...
И руки к святыне воздел Титурель.

— «В недоступных снегах Монсальвата
Неподкупно храни благодать
Всем, кто Господа ищет, как брата,
Как отца, как младенца, как мать!
И когда в свои кущи благие
Вас, бессмертных, примет Господь, —
У Грааля вас сменят другие,
Прокалившие подвигом плоть.» —

Все стихло,
только закат над песками,
Пылающий шар в изголовьи равнин...
Был путником бедным упавший на камни
А встал с них — священник, король, паладин
И в сердце Европы, в лесную пустыню,
Чрез хмурые кряжи и синие льды,
По тропам безлюдным несет он святыню —
Духовное семя мирской борозды.
Туда, где одни первозданные горы
Да шум величавый соснового бора,
Куда не доносится голос ничей —
Ни клики турниров, ни скрежет мечей.
Вершины сомкнулись спокойною стражей
И льды засверкали под солнцем, как мел, —
Чтоб только томимый духовною жаждой
Проникнут в обитель Господнюю смел.

По-прежнему горестны судьбы народов:
Еще за работою меч палача,
Бурлящие волны крестовых походов
По-прежнему льются внизу, клокоча, —
Все далее — на мировые окраины,
На блеском сказаний залитый Восток...

И вьюгой альпийской хранимую тайну
Не знает никто.
Век мчится...
Срывается с гор Елеонских
«Аллах — эль — Аллах!» из тысячи уст.
Бегут крестоносцы. Под топотом конским —
Вопли раздавленных, скрежет, хруст, —
Победой ислама гремит Сальватэрра!..
О гибнущих рыцарях истинной веры

В смятенной Европе молебны поют
И реквиемы о павших в бою.

Но чаще и чаще тропою урочной
Спускаются сны от вершин непорочных.
И чудится: ночью над миром безмолвным
С высот, по мерцающим ледникам
Кругами расходятся лунные волны
По воздуху, по ночным облакам;
В долины, в дремоты
аббатств, корпораций, феодов,
В крестьянские норы,
под кружево замковых плит,
Где медленно бьется
глубокое сердце народов,
Где миф нерожденный под волнами
временно спит.
И снится
таинственный сон трубадурам
В Провансе,
в Тироле,
в Нормандской земле:
На дальней вершине,
неведомой бурям,
Сверкающий купол —
в синей мгле.
Там братство достойных,
кто темные распри желаний
В крови поборол,
чтобы голосу Бога внимать;
Там в чуткую полночь
низводят из мира Сияний
Бесплотные силы
на Чашу свою благодать.
Над кругом святых,
преклонивших безмолвно колена,
Возносит король
озаренную кровь в хрустале, —
Причастие Логосу —
корню и цвету вселенной,
Сокровище неба на скорбной земле.
И видят безгрешные слуги Грааля
Небес ликование и торжество;
Неведома смерть, незнакомы печали
Подвижникам — рыцарям храма сего...

Поют на придворных пирах менестрели,
И шпильманы вышли из града во град,
Чтоб петь про заоблачный храм Титуреля
На белоснежной горе Монсальват.

Но горе тому, кто захочет однажды
Проникнуть к святыне, смертною жаждой
Страстей самовластных прибой и отлив
В сердце мятущемся не покорив!

ЗАПЕВ

О безумье, о жажде, о вере
Зазвени, моя песнь, зазвени —
Как звенела ты встарь в Сальватэрре,
В дни сражений, в железные дни

Звал тебя меннезингер на струны,
Я молил тебя вновь, — ты сошла,
Ты слетела ко мне — вечно юной, —
Два певучих белых крыла!

Как в те грозовые дни, так и ныне
Не о рыцарской храбрости пой,
Но о вечной, как солнце, святыне,
Там, за горною узкой тропой!

Пусть тебя от свистящей погони
Непорочная скроет мечта
Крепче франкского шлема и брони,
Неподкупней святого щита!

В час молчанья пред ликом заката
В мглистый мир разрушенья и смут
Братья с белых вершин Монсальвата
Эти вести молящимся шлют:

Что услышало сердце в молитве,
То горит над стихом — и пою —
Помоги же нам в горестной битве
В этом темном, тесном краю!

08.09.1935

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Песнь первая

Ночь в Безансонском замке

Ни о доблести войн с иноверцами,
Ни о суетном блеске турниров
Не расскажут послушному сердцу
Те, кто эти напевы шлет миру.
Но о снящейся духу святыне,
Бестелесной бронею хранимой,
О видениях, о снах, о гордыне —
О мечте короля Джеронима.

Турнир отсверкал.
Стихло поле.
Остыли
В ножнах утомленные боем мечи.
Сквозь облако оседающей пыли
Закат простирает, как копья, лучи.
Уже надвигаются сизы и хмуры,
Туманами дышащие поля
На контуры города, на амбразуры,
На шпили аббатств и гербы короля.
Довольны и веселы рыцари сами,
Но сумрачен и задумчив король:
Холодные пальцы играют усами
И бородою, черной, как смоль.
И тихо ему говорит королева:

— «Зачем на лице твоем горькая мгла,
Зачем затененной печали и гнева
Морщина меж властных бровей залегла?
Иль рыцари в благородной борьбе
Сегодня не угодили тебе?»
Король не взглянул. Изумрудною пряжкой
Играла рука...
Становилось темно.
И пали слова непреклонно и тяжко,
Как мшистые камни на темное дно:

— «Ни подвиги рыцарей, ни пораженья
Не тронут волнением душу мою.
Мне горько, что тратят они — то в сраженьях,
То в детских забавах доблесть свою.
Мне горько, что снова ведут короли
Для мелочных выгод усобные войны;
Мне горько, что рыцарства дух беспокойный
Терзает, как коршун, тело земли!
Не то совершалось в дни мудрого Рима,
Когда император, единый, как Бог,
Обширной вселенной правя незримо,
Над духом и телом господствовать мог.»

Замолк и медлительно взгляд свой орлиный,
Как жезл, поднимает от мглистой долины,
Над шпилями замков и купами крон —
К снегам розовеющим горных корон.

И вот возвратились с турнирной арены
Сеньёры, веселые дамы, пажи;
Струится прохлада в могучие стены,
В высокие замковые этажи.
В огромных каминах упорно и ровно
Пылают дубовые круглые бревна,
И красные тени в танцующем скаче
Летят по кольчугам, по шерсти собачьей;
И шумно садятся к огню палладины:
Квадратные лица, широкие спины, —
И плещет беседа — то страстью, то смехом —
Про знамя, про женщин, про пир, про Восток, —
Как тысячекратно повторенный эхом
По каменистому руслу поток,
Чей рокот то плавен, то остр и неровен —
Мгновенная пена сверкает над ним...
Но черного взгляда с пылающих бревен
Не сводит король Джероним.

— «А что я не вижу средь нас
Жонглера, что пел нам вчера?
Мне нравится этот рассказ
Про горы белей серебра,
И про молитвенный дым
Над Монсальватом седым.»

— «Жонглер ушел
еще перед восходом
Петь ту же песню
по другим феодам.»

— «Жаль... Он не спел нам последнего! Жаль...
Мы не узнали таинственных сил,
Властью которых простец Парсифаль
В страже святынь Титуреля сменил...»

Утих разговор. Только пламя гудело,
Да искры трескучие над очагом
Взрывались, крутились, вонзались, как стрелы,
Во мрак бархатистый, дышавший кругом.
Ковши опустели на длинном столе...
И ночь замерцала в Бургундской земле...

Склонился король на суровое ложе.
Душа неотступно скорбью полна...
К опущенным векам все тише, все строже
С осеннего неба никнет луна.

Сердца прикасаются ближе, все ближе...
И вновь королева ему говорит:
— «Я знаю, явижу:
Тоска, как пожар в твоем сердце горит!
О чем же? Судом справедливым и скорым
Ты добрую славу в народе стяжал;
На пышных пирах внимает жонглерам
Цвет рыцарства в тишине твоих зал...
Одно только горе, одна лишь кручина:
Господь не дарует нам милого сына, —
Но будем молиться! Господь всемогущь:
Пошлет Он дитя нам из ангельских кущ!»

— «Все это пустые обманы, Агнесса.
Да: жизнь наша в золоте и в серебре;
Да: имя мое на торжественных мессах
Возносит епископ в святом алтаре;
Но что мне молитвы?.. По-прежнему стоны
Несутся сюда из зловонных жилищ...
Ты видишь: я создал благие законы,
А нищий народ мой по-прежнему нищ!»

— «Так разве во власти твоей, Джероним,
Закрыть все дороги страданию к ним?»

— «Молчите! Вы — женщина, вам неизвестно
Проклятье бессилия на короле,
И вам не понять, что мне душно, мне тесно,
Мне тошно на этой кромешной земле!..»

— «О, нет, мне понятно, мой милый, понятно!..
Вот песню я слушаю ли, облака ль —
Мне кажется — голос на путь невозвратный
Зовет меня в даль, в серебристую даль
Из этого мира юдоли и скорби,
Где чахнут от жажды все стебли, все корни...»

Смежаются веки.
Луч ластится лунный
К руке задремавшей и узкой ее
У черных волос Джеронима... Чугунной
Доскою час ночи пробил. В забытье

Спускаются медленно, медленно оба.
Утихло томленье, смиряется злоба, —
Дремота мерцает, как в льдах нерушимых
Бегущая лунная тень по горам, —
И снится Агнессе: на лунной вершине —
Один, как слеза Богоматери, — храм.

И молится спящее сердце о вере,
Все слаще, все горше щемящая боль...

И вот раскрываются дальние двери,
Выходит на паперть священник-король.
Светящийся лик...
Золотая корона...
Вокруг него рыцари белых вершин
И тихий наследник священного трона —
Залитый высокой луной Лоэнгрин.

И слышится дальняя речь Лоэнгрина,
Как призрачный звон отдаленной звезды: —
— «Сойдемте, сойдемте к живущим в долинах,
Поможем пройти им сквозь вечные льды!»

И видит душа в вознесении сонном:
За тихой звездой затмевая звезду,
Народоводители — ангелов сонмы
Нисходят в долины по синему льду.

Но сон Джеронима незряч: в сновиденье
Доходит лишь отзвук церковного бденья,
Он слышит торжественный зов Парсифаля —
Пророка, священника и короля:
— «О, кровь Иисуса!
О, солнце Грааля!
Тобою да правится мир и земля!»

Но сумрак сгущается... Глуше пенье...
И тает мерцающее сновиденье.
Вновь глыбы тяжелые яви печальной
Да своды угрюмые опочивальни.
И прямо во взор, увлажненный от сна —
Тусклая у горизонта луна.

Песнь вторая

Чтение судьбы

Вы, звезды в ясном зените!
Вы, звезды в смутном надире!
Лучи-острия скрестите
На королевском порфире:
Сквозь латы — тонким сияньем
Коснитесь души зовущей,
Откройте на миг ей знанье
Дороги ее грядущей.

* * *

Луны уже нет. На угрюмые пашни,
На город, чернеющий в зыбком сне,
Глядит с высоты заклинательной башни
Огонь, непогашенный в узком окне.
Бряцанье шагов непреклонных все выше —
И молча переступает порог
Король, где под каменным конусом крыши
Склонился у длинных свечей астролог.

Спадает по черному шелку одежды
Белая, белая борода...
Черные брови, строгие вежды;
Взгляд, как мерцанье серого льда.

Молчанье. Тени дрожат и трепещут,
Стеклянные сферы сверкают и блещут, —
Модель каравеллы, сафьянные книги,
Холодных приборов блестящий металл,
С которым владелец судьбы, как миги,
По книге астральных сплетений читал.

— «Мир королю! На земле тишина,
Уносит людей поток сновиденья,
Но ставшее людям временем сна,
Будет для мудрых временем бденья.»

— «Да, но воистину ль мудры мы оба?
Ты стал еще холоднее, старик...
Видно, соседству хладного гроба
Подобно соседство этих книг!»

— «Зато эти книги и числа
Расскажут, что мир — только тень
Качающегося коромысла
В руке Сотворившего день!
Взлетают упругие ребра
То белой, то черной бадьи.
И злой обречен, как и добрый,
Творцом на страданья свои.»

В скрестившихся блесках свечей благовонных
Меж ними двоими ломается мрак
И перебегает в пергаментах сонных,
Где спит низведенный в чертеж Зодиак.

— «Ты знаешь, старик, я смеюсь надо всем
И веры отцов не приемлю,
Но ум мой бессонный пытает: зачем
Я послан на шумную землю?
Куда я свой путь направлять обречен
Сквозь темень кромешную этих времен?
Смотри: недороды, знаменья, разбой,
Усобицы герцогов... Голод!
И только жиреет, как бык, на убой,
Монах — меж голодных и голых!
Да праздное рыцарство тешит себя,
В ребяческих играх доспехи дробя!
Но ты ведь слыхал благодатную весть,
Что храм нерушимый во времени есть?»
— «Слышал...»
— «Слышал? Тогда отвечай мне:
В тот день, как скончался король Титурель,
Кто принял корону его?»
— «Это тайна;
Но раз я в дороге услышал случайно —
Далеко, за морем восточных земель —
О сыне его Амфортасе.»
— «А где же
Теперь он?»
— «Он умер... Быть может, убит...
Об этом поется все реже и реже;
Об этом никто уже не говорит.»

— «А что за венец на главе Парсифаля?
Венец узурпатора? Лже-короля?
Так вот кто взывает пред ликом Грааля:
"Тобою да правится мир и земля"!»

— «О Парсифале поется певцами по разному:
То — о правителе благообразном,
То — о воителе, не знавшем урона,
То — о вероломном захватчике трона...
Спутались сказанья о рыцаре том:
Некоторые даже говорят о святом.»

Король стиснул пальцы.
— «Нет, снисхожденью
Не быть никогда к самозванцу! Обман
Он посылает на нас, как туман
Отравленный... Слушай, что значит виденье,
Сквозь лунные чары, представшее мне
Не в яви, не в помыслах и не во сне?
И что мне советуют вечные звезды:
Замкнуться ль покорно в мирскую юдоль,
Иль к цели стремиться — высокой и грозной?»

И сон свой рассказывает король.
Но сердце двоится и повесть двоится,
Двоятся квадраты решетчатых рам,
Застежки на фолиантах, страницы
с изгибами эллипсов и пентаграмм...
Умолк он.
Ночные глаза звездочета,
Мерцая, вникают в душу ему,
Свистящие крылья ночного полета
Возносят спиралью в заветную тьму
Премудрости — вольной дорогой скитальцев,
Откуда чуть видимо зло и добро...

Он вздрогнул... Взглянул: вот смуглые пальцы
Серебряный циркуль берут и перо.
И чертит волшебник. Сомкнулись созвездья
Мистическим кругом греха и возмездья.

Планеты скрещаются с войском астральным
Аспектом то двойственным, то тригональным,
Аспекты слагают то ромб, то кольцо...
И он, наконец, поднимает лицо.

— «Ни интердикт, ни франкское войско,
Ни происки пап не страшны тебе:
Беда при дверях — но верь и не бойся,
И завтра же будь готовым к борьбе.
Взгляни на пергамент: четкие знаки
Благовестят победу твою:
Юпитер сверкает в скованном Раке,
Сатурн вероломный гибнет в бою...»

— «Юпитер — это звезда не моя ли?
Созвездие Рака... Что заначит Рак?»

— «Рак — то с дороги к землям Грааля
Обратно тебя оттесняющий враг.
Рак — это путь по подземным дугам
В хаос, в бездушное вещество,
Вниз, на ступени, пройденные духом
В странствии изначальном его.

Юпитер же — невозмутимый, белый
Покой совершенства в горной тиши,
Юпитер — стремящийся к пределу
Долженствованье твоей души.
Смотри: вот спешит на помощь Венера,
Враг — Марс — безоружен во власти Псов,
Вот Солнце взлетает — знаменем веры —
Склонись на чашу строгих весов...
Сквозь все пораженья, беды, тревогу
Спешит исполненье давней мечты...
Сбирай паладинов! Выйди в дорогу!
К обители света движешься ты.»

Безмолвствует побледневший король.
Гордыня, как солнце, как сладкая боль
Восходит в душе его, все пронизав:
Он прав — в сокровеннейших чаяньях прав!
Так вот где оно — что извечно влекло:
Короной Грааля украсить чело,
Страданье и горе изъяв из вселенной,
Одеть ее всю красотою нетленной
И Чашей Завета владеть одному!
В иное не верую и не приму.»

И с царской руки с драгоценным сапфиром
Кольцо зазвенело к ногам старика,
Как плата за весть о полете над миром,
О царстве над радугами ледника.
И волей как броней сковав ликованье,
Спускается вниз он — алеет заря —

Он будит Агнессу — про сон, про гаданье
Словами скупыми, как милость царя,
Короткими, как непреклонный приказ,
Ведет перед нею холодный рассказ.
Агнесса молчит. Она видела то же
В тот час, как луна покидала зенит...
Глаза голубые становятся строже,
Она опускает глаза, говорит:

— «Но вспомни же, друг мой, что пели жонглеры:
Кругом Монсальвата могучие горы
И горе тому, кто захочет однажды
К святыне проникнуть, прибой и отлив
Страстей самовластных — смертною жаждой
Любовью и подвигом не покорив!»

— «Не верю! Все это — трусливая ложь
хитрых святош,
Это поют, истомясь от борьбы,
только рабы!
Ищущим правды не страшен бой
с дерзкой судьбой.»

Затихла беседа. А утро хрустально:
Темна еще даль черепитчатых крыш,
Но песнь пастухов перекличкою дальней
Врывается в опочивальную тишь.
Как розово-красный павлин, над рассветом
Простерлись за узким окном облака,
И видно, как зажигается светом
Шпиль старого мюнстера, крест и река.
Над гребнями кровель легко без усилий
Высоко, у самой небесной межи,
Мелькают, сверкая на солнце, стрижи.
И розовым золотом плещет заря
На черную ткань на груди звонаря.

Песнь третья

Рыцари

Угрюмо чело государево
Под балдахином трона.
Иная — сквозь сонное марево —
Как солнце, зовет корона.
Бежать ли от скорби? Скрыться ли?
О, если бы ратью Грааля
Вот эти храбрые рыцари
Для блага народов стали.

* * *

Пирует король Джероним в Безансоне,
Как улей огромный, гудят этажи.
Снуют кастеляны. Внизу, на газоне
Над играми гончих хохочут пажи;

В дыму очагов необъятные груды
Кровавых оленей, фазанов, коров
Преображаются в сочные блюда
Шеренгами крепостных поваров;
Спешат виночерпии в древних подвалах —
И вин многолетних, янтарных и алых,
Целящих забвеньем унынье души,
Упругие струи звенят о ковши.

Свободно и шумно пируют вассалы:
Все жирно, все сдобно, привычен почет
За храбрость и силу... Горячее сало
К широким ладоням по пальцам течет.
Вздымаются горы плодов и орехов,

Дымятся среди лебедей кабаны
И гулкие своды раскатами смеха
И звоном и хохотом потрясены.
В тени балдахина горит на престоле
Как кровь, королевства бургундского герб:
Олень золотой на пурпуровом поле
И волк — поднимают серебряный серп.
На ручку расшитого трона, налево,
Склонилась задумчивая королева:
Светла синева ее детского взора,
Тонка ее соболиная бровь...

Пирующих увеселяют жонглеры
Рассказами про войну и любовь.
И взором обводит — серьезен и тих —
Король — неподкупных вассалов своих.

— «За радости жизни!» — Кубок тяжелый
Вздымает кузен короля Оливер,
Любитель искусств, насмешник веселый,
Хулитель всех суеверий и вер.
Крылом лебединым с подливкою бурой,
Забыв и плоды, и вино, увлечен
Раймонд Беспощадный, сеньёр Альгвадурры,
Крестивший неверных огнем и мечом;
Лицо его делит, как бич, пополам
Глубокий и рыжий, как ржавчина, шрам.

С усмешкою глаз, то холодных и серых,
То грустных и строгих, молчит, как всегда,
Рожэ Каркассонский, герой Сальватэрры,
В пустынях Востока проведший года.
В усах его проседь, что иней белесый...
Он прям, он надежен, как лезвие·
Пять лет протекло, как вассалом Агнессы
Возглавил он брачную свиту ее
В Провансе родном для пути в Безансон,
Во дни, золотые, как сон.

Но пир на исходе. Все пламенней речи;
Уж начали спор о достоинствах ран
Противники в чувствах, соперники в сече,
Изящный Альфред и бесстрашный Бертран.
По кованным кубкам пурпурная влага
Мерцает, как уголь... Пылающий хмель,
Как вихрь, разжигает задор и отвагу
В крови властелинов ленных земель.
Им тесно, им душно, их тянет на волю,
Где конскою скачкой потоптано поле,
Где луч полуденный скользит по копью,
Где мощь своих мускулов слышишь в бою.

Один Джероним все суровей:
Вот — дрогнули пальцы и брови,
Вот — властным, холодным движеньем
Он вдруг водворяет смущенье,
Тревогу вокруг...
Тишина
Над пиром идет, как волна.
Слова, точно блики пожара
Средь ночи, но искрою ярой
В сердца западают они,
В сердцах зажигают огни.

— «Сеньёры! Скажите: средь этого ль пира,
В часы ль ратоборства щита и клинка,
Во дни ли охот, иль на славных турнирах,
Не гложет ли дерзкую душу тоска?
Как если бы сон о вершине блаженной,
Откуда растет в тишине снеговой
Владычество над распростертой вселенной,
Правленье гармонией мировой?
Сеньёры! Средь обольщающей славы,
Средь распрь и усобиц, и мелких побед
В крови нашей бродит мечта, как отрава
О том, что высоко, о том, чего нет.
Но нет ли? Сеньёры, не надо печали!
Порукой моя королевская честь:
Тот храм, что поется в стихах о Граале,
Тот трон мирового владычества — есть!
Он есть, — отчего же болезни и войны,
И муки — по–прежнему общий удел?
Они оттого, что пришлец недостойный
Короной Грааля, как вор, завладел!
Вассалы! Наденьте же брони и латы,
Готовьтесь в поход на твердыню его:
Кто б ни был надменный король Монсальвата —
Не сердце, но камень в груди у него!»

Король замолчал. Молчанье с минуту
Стояло незыблемым валом — и вдруг
Он пал так внезапно, так грозно, так круто,
Что крики, призывы, гнев поднятых рук
Слились в несмолкаемый рокот единый:
— «Вперед, палладины!»
— «К мечам, палладины!»
— «Вперед!»

В алтаре Титурелева храма,
Невзгоды победой и властью целя,
Заблещет высокая их орифламма!

Так поняли рыцари речь короля.
Так рушат стихии плотину морскую,
И дамбами сдерживающийся океан
Бросается зверем на сушу, ликуя,
Виденьем просторов открывшихся пьян.
На это кипенье слившихся воль
Взирал испытующим оком король.

И ночью наставшей, беззвездной и хмурой,
Незыблемый замок в гранитном венце
Затеплил без счета огни в амбразурах
Как желтые очи на черном лице.
Ни к связкам соломы, ни к пышному ложу
Никто до зари головы не склонял,
И гул, на отзвучья сражений похожий,
Гудел в полусумраке сводчатых зал.

— «Опять не поладили графы друг с другом!» —
— «Опять поспешает король на врагов!» —

Шептали ткачи по холодным лачугам
И бюргеры у родовых очагов.

И день молодой, поднимаясь к зениту,
Уже не напомнил минувшего дня:
Монарх улыбался: надежная свита
Спешила к открытым вратам. На коня
Всходила по плечам пажа королева,
А юные рыцари справа и слева,
Гарцуя, иных не желали наград,
Как пир и турнир на горе Монсальват.
Влекущая в даль боевая отвага
Плескала над ними, как стяг в мятеже...
Смиряя порывистость конского шага,
Один только верный гофмаршал Рожз,
Без страха бросавший в пустынях Востока
В бою с мусульманами жизнь на весы,
Теперь он молчал и ладонью широкой
Гладил усы.

Но солнце играло в щитах и эмблемах,
Кругом развевались султаны на шлемах,
И вот уже гулкий отряд миновал
И щели извилистых улиц и вал.

И каждый назад оглянулся невольно,
Дюбис перейдя по понтонным мостам:
Уж город во мгле, лишь видна колокольня —
Узорчатый мюнстер вздымается там,
Напутственный благовест бьется ударами,
Как вещее сердце родимой страны, —
О, голос задумчивый города старого!
О ком твоя грусть?
О чем твои сны?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Песнь первая

У речного перевоза

О, расселины, пропасти, кряжи,
О, холодные, горные реки,
Вы — стихии, вы мощные стражи,
Оцепившие тайну навеки!
Услыхать ли сквозь ваши твердыни
Медный колокол — голос собора?
Обрести ли дорогу к святыне
Через душу свою — через горы?

* * *

По ложу осенних долин кавалькада
Серебряной лентою вьется в лесу.
В лицо — золотая метель листопада,
Подковы ступают в траву и росу;
Все реже надменные замки на склонах:
Их башни в зазубренных серых коронах
Все реже вдали разрывают покров
Пурпуровых и златотканных лесов.

Все реже ночлеги у пышных каминов;
Все чаще на хвойных лужайках, в бору,
У сосен мачтовых палатки раскинув,
Пажи и сеньёры садятся к костру.
Земля отсыревшая устлана мехом...
Сменяются шутки, рассказ, и порой
Король одобряет то взглядом, то смехом
Рассказы про удаль судьбы боевой.
И речь чередуется в долгих беседах
О славных охотах, походах, победах,
О чести Готфрида, Гвидо, Монферрата —
Воителей, там — у границ Калифата —
Чьи кости покоятся в знойной пыли
Под огненным небом Сирийской земли.

К полудню двадцатого дня кавалькада
Над шумной остановилась рекой.
Безвестных хребтов снеговая ограда
Вздымалась за ней, как рубеж вековой...

Над мощной вершиной вершина вставала
В алмазах, в величественном серебре.
Над льдом перелогов вились покрывала
И таяли, как фимиам в алтаре;
Дремали в скалах сокровенные руды,
И веяла свежим дыханьем оттуда,

Безмолвием незнакомым полна,
Миров первозданная тишина.

В сосновой, темневшей над берегом роще —
Невзрачная хижина, огород.
Здесь, верно, ютится рыбак – перевозчик:
Вон — грубая лодка, вон — невод и плот.
Вдали — несмолкающий гул водопада...
Как сумрачно, как пустынно кругом!
В окошке как будто мерцает лампада...
Выходит старик, горбатый, с шестом
В руке исхудавшей, с маленьким личиком,
В истлевшем плаще серовато – коричневом.
Проходит он медленно вдоль камыша
И кланяется королю не спеша.

Холодным и наблюдательным взором
Король Джероним отвечает ему.

— «Как имя горам?»
— «Это горы Клингзора.»
— «Клингзора?.. Я что – то тебя не пойму:
Что значит "Клингзор"?»
— «Клингзор — это имя
Правителя нового замка в горах.»

— «Как? Замка? Над пропастями такими
Решился б ютиться отшельник, монах,
Но рыцарь?..»
И на перевозчике строго
Король задержал проницательный взгляд:

— «Мне нужно не то. Расскажи нам дорогу
К вершине по прозвищу — Монсальват.»

Напрасный вопрос. Перед ним не мужчина, —
Старик одряхлевший, — он жалок, туп,
На темном лице бороздятся морщины
И слышится шелест иссохших губ:

— «Сорок зим я живу здесь, и лето...
Летом — ловлей, зимой — подаяньем,
Но тропа к обиталищу Света
Не открыта рабу покаянья.»

— «Ты хитришь! Как может не знать дороги
Живущий у гор снеговых на пороге!
Других, восходящих к обители льда,
Ведь ты перевозишь на лодке! Куда?»

— «Господин! Мне ответствовать трудно:
Правда, многих вожу через реку,
Но куда он, зачем и откуда,
Никогда не спрошу человека!
Лишь для каждого, помня о Боге,
Я молю благодатной дороги.»

Махнувши рукой, в сдержанном гневе,
Король обращается к королеве:

— «От дряхлости выжил старик из ума:
Безумные речи, лицо, словно мощи...
Но солнце — к закату, и близится тьма.
Вы сядете в лодку. Эй, перевозчик!
Храни госпожу! Осторожнее правь!
Причалишь налево, где отмель и лозы...
Пусть где – нибудь отмель поищут обозы,
А мы на конях переправимся вплавь.»

Ладья отошла.
Королева взирает
На плеск и дробленье разорванных струй:
Струя приникает к дощатому краю,
Под днищем играет и бьется о руль.
И слышит Агнесса, как фыркают кони,
Вступая в теченье наперерез,
Как здесь, над водою, струит благовонье
Сосновый, в реке отражаемый лес.

Достигла средины русла переправа.
Форели застыли в струе навесу...
Шестом управляясь то влево, то вправо,
Горбун – перевозчик стоит на носу.
И оборачивается.
Спокойные
Два чистых далеких луча синевы:

— «Путь, великого страха достойный,
Госпожа моя, начали вы!»

Вздрогнула королева. Глаза,
Как в темном песчаинике бирюза,
Спокойно взирали ей в душу, — все шире,
Все глубже... И детство в Провансе родном,
И песня жонглера на рыцарском пире
Вдруг вспомнились слитно — в мечте об одном.
Как видят безгрешные слуги Грааля
Небес ликование и торжество;
Неведома смерть, незнакомы печали
Подвижникам — рыцарям храма сего...
О нет, ни органы, ни ладан, ни месса
Не властны унять эту боль и тоску!..
И прошептала чуть слышно Агнесса,
Не в силах лица приподнять, старику:
— «Да, хочет супруг мой достичь Монсальвата,
Не веруя, не молясь, не любя,
Но путь наш — один, ведь и я виновата,
Люблю, и отдам — свою жизнь и себя.»

— «Но известно ли вам, госпожа моя,
Что дорогу на гору спасенья,
Истомившимся духом желаемую,
Каждый узрит лишь в миг воскресения,
Только сердцем, рождаемым дважды
В муках огненной веры и жажды?»

— «Все равно. Мы избрали, как брачный венец,
Согласную жизнь и согласный конец.
Быть может, склонясь перед солнцем Грааля,
Дотоле ни веры не знав, ни любви,
Огонь покаянья и жгучей печали
Зажжется в его обновленной крови!

А если возмездье ему неизбежно
И смертное ложе готово на льду —
Я буду женой ему в гибели снежной,
В чистилище, в небесах и в аду.»
Скользила ладья, перевозчик молчал,
И близился каменистый причал.

И скоро продолжила путь кавалькада;
Все круче тропа, за изгибом изгиб;
В немолчном гуденьи струи водопада
Терялся обозов пронзительный скрип,
Да серые клочья клубящихся туч
Спешили навстречу по выступам круч.

(Окончание следует)

Сожалеть о том, что сделано — то же, что черпать воду решетом; сомневаться — значит обезоруживать самого себя. Посвященный должен опасаться только одного — нарушить законы, могущество и неизменность которых он понимает.
Не ищи того, чего не найти, не оплакивай того, что навсегда исчезло. Душа мага должна стремиться лишь к свету совершенному, но сердцу его должны быть доступны все чувства, кроме слабости.

В. И. Крыжановская

Кто крест однажды взялся несть,
Тот распинаем будет вечно;
Но если счастье в жертве есть,
Он будет счастлив бесконечно.

Награды нет для добрых дел.
Любовь и скорбь — одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбел,
Тому всех благ она дороже.

Минский

На вечной книге светлых знаний
Лежит молчания печать,
И всякий, ищущий познаний,
Обязан с этого начать.

Владимир Лотин

Смерть и время царят на Земле, —
Ты владыками их не зови.
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Владимир Соловьев

Молитесь не об утешении, а о понимании, ибо понимание рождает правильность суждений, терпимость и любовь; горе человеку, ищущему Истину, не имея их; он запутается в собственных сетях. Итак, приобретайте понимание, а не ряд верований, догматов, авторитетов, суеверий. Тогда вы сможете помогать и стать истинными учениками Возлюбленного; тогда Возлюбленный будет с вами.

Джиду Кришнамурти

А. А. Каменская (Alba)

Дневник теософа

Когда писался этот текст, уже год не выходил «Вестник Теософии» и более полутора лет — «Известия Российского Теософического общества», где «Из дневника теософа» было постоянной рубрикой. Вела ее под псевдонимом «Alba» Анна Алексеевна Каменская, председатель Российского Теософического общества. Видимо, надежды на возобновление журналов сохранялись, хотя и осуществляются они только теперь, более чем через 70 лет.

Дневник обрывается на записи 30 мая о тревожном известии об аресте одного из членов общества, и можно лишь догадываться о дальнейшей судьбе петербургского теософического движения. К сожалению, пока никаких документов о закрытии Общества обнаружить не удается. Известно, что многие теософы, в их числе А. А. Каменская, эмигрировали в начале 20-х годов, и их имена встречаются в хронике культурных событий за границей. Оставшиеся же в России члены Теософического общества разделили судьбу русской интеллигенции.

Теперешнее возрождение духовной жизни в нашей стране, оборвавшейся в конце 20—х годов, нуждается в поддержке предшественников, поколение которых уже ушло из жизни, а документы либо уничтожены, либо недоступны в государственных архивах. Много интересного можно было бы отыскать в личных архивах, но они, наверное, лежат где-то в старых квартирах или на чердаках, запыленные и неразобранные. Поэтому большой удачей можно считать сохранение рукописи «Из дневника теософа» Каменской в архиве Константина Константиновича Владимирова, переданном в 1935 году в Государственную Публичную библиотеку. К. К. Владимиров — теософ и графолог, коллекционер автографов. Сейчас трудно точно сказать, как попала к нему рукопись Каменской, но, скорее всего, она была отдана ему на хранение Анной Алексеевной перед отъездом в эмиграцию, так как он был близок к Петербургскому Теософическому обществу и даже принимал участие в его деятельности.

«Дневник» представляет собой 33 рукописных странички с эмблемой Теософического общества. Это не ежедневные записи, а переписанный практически набело материал, готовый для публикации. При подготовке к печати максимально сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

С. А. ОСТРЯКОВА

<1918 год.>

1/14 Мая. Петроград.

В Фомино Воскресенье [1] Женское общество [2] устроило собрание в память Анны Павловны Философовой [3]. Были приглашены представители различных общественных течений. После Ан. Шабановой и Е. Н. Щепкиной [4] говорила я от имени Теософического общества. Настроение создалось светлое, глубокое и сильное. Мою речь я заключила словами, которые, как мне кажется, сказала бы Анна Павловна: «Россия не может погибнуть, пока мы ее любим, пока мы в нее верим, пока мы ей служим».

2/15 Мая. Петроград.

Работа в Петрограде кончается. Собираются еще организационные кружки. Работают Совет и Исполнительный комитет «Союза Воспитания» [5]. Собирались Редакция и Комиссия по Книгоиздательству... Думаем созвать Лигу духовных течений [6], к воскресенью собираем деловое

Подготовка публикации и комментарий О. А. Остряковой при участии М. Н. Чирятьева

Собрание Союза Воспитания...

Наша типография энергично работает. Мы мечтаем устроить в Обществе музыкальный вечер для рабочих нашей типографии.

4/16 Мая. Петроград.

У меня был представитель Ученической Секции «Союза Воспитания свободного человека» Тима Тимофеевский [7]. Он мне рассказал о работе кружков молодежи (Исторического, Литера–турного, Религиозно–философского, Служения) и о помощи, которую оказывали молодые члены союза при организации лекций в народных аудиториях на Выборгской стороне.

Получилась интересная и яркая картина работы.

К нам пришел священник, который просится в члены Общества. Это важный показатель исторического момента.

5/18 Мая. Петроград.

Собираются каждый день кружки для организации летней работы. Кружок служения вернулся к своему первоначальному названию («Орден служения») и соединился с кружком Этическим и кр.<ужком> Педагогическим. К нему, естественно, примыкают также наш «Трэст воспитания» и «Братство Искусств и Ремесел». Раскрывается интересная и широкая программа.

10/23 Мая. Павловск.

Группа теософов устраивается на лето в Павловске, в большом уютном доме с балконами и садом и с маленьким флигелем.

С утра идет мелкий дождь, но это не мешает нам гулять в парке, вдыхая чудесный весенний воздух. Деревья все уже оделись в свой зеленый наряд, и на лужайке цветут анемоны. Речка синеет между зеленых берегов. В парке много птиц, и их щебетание раздается радостно в весеннем воздухе. Никого не видно в аллеях, и кругом царит глубокая тишина.

На площадке, от которой идут многие аллеи, возвышается торжествующая статуя Аполлона с факелом в руке, а вогруг него девять муз, и дальше — Меркурий. Здесь невольно вспоминается Эллада, Орфей и его заветы радости и красоты.

16/29 Мая. Петроград.

За это время много работал Совет. Мы разработали прогамму публичных выступлений на будущий сезон и готовимся к Московскому совещанию. «Союз воспитания свободного человека» собирался дважды: один раз для деловой беседы, во второй — для обозрения деятельности своей в этом году. На собрании было много гостей. Присутствовали представители других культурно–просветительских организаций. Выяснилось, что всем хочется серьезно подготовиться к работе будущего сезона. Образовалась группа будущих трубадуров, которая будет подготавливать себя под руководством А. Унковской [8] и Ю. Львовой [9] к служению через любовь и красоту.

Вчера трубадуры впервые собирались. Оказались на лицо представители многих муз. Каждый внес свою лепту и предложение. Очень много дала собранию артистка Д. М. Мусина, приехавшая со своими ученицами и демонстрировавшая нам в ряде живых примеров искусство пластики. Ее вдохновенная лекция была посвящена Дель Сарто [10], учителю Рашель и Малибран. Простота и изящество движений в связи с душевными переживаниями были иллюстрированы превосходно девушками в греческих одеждах и сандалиях. Сама артистка в лиловом хитоне, стройная и изящная, была ярким выражением того учения, которое она стремиться воплотить в жизнь.

В связи с этим интересным вечером невольно рождается вопрос: не дает ли Теософия искусству будущего свой гармоничный светлый венец духа? Не будет ли это искусство храмовое?

19/1 Мая. Петроград.

Закончились все наши организационные собрания. Завтра мы устраиваем вечер для рабочих нашей типографии, а послезавтра, в понедельник, мы уедем с Ц. Л. Гельмбольдт [11], В. Н. Пушкиной [12] и А. В. Унковской в Павловск, чтобы там провести в тишине неделю перед нашим отъездом в Москву.

21/3 Мая. Петраград.

Наш вечер прошел очень оживленно. Собрались рабочие нашей типографии, метранпаж, заведующая переплетной и их ученицы. Я сказала им слово о книге, о Теософическом обществе и приветствовала их, как друзей и сотрудников. А. В. Унковская приветствовала их от имени «Братства Искусств и Ремесел». Потом мы им показали приготовленную для них выставку кустарных изделий, книг, фотографий и разрисованных программ с теософическими изречениями. После перерыва И. А. Лесман [13] сыграл пьесу своего сочинения («Цветок»), а А. В. Михайловская

спела 3 очаровательных романса. Потом я сказала слово об основателях Т. О. и мы показали их портреты в виде световых картин. Затем начался наш музыкальный художественный вечер. Перед нами прошли картины природы, переживания героев и картины религиозного содержания, иллюстрируемые чудесной музыкой (стихии, богатыри, рыцари, поклонение Вездесущему, братство религий, храмы, великие Учителя человечества, картины из жизни Христа). Вечер закончился «Ave Maria» Гуно, исполненным роялем и двумя скрипками.

После концерта представитель от рабочих сказал маленькую благодарственную речь от имени товарищей. Заведующий типографией П. И. Тимофеевский [14] и его помощник И. А. Лесман представили мне рабочих, и мы разошлись под светлым впечатлением пережитых вместе радостных минут.

Скончалась С. П. Тимофеевская, мать П. И. Тимофеевского. Спокойно и светло готовилась она к переходу в тот мир и тихо перешла в него.

22/4 Мая. Павловск.

Вчера, проводив тело С. П. Тимофеевской, мы приехали в Павловск. Погода холодная и дождливая, но в окна глядят деревья, а птицы весело щебечут. После городских шумов радостно слушать тишину природы. Павловск — моя родина. Здесь я родилась в Августе 1867 г., но меня увезли трехмесячным бэби, и больше я не бывала здесь.

Сейчас Павловский парк прелестен. Длинные аллеи, яркие лужайки, зеленые пруды, извилистые дорожки, поднимающиеся в гору, и спуски к речке, и масса птиц, голоса которых громко звенят в высоком воздухе, под голубым куполом неба. Воздух упоен праной расцветаю – щей природы. Тихо кругом и радостно. Радостно после городской сутолоки припасть на грудь матери – природы и слушать спокойное и ритмичное биение ее сердца, говорящего о Жизни непреходящей, о гармонии осуществленной и о Красоте вечной.

10/23 Июня. Москва.

Неделю тому назад мы приехали в Москву: Ц. Л. Гельмбольдт, В. Н. Пушкина, А. В. Унковская и я. Позже присоединился к нам и П. И. Тимофеевский. Здесь мы работали вместе с С. В. Герье [15], А. Л. Рабинович и Н. И. Эрасси [16]. Мы собираемся ежедневно в помещении Отдела и рассматриваем все накопившиеся насущные вопросы в связи с работой Общества на будущий сезон.

Большую радость нам доставил приезд З. М. Гагиной [17]. Ей пришлось еще два месяца тому назад бросить свое милое насиженное гнездо и бежать с детьми в г. Михайлов, так как имение ее разорили и начались систематические погромы. В настоящее время она распределяет детей по разным местам и учреждениям, так как продолжать дело при настоящих условиях невозможно. Мы с нею мечтаем об открытии теософической школы под Москвой.

В 4 1/2 ч. дня у нас ежедневно наша обычная медитация с членами. Предстоит два выступления: вечер Искусства Индии (мой доклад) и Общее собрание «Союза Воспитания Свободного Человека».

Союз здесь работает активно и родил несколько интересных групп: 1) Педагогическую 2) Социальную 3) Искусства и 4) Национальной Культуры.

13/26 Июня. Москва.

Мы заканчиваем работу и собираемся обратно в Петроград.

Странно не ехать в этом году в Подборки. За 15 лет первый раз придется провести лето вдали от Частых и лугов Ценздры...

Что – то будет, когда мы вернемся в Подборки, в какой фазис вступит Россия?...

14/27 Июня. Москва.

Сегодня состоялось собрание членов Московского отдела. После краткой беседы музыка нас унесла на Восток. Я сделала доклад об «Искусстве Индии». Создалось глубокое и тихое настроение. На миг мы пришли в соприкосновение с душой индийского народа и пережили настроение, которое создало его мысли, его картины и его дивную архитектуру. Воистину, искусство Индии есть вестник из других миров, и эта весть несет обновление и возрождение скорбному человечеству.

Вечер закончился пением «Гостя из Индии» («Садко»). <неразб.> Милый серебристый голос удивительно хорошо передавал переливы восточной мелодии.

15/28 Июня. Москва.

Сегодня лучезарная погода и всюду цветут цветы: сирень, жасмин, ландыши. Мне принесли великолепную белую розу, и ее нежные лепестки тихо светят над моим столом.

18/1 Июля. Москва.

Вчера было общее собрание «Союза Воспитания Свободного Человека». Было много народу, и собрание прошло очень оживленно. В ряде отчетов была дана яркая картина работы Союза. Затем было обсуждение работы будущего года, было сделано и принято два важных предложения:

1) организовать издательство Союза [18].

2) подготовить внутренний съезд на Рождество в Москве.

Особенно интересны были отчеты московских групп: Художественной, Социально-Этической, Педагогической и Изучения Национальной Культуры.

Сегодня устраивается при отделе два интересных вечера: один для детей улицы, другой — для взрослых (прислуга, дворники, швейцары и т.д.). Заведует устройством вечера А. В. Унковская. Помогает ей молодежь, члены «Круглого стола» при Т.О.

Собралась пестрая толпа ребятишек, слушающих с радостной улыбкой цветозвуки и пояснения А. В. Унковской. На стенах висят картины, цветозвуки. Комната украшена цветами и зеленью. Музыка, цветы и счастливые лица детей составляют очаровательную картину.

7 Июля. Лосиный Остров.

Закочив работу в Москве, мы с Ц. А. Г. [19] решили пробыть три недели под Москвой, чтобы отдохнуть от трудов и побыть в том месте, где осенью откроется теософическая школа.

Мы гостим у Ю. Н. Кирпичниковой [20], в ее маленьком, уютном домике, в лесу. В нескольких минутах от нас стоит прекрасное двухэтажное здание школы. Мы купаемся в ароматном воздухе берез и елей. Все зелено кругом, и птицы радостно щебечут.

Хорошо думать, что здесь будет основана теософическая школа.

Ю. Н. Кирпичникова давно мечтала об этом, но было трудно подобрать сотрудников. В настоящее время с нею соединяется З. М. Гагина, имеющая такой большой и интересный опыт в своем приюте.

11 Июля. Лосиноостровская.

Вчера приехали С. В. Герье и ее сестра И. В. М.

Мы утром гуляем и работаем в лесу. Днем отдыхаем и к вечеру снова гуляем. Дышим чистым свежим воздухом и пропитываемся июльским солнцем.

Работаю над Бхагават-Гитой, готовлю II издание и пересматриваю и одновременно составляю программу секционной работы по ср.<авнительному> из.<учению> религий. Вчера мы зашли в местную церковь. Маленькая, деревянная, разукрашенная зеленью, стоит она в лесу. Двери ее гостеприимно открыты. Кто-то читает вполголоса, вероятно, акафисты и молитвы. Мы входим и видим, что читает священник кому-то статью из газеты! Вместо молитвы раздается политическая речь, и церковь наполняется тревожными и зловещими мыслеобразами... Какой грустный символ церковного декаданса, утери древнего знака: священник, читающий громко газету в храме! Мы спешим уйти на лоно природы, где все полно песнею Господней и где небо, деревья и воды не дают человеку осквернять чистый и великий Храм Космоса.

20 Июля. Лосиноостровская.

Усердно работаем. Составили план публичных выступлений.

28 Июля. Петроград.

Вчера мы вернулись в Петроград. В Москве нас провожало яркое солнце, яркая зелень и голубое небо. Друзья привезли только что пришедший № «Adyar-Bulletin» [21], где Президент говорит о России и о ее великой миссии в наступающей эре новой жизни.

Нас встретили серое небо и северный ветер. На Ивановской [22] совсем тихо. Только канцелярия работает, да приходят иногда посыльные из магазинов за теософическими книгами.

Мы приводим в порядок все дела, чтобы поскорее поехать в Павловск, в нашу новую милую «Васанту» [23], где друзья ждут нас давно и где можно будет подготовиться в тишине и на свободе к трудной и ответственной работе наступающей зимы.

2 Августа. Павловск.

Мы устроились в Павловске. Тихо и хорошо, несмотря на дождь и ветер. Нас окружают любовь и нежная забота друзей. Наши комнаты все в цветах. В окна смотрят сосны, вязы и липы. Всюду цветет шиповник. Много птичьих голосов. Парк очарователен. Здесь можно будет хорошо поработать. Опыт кооперативной дачи вполне удался.

30 Августа. Павловск.

Мясяц, проведенный нами в Павловске, прошел тихо и плодотворно. Много подготовлено нужной и важной работы, лекций, докладов, очерков и т.п. С другой стороны, ввиду того, что

у нас кворум здесь налицо, Совет имел несколько деловых совещаний.

Начато важное и интересное дело: мы создаем кооперативное товарищество «Вестник» и открываем магазин, который будет продавать наши книги, картины, кустарные изделия и живые цветы. Мы надеемся его открыть в начале сентября.

Наша типография энергично работает, несмотря на трудные времена, и выпускает издание за изданием. Нам грозит национализация типографии, реквизиция материала и т.д., но продолжаем работать, несмотря ни на что, и твердо надеемся на помощь Божью.

От времени до времени в Павловск приезжают члены и проводят с нами несколько часов. Близость природы и тишины дают чудесный отдых и возможность сосредоточиться. Думаем остаться здесь с Ц. Л., А. В. и В. Н.[24] еще до 14 сентября, а позже будем приезжать на день или два. По-видимому, у нас здесь будет не только постоянная кооперативная дача, но и маленькая «Васанта».

10 Сентября. Павловск.

Мы накануне отъезда. Павловский парк становится все более прекрасным с каждым днем, и тишина его растет, ввиду постепенного отъезда дачников, но все же надо возвращаться в столицу. Много будет работы и времени терять нельзя. Трудно и сложно в городе, но «с нами Бог!»

25 Сентября. Павловск.

Неожиданно нам пришлось пробыть еще лишних две недели в Павловске. Потребовалась новая регистрация Общества, и до выяснения положения работа не могла начаться. Вчера выяснилось, что Общество может начать свою работу, не дожидаясь окончания всех формальностей, и мы назначили открытие сезона на 1 Октября, день рождения Президента Международного Теософического общества. Пока живу еще в Павловске. Для библиотеки Р. Т. О.[25] я достала охранную грамоту, которая гарантирует наше помещение от реквизиции и от вторжений. Странное время мы переживаем. Невольно вспоминаются средние века: внутри собственного государства есть несколько границ, таможен и несколько правительств. И выдаются охранные грамоты полноправным гражданам на случай недоразумений. Когда это смутное время минует, то мы будем о нем вспоминать, как о самом фантастическом анахронизме XX века.

Но природа, независимо от всех событий, поет свою торжественную песню красоты. Парк звучит тысячью оттенков многообразной своей осенней гаммы цветов. Золотой дождь осыпал дорожки, а солнце на ярком небе озаряет лужайки и деревья радостными, золотыми лучами, напоминая нам о том, что превыше всех недоумений Земли есть свет непрерывной Красоты и что «кораблем вселенной правит единая Любовь!»

7 Октября. Петроград.

В воскресенье мы вернулись в Петроград, а во вторник, 1-го Октября, в день рождения Президента Международного Теософического общества А. Безант, мы открыли рабочий сезон. Этот день был посвящен жизни и деятельности Президента. После моего доклада был маленький концерт.

В субботу было собрание Секции сравнительного изучения религий; вчера, в воскресенье днем первая публичная моя лекция («Методы сравнительного изучения религий»), а сегодня «Братство Искусств и Ремесел» открывает свою деятельность. На этой неделе будет собрание оккультной Секции. А в понедельник — Секция Братства. Каждое воскресенье у нас будет публичная лекция по сравнительному изучению религий, иногда — общедоступный концерт.

Так мы надеемся интенсивно поработать до годового собрания, несмотря на все внешние осложнения и на страшные волны астрально-ментального плана, которые бушуют вокруг нас. Да будет Теософическое общество стоять светлым маяком России среди ночи и бури и да выполнит оно свою великую миссию до конца!

12 Октября. Петроград.

Временно пришлось остановить издание «Вестника Теософии» и «Известий». Наша типография с трудом переживает это сложное время. Бумаги нельзя найти. Кроме того, декрет за декретом повышают до невозможности цену рабочих рук. Мы не очень горюем, так как требование о печатании в новой орфографии мало привлекательно. Лучше переждать.

12 Ноября. Петроград.

Только что закончился первый съезд «Ордена Звезды на Востоке». По общим отзывам он прошел очень глубоко и серьезно.

Сегодня было детское утро, устроенное Орденом у нас, на Ивановской. Картины духовного содержания сопровождались музыкой и краткими комментариями. Детей было очень много, и

вся наша зала походила на огромный птичник, в котором щебетали сотни птиц. Некоторые картины произвели большое впечатление. Дети разошлись счастливые, каждый получил на память звездную открытку. Теперь мы готовимся к Годовому собранию.

Из Москвы уже приехал один член. Собирается еще несколько москвичей. Ввиду трудности сообщений, мы не расчитываем на делегатов из других городов.

Сегодня была репетиция к концерту, который назначен на четверг. Мы получили в дар физ–гармонию. Чудесно звучит она с роялем и скрипкой.

Зала вся разукрашена кленовыми листьями и веточками рябины. Кругом нас бушует море страстей, но на Ивановской мы чувствуем много мира, в котором живет светлый и тихий маяк Любви. Мы чувствуем единение с работниками духа всего мира, и в сердце звучат постоянно слова: «Мир всему сущему!»

23 Ноября. Петроград.

Дни годового Собрания прошли удивительно по силе и тишине собраний. Делегатов было немного (всего 4, из которых одна — председательница Московского отдела С. В. Герье). Обозрение года дало яркую картину работы. На второй день «Братство Искусств и Ремесел» устроило выставку, доклад о своей деятельности и концерт, которым и закончилось годовое собрание.

Сегодня мы открыли наш магазин кооперативный «Вестник». Наш член, священник Л. отслужил молебен в помещении магазина. Собралась группа теософов, и настроение было радостное и праздничное. Едва кончился молебен, как вошла первая покупательница и на мою долю пала честь продать первую книгу.

С внешней стороны магазин наш представляет вид небольшой, но оригинальной лавки, выкрашенной в светло–желтую краску. Он имеет две витрины: одна полна книг (наши и звездные издания), другая с картинами, произведениями нашей художественной мастерской. Центральное место занимает лик, видение Шмихина, выставленное на фоне голубой кустарной ткани.

В самом магазине уютно и красиво. Много растений и картин. Все наново выкрашено и тонко продумано. Угол, занятый плетеной мебелью (диванчик, кресла, стол), просит отдохнуть, почитать или побеседовать. За этой комнатой — склад наших изданий и третья комната для товара. Этот магазин, вероятно, станет скоро живым центром теософической пропаганды.

27 Ноября. Петроград.

Праздник кончился. Наше годовое собрание, сопровождаемое всегда рядом лекций и собраний, затянулось на неделю и было очень интересно. Важными моментами в нем были выступления С. В. Герье (доклад: «Единая Религия») и моя лекция публичная («О сравнительном изучении религий»). Последним актом было открытие «Вестника». Теперь друзья разъехались и наступили будни, но в доме еще звучит музыка пережитых дней, а внутри у каждого из нас приливы новых сил и вдохновений.

3 Декабря. Петроград.

Кругом продолжает бушевать буря, и атмосфера насыщена электричеством. Но у нас, на Ивановской, работа продолжает идти своим чередом, тихо, углубленно и уверенно.

Воскресные лекции собирают большую и все возрастающую аудиторию. Удивительны собрания «Братства Искусств и Ремесел» и концерты, устраиваемые нашими трубадурами.

Магазин кооперативного товарищества «Вестник» сразу заинтересовал публику и привлек внимание ищущих. Хорошо продаются книги и картины. Заходят люди всех слоев общества и всех положений: крестьяне, солдаты, торговцы, учащиеся, интеллигенция. Завязываются живые беседы, и пропаганда естественно сопровождает торговлю. Скоро кончается сезон, т.е. I полугодие работы. Меня зовут в Москву и Калугу. Вероятно, я двинусь в половине Декабря, когда здесь главная работа придет к концу.

9 Декабря. Петроград.

Вчера была лекция Амин – Ханум Сыртлановой об Исламе. Было много народу и несколько магометан. Лекция прошла очень хорошо.

Будущее воскресенье закончит цикл лекций по сравнительному изучению религий. Будет коллективное выступление о «Братстве религий». Этот сезон показал нам, что у нас есть силы для серьезной постановки Института сравнительного изучения религий и его создание теперь будет нашей очередной задачей.

Установилась зима, и все покрыто белоснежным ковром. В воздухе летают белые пчелки, и установился санный путь. Мы ждем солнцеповорота, мы ждем освобождения...

12 Декабря. Петроград.

Сейчас была в нашем милом магазине. Светлые стены, светлые витрины, чудесные эстампы и книги, светлые лица. Магазин убран лавровыми деревьями и кустарными вышивками. У прилавка стояли А. В. Унковская и Ю. Ф. Львова. В соседней комнате Мария Федоровна Гарденина работает в книжном складе. Третья комната представляет собой маленькую мастерскую. Все так светло, изящно и приветливо, что хочется остаться здесь, поработать и побеседовать. Не хочется уходить.

На улице морозно, и в квартирах, плохо отапливаемых всюду, холодно. Наш белый домик на Ивановской продолжает интенсивно работать среди морозов и метелей. Ввиду надвигающихся событий, я не еду в Москву и Калугу, Рождество на этот раз проведу здесь. Может быть побуду несколько дней в Женской санатории в Лесном, где мне предлагают тихий приют на праздниках.

21 Декабря. Петроград.

У нас острый финансовый кризис в делах, и П. И. [26] делает предложение продать нашу типографию. Очень трудно на это решиться, хотя с торговой точки зрения — это для нас, может быть, лучший исход.

У нас напечатано около 40 названий новых книг, и мы на время совершенно обеспечены литературой, а деньги нужны до чрезвычайности. Но, с другой точки зрения, более глубокой, типография для нас представляет совершенно особую ценность. И является вопрос: имеет ли право рыцарь выпускать из рук своих меч, пока не окончена битва?

22 Декабря. Петроград.

Мы решили типографию не продавать, но мы ее передадим в наше кооперативное товарищество «Вестник», что даст ей возможность переплыть все опасности настоящего трудного времени, избежать национализации.

31 Декабря. Лесное.

Вчера я приехала в санаторию с В. Н. Пушкиной. Как тихо и торжественно в лесу! Снег сверкает всюду, на соснах, елях и кустарниках. Где-то высоко раздаются птичьи голоса. Воздух ласкает прикосновением своим. С неба летят чистые снежинки, застилают лесные дорожки. Тишина и сверкающий белый снег. Душа отдыхает от городского шума и хаоса, и понемногу проводники приходят снова в гармонию.

Как важно иметь такой тихий приют за городом, сколько он может дать и сохранить для работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Фомино Воскресенье — первое воскре-сенье после Пасхи.

[2] Женское Взаимно-благотворительное общество.

[3] А. П. Философова (1837-1912) — одна из инициаторов и активных деятелей женского движения за равноправие в России, основатель Женского взаимно-благотворительного об-щества.

[4] Шабанова А. Н. (1848-?) — врач, историк женского движения, Щепкина Е. Н. (1854-1938) — историк, литератор.

[5] «Союз воспитания свободного человека» — духовно-этическое движение, созданное по инициативе Российского Теософического общества. Девиз союза: «Свободная родина нуждается в свободных сынах», основные за-дачи — объединение «всех признающих, что свобода и счастие народа зависит от внутренней культуры составляющих его людей», выработка методов для создания этой культуры. Возник в 1917 году. Исполнительный комитет союза располагался на Ивановской, 22, в него входили лидеры Теософического общества Каменская А. А., Писарева Е. Н. Уже через год было организовано 5 районных комитетов Союза в Петрограде, Московский и Калужский го-родские комитеты. О прекращении деятель-ности Союза воспитания свободного человека пока никаких сведений не найдено.

[6] Создание Лиги духовных течений — по-пытка реализации теософических идей на межконфессиональном уровне. Известно одно из собраний лиги 1917 года, где встретились служители лютеранского и католического ве-роисповеданий, еврейской, мусульманской, буддийской религий и представители различных духовных течений, философии и науки. Итогом собрания стала выработка общих тезисов: «Бог есть. Все люди — братья. Эволюция должна идти от духа, а не от материи, от внутреннего человека, а не от формы», — и следующие платформы: «Единство Бога, Братство чело-вечества и во имя Бога жертвенное служение человечеству».

[7] Тима Тимофеевский принадлежал к треть-

ему поколению семьи потомственных теософов.

[8] Унковская Александра Владимировна (1857 – ?) — одна из самых активных членов Теософического общества, музыкант. Интересовалась проблемами цветомузыки. Известны ее работы «Цвет – звук – число», «Воспоминания». Постоянный автор «Вестника Теософии».

[9] Львова Юлия Федоровна (1873 – 1950) — член Т. О., композитор, пианистка.

[10] Дельсарте Франсуа Александр Никола Шери (1811 – 1871) — французский певец, вокальный педагог и теоретик сценического жеста.

Айседора Дункан — последовательница его системы танца.

[11] Гельмбольдт Ц. Л. — член Теософического общества, с 1913 г. до прекращения журнала в 1918 г. — редактор «Вестника Теософии» (до этого А. А. Каменская была и издателем, и редактором журнала), бессменный редактор «Известий Российского Теософического общества» (1914 – 1917), председатель кружка Блаватской. В 1925 году живет в Женеве и является русским секретарем «Ордена Звезды на Востоке».

[12] Пушкина Варвара Николаевна — представительница «Ордена Звезды на Востоке» в России. Орден основан в 1911 году в Индии Г. Кришнамурти (Алкиди). Главная квартира Российской секции Ордена находилась в Петербурге на 6 линии Васильевского острова, д. 19, кв. 3, здесь размещалось издательство Российской секции и книжный склад. Официальным покровителем «Ордена Звезды на Востоке» была президент Всемирного Теософического общества, в России ему покровительствовало Российское Теософическое общество. В его типографии печатались издания Ордена. Автор всех сохранившихся книг Ордена, вышедших в России, — В. Н. Пушкина. О прекращении существования Ордена в России сведений пока нет, но уже в 1925 году В. Н. Пушкина — национальный представитель русской секции за границей и живет в Лондоне. Русские секретари Ордена существуют в 11 странах: Америке, Англии, Бельгии, Болгарии, Латвии, Китае, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Югославии, Эстонии — видимо, везде, куда эмиграция забросила русских членов Ордена.

[13] Лесман Иосиф Антонович (1885 – 1955) — активный член Теософического общества, скрипач. После войны — преподаватель Ленинградской консерватории, автор нескольких книг по теории скрипичного исполнительства.

[14] Тимофеевский П. И. — один из самых активных членов Теософического общества. Он выполняет обязанности товарища председателя Общества, руководит типографией, один из постоянных авторов «Вестника Теософии».

[15] Герье С. В. — председатель Московского отделения Российского Теософического общества. После отъезда Каменской в эмиграцию встала во главе общества. Вместе с другими теософами подвергалась репрессиям советской власти и была выслана в Казахстан. После войны — преподаватель итальянского языка.

[16] Эрасси Н. И. — член Теософического общества. В 1909 году — преподаватель Горного института, видимо, он стал организатором печатания «Вестника Теософии» и первых книг, подготовленных Обществом, в типографии Горного института до приобретения Обществом своей типографии.

[17] Гагина Зинаида Михайловна — член Теософического общества, руководила школой в деревне Рязанской губернии, которая была основана Л. Н. Толстым; после смерти Толстого сотрудником Гагиной стал бывший его секретарь Н. Н. Гусев.

[18] Издательством «Союза воспитания свободного человека» руководили А. Каменская и Е. Писарева. Издания печатались в типографии Российского Теософического общества. Сохранились «Устав Союза...», «Отчет Союза... за 1918 год».

[19] Гельмбольдт Ц. Л.

[20] Кирпичникова Ю. Н. — член Московского отделения Теософического общества.

[21] «Adyar – Bulletin» — орган Всемирного Теософического общества, выходящий в Адьяре (Индия), резиденции президента Общества.

[22] Ивановская (сейчас Социалистическая) улица, 22 — центр Российского Теософического общества, здесь размещались редакции журналов «Вестник Теософии» и «Известия Российского Теософического общества».

[23] Васанта (санскр.) — весна, имя одного из героев индуистской мифологии. Так зовут друга одного из самых красивых, обаятельных богов Камы. Каму сопровождают его жена Роти (страсть) и Васанта, который ведет на поводу из жужжащих пчел (носители желаний, оплодотворяющие жизнь) корову из тростникового сахара (мощь и земная сила). Васанта выбирает для Камы стрелы, возбуждающие чувственные желания, которые тот посылает людям. Таким образом, Васанта олицетворяет творческую активность природы, возрождающуюся весной. Некоторые теософы трактовали Васанту как мистического покровителя теософского движения. Васантой была названа загородная дача Теософского общества, сгоревшая в результате грозы летом 1917 года.

[24] Ц. Л. Гельмбольдт, А. В. Унковская, В. Н. Пушкина.

[25] Библиотека Российского Теософического общества располагалась на Ивановской, 22.

[26] П. И. Тимофеевский.

К. А. Берг

«Я желаю вам вдохновения...»*

Я считаю, что возрождение теософского движения в России является делом огромной важности. Теософия — это универсальное Учение о человеке и мире. И я полагаю, что именно сейчас, в сегодняшней ситуации, возвращение теософии имеет для русских очень большое значение.

Например, я полагаю, что теософия, теософский подход к жизни, могли бы помочь вам в преодолении конфликтов, разрывающих вашу страну. Потому что суть теософии — это идея братства. Теософия, с моей точки зрения, в корне меняет отношение человека к человеку, устраняя враждебность и утверждая чувства единения и братства.

Я считаю, что на протяжении предшествовавших революции столетий в аспекте духовности Россия была необыкновенной страной. И сегодня духовное наследие России по-прежнему весьма значительно. Поэтому, мне кажется, что России есть что предложить миру. В то же время Россия должна проявить интерес к западной культуре и духовности и взять что-то для себя. Ведь обмен должен быть открытым.

Что касается возрождения Российского Теософского Общества, то я думаю, что Вам нужно прежде всего применить к современным условиям его исторический опыт. Теософия, прежде всего, требует приверженности. Именно об этом говорил доктор Гнездилов на теософском конгрессе в Германии. Он рассказал нам о деятельности многих членов Общества, об их приверженности идее, об их непоколебимой никакими невзгодами вере и верности. Это меня очень тронуло, и я не могу этого забыть. И я думаю, что именно то, чему научила этих людей Теософия, помогло им выйти с честью из страшных испытаний.

Что я могу пожелать вашему Обществу? Я просто хочу пожелать вам вдохновения. Я хочу, чтобы теософия дала вам вдохновение, чтобы она открыла ваши разум и душу, дабы вам стала доступна божественная истина, которая столь часто ускользает от нас. И я хочу, чтобы ваша душа и ваш разум были открыты добру и правде. И вот этим вдохновением, которое вы будете переживать в себе, вы должны делиться с другими. Но именно делиться, а не навязывать его другим.

---

* В дни проведения конференции памяти Е. П. Блаватской в г. Днепропетровске состоялась встреча президента Теософского Общества г-жи Радхи Бернье и председателя Европейской Федерации Теософского Общества г-на Курта Андерса Берга с делегацией Центрального Совета Российского Теософского Общества. Были обсуждены вопросы дальнейших взаимоотношений и сотрудничества. Вниманию читателей предлагаются некоторые мысли, высказанные господином Бергом в этой беседе.

А. В. Гнездилов

«Я только здесь понял идею соборности...»*

Все началось с торжественного открытия. Председательствующий — Курт Берг — одному за другим предоставлял слово для приветствия представителям всех стран, приславших своих участников. Кроме стран Западной Европы и обеих Америк в конгрессе впервые участвовали посланцы возрождающихся Теософских обществ Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии и других стран Восточной Европы. И я был смущен и тронут возможностью сказать несколько теплых слов от России, которые были очень горячо и сердечно приняты.

Мой доклад о трагических судьбах русских теософов, многих из которых я знал лично, весьма заинтересовал аудиторию. Ведь духовный подвиг наших предшественников до сих пор не известен на Западе. Я взял с собой художественный дневник моего дяди Леонида Слободинского, ведь образный язык искусства понятен чуткому сердцу без слов. И действительно — он тронул многих. Каждый день ко мне приходили, чтобы попросить посмотреть его...

День для участников конгресса начинался рано. С без четверти семь до половины восьмого — комплекс йогических упражнений. В восемь — общая медитация. В начале несколько минут молчания для сосредоточения и гармонизации. Затем зачитывается текст, задающий тему и направление. Например, представьте, что Вы — свет, поднимающийся ввысь. Но чем выше Вы поднимаетесь, тем более сгущается тьма внутри Вас. И Ваша задача войти в эту тьму и рассеять ее светом своей души. Или другое, Вы — текущая река. Меняются берега, ландшафты, погода, а река остается рекой и держит свой путь к океану, где сливаются все реки.

Еще был вечер, посвященный оккультным танцам. Звучала музыка Бетховена, Баха, Генделя... Движения были очень простыми. Общая основа — движущийся по часовой стрелке, то сужающийся, то расширяющийся хоровод. Кульминацией был танец, когда каждому участнику вручили зажженную свечу и потушили свет. И вот — кругом мрак — Вы не видите лиц окружающих. Одна рука, со свечой в чаше, у сердца, а другая лежит на плече соседа, также как рука другого — на Вашем. И все медленно движутся... Круг размыкается и закручивается спиралью. Потом уже несколько спиралей движутся под музыку. А затем эта спираль снова начинает раскручиваться. Фантастическое ощущение в этих плывущих и танцующих огнях.

Главное ощущение от всех этих встреч — это живой рост, когда собрание людей воздействует друг на друга и общение невозможно передать словами — если и существует какая-то информация, то это информация для сердца, которая побуждает его расти. Я только здесь по-настоящему понял, что именно это и есть идея соборности и непосредственно испытал ее воплощение в жизни. Здесь все это происходит сознательно, ибо собираются люди, устремленные к единой цели, люди посвященные и просвещенные и достигшие определенных высот в собственном развитии. Здесь я еще раз убедился, что стремление к высокой цели и длительная работа над собой, поддерживаемые общностью единомышленников, вырабатывают замечательные типы личности. Да и сам я, покидая Арользен, совершенно не узнавал себя...

* Андрей Владимирович поделился с редакцией своими впечатлениями о пребывании на европейском конгрессе Теософских обществ в Арользене летом 1991 года, фрагменты из которых мы помещаем на этих страницах.

А. В. Гнездилов

Судьбы русских теософов

Этим воспоминанием мне хотелось бы отдать честь тем малоизвестным людям, чья жизнь была посвящена теософии. После революции, когда Теософическое Общество было разогнано, многие из его членов разделили судьбу заключенных за инакомыслие. Некоторые, очень немногие, избегли этой участи, единицы выжили и вернулись из заключения. Их имена, их судьбы достойны памяти потомков, ибо они сохранили в своих сердцах свет того учения, которому служили и который помог им принять тяжелейшие испытания, которые, однако, не сломили их воли, их Духа. Испытание огнем они мужественно вынесли и, насколько возможно, сумели передать те знания и, даже скорее, ту устремленность к ним, которая была свойственна им самим. Во всех своих метаниях и заблуждениях Россия оставалась и будет оставаться страной Духоискательства, и это залог той вечной жизни, в которой, рано или поздно, обретается свет Истины.

Жизнь сталкивала меня с теософами в разное время и при разных обстоятельствах, и потому мои воспоминания несколько сумбурны и непоследовательны, но такова была и сама внешняя картина жизни. Я подчеркиваю — «внешняя», потому что внутренние законы, как, например, закон подобия — «подобное притягивает к себе подобное» — руководят судьбой, и интерес к какой-то стороне непременно притягивает близкие обстоятельства.

Мне повезло с момента моего рождения, так как моя бабушка, Слободинская София Александровна, 1870 г.р., жила в Киеве и была теософом. Она вела кружок, изучавший труды Е. П. Блаватской, А. Безанг, Ч. Ледбитера и других в начале 1900-х годов. По воспоминаниям моей матери, Слободинской Нины Конрадовны, это была очень одаренная, увлеченная женщина, которая притягивала к теософическому движению всех своих близких и знакомых. Конечно же, разделял интересы Софии Александровны и ее муж, мой дед Конрад Владимирович Слободинский. Поначалу он увлекался спиритическими сеансами, затем серьезно занялся теософией. Пытался изучать санскрит, помогал переводить Бхагават-Гиту, стихи Рабиндраната Тагора, собирался в Адьяр, но обстоятельства ему помешали. После революции как чуждый элемент, имевший несовместимые взгляды, он был арестован и погиб в Ташкенте, в тюрьме, в 20-х годах. Жена его, София Александровна, умерла на Кавказе в 1927 г. Похоронена, по ее просьбе, на вершине горы, на месте, где была маленькая колония теософов.

Усов Александр Александрович, родной брат Софии Александровны, 1872-1941. Детский писатель, путешественник. Писал рассказы о животных под псевдонимом Чеглок. Дважды обошел вокруг света вместе со своим другом, разделявшим его теософические идеи, художником-анималистом Ватагиным Василием Васильевичем. В 1905 году участвовал в революционном движении в городе Сочи, затем жил за границей. Был дружен с А. А. Луначарским, будущим наркомом просвещения, на которого оказывал влияние. В 1914-1915 годах вместе с единомышленниками основал на Кавказе маленький теософический ашрам в Лазаревской, близ города Сочи. Пытался построить в местечке Гуарек храм Солнца в виде звезды, где через систему зеркал солнечный свет был целый день в каждом помещении.

По вечерам теософы разжигами костер на берегу моря, читали стихи, медитировали, обсуждали проблемы. В числе побывавших в этом ашраме был и Максимилиан Волошин, известный поэт, увлекавшийся антропософией. В конце 30-х годов, когда Луначарского не стало, Усова арестовали, выслали в Сибирь на поселение. В 1941 году он ушел из дома, чтобы умереть на свободе, и не вернулся.

В числе русских теософов хотелось бы упомянуть и хорошую знакомую Максимилиана

Волошина, поэтессу Аделаиду Герцык – Жуковскую, жившую в Крыму, в Судаке. Я слышал о ней очень много от ее сына. Это была очень мужественная женщина. Побывав в застенках, она написала воспоминания, ходящие в рукописях, — «Подвальные очерки». Очень тонкое психо – логическое наблюдение над невинными людьми, попавшими в тюрьму за дворянское происхождение либо за религиозные и иные убеждения. Можно судить об этих очерках по названию серии, посвященной тюрьме — «Санаторий Душ». Аделаида Герцык – Жуковская увидела, как невы – носимые условия изменяли психику людей, как они преображались. Исчезало обыденное, внешняя мишура, и в людях проявлялись необыкновенно глубокие, благородные черты. Исчезала вражда меж старыми противниками, связанными одной участью. Близость смерти примиряла со многим, заставляла поновому оценить жизнь, красоту. Люди, которые в обычной жизни были незаметными, охваченными эгоизмом, вдруг, попав в тюрьму, превращались в героев, проявляли чуткость и глубину, взаимопонимание и мудрость. Я надеюсь, что когда – нибудь эти очерки увидят свет. В них — героизм самой Аделаиды Герцык – Жуковской, сумевшей трансформировать тяжелейшие испытания в урок, который она смогла выучить, не озлобившись.

Столь же интересна личность ее сестры, Евгении Казимировны Герцык. Она тоже разделяла теософические взгляды, была тончайшим исследователем творчества Эдгара По, дружила с известным русским философом Бердяевым, другим философом — Николаем Онуфриевичем Лосским, который развивал учение Бергсона. Муж Аделаиды Герцык, Дмитрий Жуковский, также имел отношение к духовному движению в России конца XIX — начала XX века. Его дядя, Жуковский, был дружен с поэтом Андреем Белым, известным русским антропософом. Они вместе принимали участие в создании усадьбы в Крыму, которая и сейчас называется его именем — Жуковка, и в растениях парка пытались заложить оккультную символику. Скульптура парка создана известным скульптором Матвеевым и сохранена до настоящего времени. Парк разбит вблизи развалин древнего храма, и его атмосфера наполнена медитативной тишиной, возвы – шенными мыслеобразами и плеском моря. В Крыму трудно найти более красивое место, где так сосредоточены красота и мудрость. Пожалуй, еще одно подобное место есть в Коктебеле, рядом с усадьбой Волошина, на месте бывшего вулкана.

Однако, позвольте вернуться к другим деятелям теософического движения. Сын Софии Александровны Слободинской, Леонид Конрадович, 1900 г. рождения. Принимал участие в «Ордене Звезды на Востоке», «детской ложе» — движении духовных рыцарей и «пажей». Если не ошибаюсь, название этого рыцарского общества было «Золотая цепь» или «Звено золотой цепи». Теософические идеи постоянно присутствовали в жизни Леонида Слободинского. Он был агрономом и еще — вел дневник своей жизни. Поскольку атмосфера, в которой он находился, не исключала доносов, то свой дневник он вел в символических рисунках, и отражением его участия в духовном движении «пажей» явилась форма щита, внутри которой находился рисунок. Я готов продемонстрировать эти дневники, где символика цвета и переживания очень гармонично связаны. К счастью, Леонид Слободинский избежал репрессий, хотя принимал активное участие в деятельности теософского центра в Лазаревке, который устраивал Усов (Чеглок).

В числе участников этого кружка была чета Обнорских: Алексей Николаевич, 1898 года рождения, и его жена, Ольга Борисовна. Алексей Николаевич принадлежал к старинному русскому дворянскому роду, был исключительно высокообразованным человеком, знал около 6 языков, очень глубоко интересовался философией и исповедовал теософические идеи. Обаятель – ный, всегда подтянутый, он всегда был окружен молодежью, которую и снабжал тогда запрещенными книгами по теософии. Сам переводил работы Джидду Кришнамурти, поддерживал связи между оставшимися в живых теософами Москвы, Ленинграда и других мест. В 1952 году был арестован за революционную пропаганду по доносу, и только смерть Сталина и последующая амнистия уберегли его от лагерей. Ольга Борисовна Обнорская — человек исключительных духовных качеств, писала стихи, рисовала, была необычайно сильным медиумом. Получала информацию путем телепатической связи с Учителями Востока, оформленную в поэтической рукописи «Сад Учителя». Скончалась в 1957 году. Интересно, что она предсказала с точностью дату своей смерти за несколько лет до того, как она случилась. Любопытно также, что ее дар предсказаний сбывался в отношении близких людей с изумительной точностью. Вокруг семейства Обнорских, живших в Ленинграде, всегда собирались бывшие теософы. Среди них следует назвать Ольгу Владимировну Енько. Удивительно светлый человек, всегда радостный, легкий и счастливый. Она помогала своему мужу в переводе на русский язык «Калевалы». Не расставалась с крестом из слоновой кости, увитым розами. С глубоким почтением упоминала о Розенкрейцерском движении. Была близким другом Унковской, чье творение «Цвет — Звук — Число» было опубликовано Теософическим издательством в Петербурге.

В этом же кружке находилась Софья Факионовна Лесман. Вместе с мужем, скрипачом из камерного оркестра Ауэра, Иосифом Антоновичем Лесманом, состояла в Теософическом обществе. Дочь крупного греческого промышленника, жившего в России, она ушла из дома

помогать голодающим в Поволжье. Испытала многие тяготы. Была другом и доверенным лицом Анны Алексеевны Каменской — председательницы Российского Теософического движения. После разгрома Теософического общества и отъезда Каменской из России Софья Факионовна осталась вместо нее, хранила литературу, оказывала помощь нуждающимся, поддерживала связи между теософами. Была репрессирована и с мужем выслана в Алма-Ату, где муж создал музыкальную школу. Ученики его испытовали влияние теософических идей. По возвращении в Ленинград жила в маленькой темной комнате, одна. Муж и сын скончались. Она мало рассказывала о себе, боясь повторных репрессий, но даже одно ее присутствие в собраниях создавало атмосферу серьезности, глубины, мудрости. Удивительный человек, умевший завоевывать любовь окружающих людей. Всегда спокойная, в скромных одеждах, она не расставалась с аметистовыми бусами, подаренными ей Софьей Герье, также известным русским теософом. Она придавала большое значение сиреневому цвету этих камней, говорила, что они помогают ей ощутить связь с Великими Учителями, вдохновившими теософское движение. В комнате ее на видном месте висели портреты Блаватской, Безант, Джинараджадаса, Ледбитера, Арунделя, Кришнамурти. Свою нелегкую судьбу Софья Лесман переносила с удивительной стойкостью, видя в ней проявление Кармы. Умерла она в 1970-х годах в доме престарелых.

К этому же кружку относилась семья Тимофеевских. Глава семьи, генерал санитарной службы, Павел Ильич Тимофеевский, друг известного академика В. М. Бехтерева, занимал видное место среди членов Петербургского отделения Теософического общества. Известны его публикации о духовной свободе человека, о бессмертии, выдержанные в традициях теософических взглядов. После революции он был репрессирован и отправлен в заключение, где и скончался в 1943 году. Дочь его, Екатерина Павловна Тимофеевская, находилась на поселении без тюремного заключения. Сын, Тимофей Павлович, подвергался притеснениям на работе как «сын врага народа», отказавшийся признать официально эту формулировку.

Катерина Павловна Тимофеевская — художник и поэт. Ее произведения не печатались, так как были религиозными по содержанию. К счастью, ее стихи сохранились в рукописях, и, возможно, когда-нибудь будут опубликованы. Героический пафос и удивительная искренность этих стихов говорят сами за себя. Основная идея их — преодоление себя и доверие к водительству Высших Сил. Если применим эпитет рыцаря к женщине, то это относится к Катерине Тимофеевской. Совершенная честность в мыслях, словах и поступках привлекала к ней тех, кто с ней сталкивался. Она скончалась в 1987 году. Ее нашли у постели стоящей на коленях. Голова лежала на стопке старых журналов «Вестник Теософии». На столике перед ней стоял портрет Учителя М.

Я мог бы еще привести имена людей, принадлежавших к теософическому движению, таких как Г. В. Шталь, О .В. Казина и другие, но, к сожалению, мало, что могу сказать о них самих.

Перехожу к Московской группе теософов, с которыми мне довелось сталкиваться, которых довелось видеть и слышать.

Ариадна Александровна Арендт — скульптор-анималист, потомок врача, лечившего Пушкина, великого русского поэта. Женщина, еще в молодости лишившаяся ног, но сохранившая удивительно стойкую волю и жизнерадостность. Она была дружна с Максом Волошиным, прониклась идеями и учением Живой Этики Рерихов. Дом ее всегда был раскрыт для молодежи, и библиотека была к услугам каждого интересующегося человека. Книги Блаватской, Рерихов, Р. Штейнера, переводы Кришнамурти, Рамачараки, оккультные произведения, романы Крыжанов-ской (Рочестер) можно было найти у нее, несмотря на тяжелые времена. Ее инвалидность или слишком большая открытость защищали от репрессий ее саму и ее мужа, Анатолия Ивановича Григорьева, который был с ней рядом и служил ей до последнего своего дня. Ариадна Александровна жива до сих пор.

В числе московских теософов я встречался с удивительной женщиной, Евгенией Юльевной Дементьевой. Известный музыкант, она в старости сохранила очень ясный ум, занималась переводами Кришнамурти, писала стихи; одно ее стихотворение хотелось бы привести как пример образа мыслей этой женщины. В возрасте близком к 90 годам, больная, со сломанным бедром, беспомощная, оглохшая и почти потерявшая зрение, она пишет следующее:

Все громче зов небес. Все глуше песня жизни.
Мечтаю, чтоб скорей пришел конец пути.
И шепчет кто-то мне в беззвучной укоризне:
«Пойми — пока живешь, нельзя желать уйти...»

«Не все завершено. Обязанностей много.
Еще не обретен безмолвный мир души.
Пока не отойдут волненье и тревога —

Свою земную жизнь окончить не спеши».

«Уходят только те, кто выполнил заданье,
Иль те, кто не сумел, не захотел дойти.
Прими, благословив, как дар, свои страданья,
Чтоб каждый новый день был шагом на Пути».

В теософских кругах было известно имя Коры Евгеньевны Антаровой. Будучи талантливой певицей, она имела какие–то удивительные видения, позволившие создать труд «Две жизни», где литературными средствами раскрывалась оккультная сторона работы Учителей; среди других персонажей присутствовал и образ Льва Толстого. Художественное произведение заключало в себе множество оккультных откровений, теософских идей.

Сергей Юлианович и Мария Александровна Антонюки. Поразительно умные, теплые люди. Были педагогами, и их преданность теософскому движению вдохновляла многих из их учеников. Сергей Антонюк, когда говорил на любимую тему, весь загорался, вдохновлялся. Седовласый человек, небольшого роста, он становился необычайно счастливым, и вы видели это преображение и не могли не ликовать вместе с ним, не могли не чувствовать себя тоже счастливыми оттого, что мир так разумен, что звезды излучают любовь, трава улыбается, все вокруг исполнено красоты и смысла. Своей радостностью он заставлял вспомнить Франциска Ассизского. Таков был этот человек.

Люси Михайловна Хубларова — еще один преданный теософии человек. Муж ее, Михаил, погиб в лагерях за те же религиозные убеждения. Когда я вспоминаю о ней, то прежде всего вижу ее бархатные армянские глаза, полные доброты и грусти. Она печатала много переводов и способствовала знакомству с теософическими произведениями. После гибели ее мужа у нее осталась огромная коллекция бабочек, и сама она казалась прекрасной южной бабочкой, полной гармонии и тихого служения истине, которая ей открылась.

Василий Васильевич Ефимов, профессор–физиолог. Исследовал связи с астральным планом. Выступал с лекциями, в которых отрицал старость, рассматривал ее как молодость и созревание души. Подчеркивал непрерывность эволюции, которую не может остановить смерть. Скрывал свои глубокие связи с теософическими идеями, но находил способы подтверждать их научными методами. Его очень любила слушать молодежь, а материалистически мыслящие чиновники от науки отвергали его идеи. Когда он приезжал к Обнорскому в Ленинград, беседы с ним затягивались до глубокой ночи. Человек с энциклопедическими знаниями, он выше всего ценил синтетический подход к жизни и считал теософию единственным движением, способным решить проблемы единства мира.

Можно вспомнить еще Евгения Александровича Зеленина, профессора математики, человека, влюбленного в Индию, сестер Чеховых, Татьяну Букрееву, написавшую труд «Восемь встреч с Учителем» и многих других, о которых я только слышал, но не имел счастья видеть.

Всех этих людей невозможно было не любить, нельзя было не восхищаться ими. Это были как бы искорки целой эпохи, учения, которое пришло одновременно из прошлого и из будущего, и, как семена, упавшие в землю, они способствуют великим всходам идеи единения людей, религий и философий.

Закончить я хочу фрагментом из стихов Дементьевой:

Не плачьте обо мне в томительном бессильи,
Желая удержать, когда мой час придет.
Поймите — смерти нет. Я расправляю крылья,
Что унесут меня в стремительный полет.

Рожденье, а не смерть... Спираль ведет все круче.
Очередных витков я вижу смутный ряд.
И впереди, во мгле, невидимые кручи,
Когда уходишь ввысь, нельзя смотреть назад.

Но я люблю тебя, Земля моя родная,
И я вернусь к тебе, когда настанет срок.
Но скоро или нет — я этого не знаю...
Там времени уж нет, лишь вечности поток.

Ю. Ю. Лурье

На пороге 93-летия окончил земной путь Юлий Юльевич Лурье, профессор, доктор химических наук, старейший член Российского Теософского Общества. С юношеских лет стремление к Истине определило всю его жизнь: и внешнюю, открытую всем, отданную науке, и внутреннюю, сокровенную, духовную.

Студент МВТУ им. Н. Э. Баумана, заведующий химической лабораторией, старший научный сотрудник, ассистент, доцент, доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой — таковы основные формальные вехи его научного пути. Ю. Ю. Лурье широко известен в нашей стране и за рубежом как классик аналитической химии, автор более 300 научных статей и ряда фундаментальных работ, являющихся настольными книгами всех аналитиков, председатель многих комиссий и секций по аналитической химии АН СССР и ГКНТ, инициатор издания и редактор и переводчик классических руководств и монографий. Под руководством Ю. Ю. Лурье защищено более 50 кандидатских диссертации. Ясный ум и великолепная память позволили ему плодотворно работать до последних лет жизни.

О духовном пути Юлия Юльевича можно судить лишь по отдельным вехам. Верность высоким идеалам и устремленность к Свету вели его через все воплощение. Еще в 1916 г. он «подарил сам себе» книгу по Раджа-йоге. В 1918 г. вступил в Киеве в Теософское общество, девиз которого — «Нет религии выше Истины», в 1920 г. — в Московское отделение Общества. В 1921-1923 гг Юлий Юльевич, тогда еще студент химического факультета, преподавал химию, физику и математику в Пушкинской опытной школе-колонии, руководителем которой была А. М. Арманд, член Калужского отделения Теософского общества. Преподавателей и колонистов объединяло общее стремление к духовному совершенствованию в единое братство. Юлия Юльевича любили и уважали, и эти чувства колонийцы пронесли через многие десятилетия. В первые годы после революции еще не были пресечены связи Российского Теософского общества с зарубежными, и Юлию Юльевичу удалось собрать хорошую библиотеку теософской литературы. Однако, уже в 1924 г. начались первые аресты теософов, и все связи были прерваны. Репрессии продолжались. В 1948 г. за теософские убеждения была арестована жена Юлия Юльевича, Нина Александровна Лурье, которая лучшие годы провела в лагерях. При аресте были изъяты все книги по теософии, наступил период, когда эстафету древней мудрости можно было передавать лишь используя память, как в древности до изобретения книгопечатанья. Исключительная эрудиция Юлия Юльевича в области теософии дала ему возможность помогать немногим ищущим в этот период. Юлием Юльевичем были переведены и снабжены комментариями несколько ценных книг по теософии, которые еще ждут своего издания. В 1961 г. в Лондоне во время служебной командировки Юлию Юльевичу удалось посетить Лондонское отделение Теософского общества и получить новые материалы. Большой радостью для Юлия Юльевича были встречи в 1990 и 1991 гг. с президентом Международного Теософского общества Радхой Бернье, посетившей его во время своих визитов в Москву. Беседы с ней о путях и судьбе теософского движения были исключительно интересными.

Юлий Юльевич приветствовал возрождение Российского Теософского общества в 1991 г. и по мере сил стремился помочь ему. Как истинный теософ, Юлий Юльевич не боялся смерти, был готов к ней, встретил ее мужественно и спокойно, как естественный переход к новой сфере деятельности. Светлая память о Юлии Юльевиче Лурье всегда будет с знавшими его.

Мертвое существо есть нечто невозможное в Натуре — небылица. Всякое разрушение есть переход к высшей жизни.

Эккартсгаузен

Российское Теософское Общество

Хроника деятельности

1991

8 января в Москве прошла конференция по возобновлению деятельности РТО.

14 марта РТО зарегистрировано Министерством юстиции России в качестве республиканской общественной организации.

15–26 апреля РТО принимает участие в организации и проведении Форума «За духовное единение человечества» памяти Е. П. Блаватской в г. Сочи.

8 мая проведен торжественный вечер, посвященный Дню Белого Лотоса, в ДК «Меридиан» (г. Москва).

13–21 июля представитель Центрального Совета РТО А. В. Гнездилов принимает участие в Европейском Теософском конгрессе (поместье Арользен, Германия).

18 июля прошла встреча с общественностью города Коломны (Культурный центр «Лига»).

21–28 июля Международный секретарь РТО Л. В. Бычихина в ходе поездки по Теософским центрам Западной Европы принимает участие в работе международного семинара «От трансмутации духа к преображению окружающего мира» (Центр европейской Теософской Федерации, г. Нарден, Нидерланды).

10–12 сентября РТО принимает участие в организации и проведении конференции памяти Е. П. Блаватской на ее родине в г. Днепропетровске. РТО представляет 11 докладов и выставку «Вестник Света».

20 октября в ДК «ЗИЛ» (г. Москва) начал работу ежемесячный исследовательский семинар по проблеме: наука и теософия. Семинар открыл еженедельные встречи РТО в ДК «ЗИЛ».

25 ноября в Клубе им. Фрунзе (г.Москва) прошла презентация музыкально–литературной программы С.Королева «Молитва».

16 декабря в ДК «ЗИЛ» (г. Москва) начал работу постоянно действующий семинар «Вопросы Теософии».

23 декабря там же состоялся музыкально–поэтический вечер, посвященный творчеству русских теософов. Снята видеозапись. Этот вечер открыл ежемесячные литературно–музыкальные встречи РТО.

Кроме того, в 1991 году Российским Теософским обществом организована документально–биографическая выставка, посвященная жизни и творчеству Е. П. Блаватской. Она с успехом демонстрировалась в городах: Львов, Новосибирск, Днепропетровск, Екатеринбург, Киев, Пермь, Березняки, Каунас. Общество приняло участие в организации выставки художника В. Т. Черноволенко в Москве и Коломне. Сформирована выставка художественного дневника Л. Слободинского.

Открыты отделения РТО в гг. Санкт–Петербурге и Смоленске, а также секции в Калуге и Днепропетровске.

Создан слайд–фильм (15 мин.) о Е. П. Блаватской. (Авторы А. Волосенко и Ю. Кулаков). Сделана видеокопия. Снят видеофильм (15 мин.) о творчестве художника С. Пономарева «Ритуальное проективное пространство. Египетская серия». (Авторы С. Пономарев, А. Волосенко). Сняты видеозаписи ряда лекций, встреч и памятных событий, в том числе воспоминаний Ю. Ю. Лурье (2 ч. 15 мин.), торжественного открытия выставки «Библиотека и архив Е. П. Блаватской» в библиотеке им. Ленина в Москве (35 мин). По вопросам изготовления копий и проката видеолент обращайтесь по адресу московской штаб–квартиры РТО.

В январе 1992 года на базе читального зала библиотеки ДК «ЗИЛ» в Москве начала работу публичная библиотека РТО. В ней читатели могут познакомиться с самой разнообразной духовной литературой, в том числе со многими уникальными изданиями, отсутствующими в других библиотеках страны. Особую благодарность мы приносим Д. Энтину, В. Вартанову и А. Тульской (Нью–Йорк) за неоценимую помощь в формировании фонда библиотеки.

В настоящее время ведется систематическая работа по формированию архива РТО, архивно–библиографическому поиску (в том числе материалов, связанных с жизнью и творчеством Е. П. Блаватской), переводу на русский язык и подготовке к изданию классического теософского наследия. К публикации подготовлен целый ряд теософских источников.

РТО приглашает к сотрудничеству все заинтересованные организации и лица, а также будет признательно любой спонсорской помощи (р/с 1700835, ОПЕРУ Мосбизнесбанка, ОПЕРУ при правлении ЖСБ СССР, Ф. 299093).

Russian Theosophical Society

Chronicle of activities

1991

8 January — the conference dedicated to the RTS revival took place in Moscow

14 March — RTS was registered by the Ministry of Justice as a public organization of Russia

15–26 April — RTS participated in the Sochi forum «For spiritual integration of humanity» in the memory of H.P.B.

8 May — RTS held a rally in celebration of the White Lotus Day in Moscow

18 July — a Theosophical convention took place in the Kolomna (town) cultural center

10–12 September — RTS took part in organizing and convening the jubilee conference on Blavatsky in her native city of Dnepropetrovsk presenting there eleven lectures and an exhibition «Messenger of Light». The central body of RTS had very instructive consultations with the international leaders of the Theosophical Society

20 October — the monthly Theosophical seminar was inaugurated in the headquarters of the RTS in Moscow (the «ZIL» cultural complex).

Beside four study groups working in Moscow, the TS branches have been installed in St.Petersburg, Kaluga and Dnepropetrovsk. Those interested in individual studies on Theosophy, have at their disposal our book–selling center and a good library which is being collected mainly out of book donation of our foreign friends.

Our cultural program includes monthly musical and poetical parties, presentation of video–materials and art–expositions closely connected with Theosophical ideas. A mobile documentary exhibition on H.P.B.'s life and works has been successfully demonstrated in nine cities of Russia, Ukraine, Lithuania.

In 1991 the Russian TS, seeking to be acknowledged as a national section of the international TS (with the Headquarters in Adyar, India), managed to establish and maintain fruitful contacts with the Theosophists abroad. In January and February dr.Luba Bytchikhina, RTS secretary for international cooperation, participated in the school of the Wisdom in Adyar; in May she was invited in Helsinki as the principal quest speaker on the White Lotus Day; in July she delivered a lecture on «Blavátsky and Russian Spirituality» at the international seminar in the Naarden Theosophical Center. Mr. Andrei Gnezdilov, the chairman of St.Petersburg branch, participated in the European Congress of the Theosophical Society (13–21 July, Arolsen) with a paper on the history of the Russian TS.

Altogether there are 8 lodges (branches) working in 4 cities of Russia and comprising one hundred (100) members. The chairmen of RTS is Mr. Dmitri Popov, leader of the Central lodge, Moscow.

Andrei Gnezdilov

The fate of Russian Theosophists

In these recollections I should like to honour those little – known people who devoted their lives to theosophy. After the revolution, when the Theosophical Society was dispersed many of its members shared the destiny of the dissidents who were shut in prisons. Some of them, very few, escaped this misfortune, and only separate persons survived and came back from prison. Their names and their destinies are worthy of the memory of the descendants because in their hearts they kept the light of the teaching they served. It helped them to stand hard trials which, in spite of all, did not break their will, their Spirit. They went through the ordeal of fire bravely and could pass over to others the knowledge, to be more precise, their longing for it which was so characteristic of them. In all its errors Russia has remained and will be a land of Seeking for the Spirit, and this is the guarantee of that eternal life in which sooner or later we reach the light of the truth.

In my life I met with theosophists in various situations, at various times, that is why my recollections are somewhat confused and inconsistent, but that's what life has externally seemed to be. I underline «externally» because the internal laws, like the law of similarity, guide the destiny, and interest in some aspect always attracts the same kind of situations.

I has been lucky since the moment of my birth because my grandmother, Sophia Slobodinskaya, who was born in 1870, lived in Kiev and led a group that studied the works by H. P. Blavatsky, A. Besant, C. Leadbeater and others at the beginning of the century. According to my mother's, Nina Konradovna Slobodinskaya's recollections, my grand–mother was a very talented and enthusiastic woman who drew all her close friends and relatives to the theosophical movement. Also her husband, my grandfather, Konrad Slobodinsky, shared her interest. At first he was interested in spiritualistic sittings, later on he was seriously engaged in theosophy. He studied Sanskrit, helped to translate the Bhagavad Gita and poems by Rabindranat Tagor. He intended to travel to Adyar, but the circumstances did not allow him to. After the revolution he was arrested for his views were incompatible with the basic revolutionary policy and he died in prison in Tashkent in the 30–s. His wife, Sophia, died in the Caucasus in 1927. At her request she was buried on a slope of the mountains, in the place of a small theosophical colony.

Alexander Alexandrovich Usov, Sophia Slobodinskaya's brother, lived in 1872 – 1941. He wrote books for children and travelled much. He wrote stories about animals, his pseudonym was 'Cheglok'. He travelled around the world twice with his friend, an animalist Vasilii Vatagin, who shared his theosophical ideas. In 1905 Alexander Usov took part in the revolutionary movement in Sochi, later on he lived abroad. He influenced his friend A. A. Lunacharsky who then became People's Commissar of education. In 1914 – 1915 Usov and his friends founded a little theosophical ashram in Lazarevskaya, near Sochi, in the Caucasus. In a village called Guarek he wanted to build the temple of the Sun in the shape of a star where through a system of mirrors the sunlight would have stayed in every corner all day long.

In the evening the theosophists used to light a fire by the seashore, they read poems, meditated and discussed problems. Among those who visited this ashram was M.Voloshin, a famous poet, who was interested in anthroposophy. At the end of the 30–s, when A.Lunacharsky died, Usov was arrested and exiled to Siberia. In 1941 he left his home to die in freedom, he never returned.

Among the Russian theosophists I'd like to mention a good friend of M. Voloshin, a poetess Adelaide Gertsyk – Zhukovskaya, who lived in Sudak in the Crimea. I heard about her a lot from her son. She was a very courageous woman. Having gained a torture – chamber experience she wrote the recollections the manuscript of which is now going around «Torture – chamber Essays». They consist of very fine psychological observations of innocent people who went to prison for their noble background or for their religious and other convictions. One can judge these essays by the title of a series dedicated to prison — «Sanatorium of the Soul». Adelaide Gertsyk – Zhukovskaya saw how these unbearable conditions changed the psyche of the people and how the people were transformed. The prosaic, outer trumpery disappeared and in the people arose unusually deep and noble features. The hate between the old enemies who shared the same destiny disappeared and the vicinity of death made the people put up with the things which hadn't really been so essential in the discrepancies, it made them see life and beauty in a new light. The people who in their everyday life had been inconspicuous and very egoistic suddenly became heroic and showed sensibility, depth, mutual understanding and wisdom. I hope that these essays will come out some day. In them can the heroism of the author be felt who could transform the hardest trials into a lesson which she could learn without turning bitter.

Anyway, let me go back to the other workers of the theosophical movement. The son of Sophia Slobodinskaya, Leonid, was born in 1900. He took part in «a children's lodge» — a movement of spiritual knights and «pages» («The Order of the Star in the East»). If I am not mistaken the name of this knights' brotherhood was «Golden Chain» or «Ring of Golden Chain». Theosophical ideas were always present in Leonid Slobodinsky's life. He was an agronomist and wrote a diary about his life. As the atmosphere in which he lived did not exclude his being informed on, he was writing his diary in symbolic drawings and the description of his taking part in the spiritual movement of the «pages» was in a form of a shield inside which there was a drawing. If I meet no obstacles in the customs I'll be ready to demonstrate these diaries in which the symbolism of light and emotion is very harmoniously presented and all the elements are harmoniously intertwined. Luckily, Leonid Slobodinsky escaped crackdown in spite of his active participation in the activity of the theosophical centre in Lazarevka organized by Usov (Cheglok).

Among the members of this society were the Obnorskys: Aleksei who was born in 1898 and his wife Olga. Aleksei Obnorsky belonged to an old aristocratic family. He was highly educated, he got exclusively good education, he knew six languages, was profoundly interested in philosophy and professed theosophical ideas. Obnorsky, a very fascinating person, was always surrounded by young people whom he provided with the banned theosophical literature. He himself translated the works by Krishnamurti, maintained contacts between the theosophists of Moscow, Leningrad and other cities who had survived. In 1952 he was arrested — he was informed on — and only the death of Stalin and the amnesty which followed later on saved him from the concentration camp. Olga Obnorskaya was a woman of exclusive spiritual character. She wrote poems, was good at drawing and she was an unusually strong medium. She received information from the Teachers of the East through a telepathic contact, this information was written down in a poetical manuscript «Garden of the Teacher». She died in 1957. It is worth mentioning that she predicted precisely the day of her death a few years before it. Interesting is also that her telling fortunes with respect to her relatives and close friends was amazingly precise. The theosophists of Leningrad used to gather at the Obnorskys' place. Among them we should name Olga Yenko. She was a wonderful, sunny nature, always happy and cheerful.

She helped her husband in translating «Kalevala» into Russian. She never parted with an ivory cross with roses. With deep respect she mentioned the Rosicrusian movement. She

was a close friend of Unkovskaya whose work «Light—Sound—Number» was published by the Theosophical Publishing House in St.Petersburg.

To this society also belonged Sophia Lesman. Together with her husband, Joseph Lesman, who was a violinist of the Auer chamber orchestra she belonged to the Theosophical society. She was a daughter of a Greek manufacturer who lived in Russia. She left her home to help those who were starving in Povolzhye. She went through the hardest trials. She was a close and confidential friend of Anna Kamensky, chairwoman of the Russian theosophical movement. After the dispersing of the Theosophical society and after Anna Kamensky left Russia Sophia Lesman worked in Russia instead of her, she kept safe the literature, helped those in need and kept contact with other theosophists. She was exiled to Alma—Ata together with her husband who founded a music school there. His pupils were under the influence of theosophical ideas. On coming back to Leningrad Sophia Lesman lived alone in a small dark room. Her husband and son had died. She didn't tell much about herself for she was afraid of another crackdown, but her presence itself at the meetings created an atmosphere of seriousness, depth and wisdom. She was a remarkable person who could win the love of people who knew her. She was always calm, simply dressed and she never parted with the amethyst beads given to her by Sophia Gerye who was also a well—known Russian theosophist. Sophia Lesman attached great importance to the violet color of the beads and said that they helped her to feel the contact with the great Masters who gave life to the theosophical movement. In her room she kept the portraits of Blavatsky, Besant, Jinarajadasa, Leadbeater, Arundale and Krishnamurti. Her hard life Sophia Lesman lived with amazing strength, seeing in it a manifestation of Karma. She died in the 70—s in an old people's home.

To the society belonged the Timofeyevskys. The head of the family, medical professor Pavel Timofeyevsky, a friend of a famous academician Bekhterev, was a prominent member of the theosophical society in St.Petersburg. His publications about the spiritual freedom of man and about immortality, the basic ideas of theosophy, are well—known. After the revolution he was arrested, he died in prison. His daughter, Yekaterina Timofeyevskaya, was exiled but not imprisoned.

His son, Timofei Timofeyevsky, fell victim to crackdown as «a son of the people's enemy», because he refused to admit that his father was «the people's enemy». Yekaterina Timofeyevskaya was a painter and a poet. Her works were not published because of their religious contents. Fortunately, her poems were preserved in manuscripts and may some day be published. The heroic pathos and the remarkable sincerity of these poems speak for themselves. The basic idea in them is the conquering of oneself and confidence in the Higher Powers. If we can apply the epithet of a knight to a woman this concerns Yekaterina Timofeyevskaya. The full honesty in thought, words and deeds drew to her everybody she met. She died in 1987. She was found by her bed kneeling, her head lying on a pile of old copies of the journal «Messenger of Theosophy». On the table in front of her there was a portrait of Master M.

I shall go over to a group of theosophists in Moscow whom I was lucky enough to meet.

Ariadna Arendt was a sculptor, a descendant of the doctor who treated the great Russian poet Pushkin. Ariadna Arendt was a woman who preserved an amazingly strong will and joy of life in spite of the fact that early in her youth she lost her legs. She was a friend of M.Voloshin and the ideas of the «Agni Yoga» by the Roerichs permeated through her. Her house was always open for the young and her library was available to everybody who was interested in it. In her home the works by Blavatsky, the Roerichs, Steiner, translations of Krishnamurti, Ramacharaka, occult works, the novels by Krizhanovsky (Rochester) could be found in spite of cruel times. Her invalidism and openness, great enough, defended her and her husband, Anatolii Grigoryev, from repression. A. Grigoryev married her in spite of her disability, kept close to her and served her till the last day of his life. Ariadna is still alive.

Among the theosophists in Moscow I met a wonderful woman, Yevgenia Dementyeva. She has been a well—known musician, who has in the old age preserved a very clear mind,

she has been translating Krishnamurti and writing poems of her own. As an example of her thoughts I'd like to quote one of her poems. At the age of about 90, sick, with a broken hip, helpless, deaf, nearly blind, she writes as follows:

Louder and louder is the call of the skies.
Weaker and Weaker the song of life.
I wish the end of my way came soon.
Somebody whispers me a silent reproach:
«Understand: as long as you live, you must not wish to go...»

«Everything is not finished yet. Many duties still.
Not yet reached is the silent world of the spirit.
Excitement and restlessness have not gone away yet —
Don't rush to end your earthly life».

«Only those who fulfilled their duties, go,
or those who could not, or did not want to.
Accept, blessing as a gift, your suffering,
so that every new day may be a step on the Path».

In the theosophical circles the name of Kora Antarova is well—known. She was a talented singer who had some remarkable visions which helped her to create a work called «Two Lives» in which through literary means the occult side of the Masters' work was opened. Among the characters in the book was mentioned Leo Tolstoi. This literary work keeps in it many occult revelations and theosophical ideas.

Sergei and Maria Antonyuk were amazingly wise and kind people. They were teachers and their devotion to the theosophical movement inspired many of their pupils. When Sergei Antonyuk spoke about the ideas dear to him he became consumed with emotion and grew inspired. Greyhaired, short, he got transformed into a very happy person and people could not help rejoicing with him seeing this transformation. Those who were close to him could not help feeling happy because of the fact that the world is so rational that the stars shine with love, the grass smiles, all around is filled with beauty and thought. With his joy of life he reminds us of Franciscus Assisiensis — that's what kind of man he was.

One could not help loving and admiring everyone of these people. They were like sparks of a whole epoch, of a teaching that came simultaneously from the past and from the future and like seeds that fall into the ground they promote the great sprouts of the ideas of uniting people, religion and philosophy.

I want to close my speech with a quotation from the poems by Dementyeva:

Don't cry for me with wearisome helplessness,
hoping to keep me when my time comes.
Understand — there is no death. I'll stretch out my wings,
they'll carry me to a rapid flight.

It is birth, not death... The spiral leads all steeper.
Dimly I see a continuous row of curves.
And ahead, in mist, steep, unknown precipices.
When going up don't look back.

But I love you, my dear earth,
and I'll return to you when the time comes.
Will it be sooner or later — I know not...
There's no time There, only the stream of the Eternity.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи принимаются редакцией в машинописи, в двух экземплярах. Редакция оставляет за собой право, в случае необходимости, редактировать и сокращать полученные для публикации рукописи, не касаясь существа излагаемого. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

К СВЕДЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВ И РЕДАКЦИЙ

При перепечатке произведений и материалов, помещенных на страницах нашего журнала, частичном их воспроизведении или использовании сообщенной в них информации, ссылка на «Вестник Теософии» обязательна. Просим также во всех перечисленных случаях присылать соответствующие экземпляры ваших изданий.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ

Подписаться на почтовую рассылку журнала наложным платежом Вы можете заявкой, высланной открыткой в адрес редакции. Принимаются коллективные заявки. При приобретении оптовых партий назначается скидка.

Адрес редакции: 109280 Москва, ул. Восточная, 4.
Address of editorial office: 4, Vostochnaya st., Moscow 109280, Russia
Телефон (095) 275-19-50 Phone

Набор, верстка и изготовление оригинал-макета осуществлены в малом предприятии «Элинком-ИНТЕХ»

Зак. 445 – 15000

Отпечатано в типографии ИПО Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ Въ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адьярѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющихъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленін къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто, какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка, какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его — какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

Satyat Nasti Paro Dharmah